

**ЭКОНОМИКА И ИСТОРИЯ
ИНДИИ И ПАКИСТАНА**

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
И Н С Т И Т У Т Н А Р О Д О В А З И И

ЭКОНОМИКА И ИСТОРИЯ ИНДИИ И ПАКИСТАНА

И З Д А Т Е Л Ь С Т В О « Н А У К А »
Г Л А В Н А Я Р Е Д А К Ц И Я В О С Т О Ч Н О Й Л И Т Е Р А Т У Р Ы
М о с к в а 1 9 6 6

Ответственные редакторы

Л. Р. ГОРДОН-ПОЛОНСКАЯ, Р. П. ГУРВИЧ

Индекс $\frac{1-11-4}{4-БЗ-39-65}$

О. В. Маев

ИНДИЙСКИЙ МОНОПОЛИСТИЧЕСКИЙ КАПИТАЛ И НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРОМЫШЛЕННОЙ ПОЛИТИКИ

В результате завоевания политической независимости к власти в Индии пришла национальная буржуазия. Как и в других молодых государствах, подавляющая ее часть персонифицировала мелкий капитал, для которого характерны крайне незначительные масштабы накопления и предприятия. Однако отличительной особенностью индийской буржуазии является то, что в ее составе уже сложилась монополистическая прослойка, занимающая сильные позиции в экономике страны и резко отличающаяся по своему экономическому положению от основной массы класса¹. Это обусловило ряд особенностей развития независимой Индии вообще и промышленной политики правительства в частности.

В Индии в 1951 г. общая численность «нанимателей» в несельскохозяйственных отраслях экономики составляла немногим более 1 млн. (примерно 1% самодеятельного населения, см. табл. 1). К этой группе тяготеет и значительная часть «независимых работников» в сфере торговли и финансов, представляющая капитал скупщика. В свою очередь многие «независимые работники» в сфере производства в действительности являются полностью зависящими от скупщика надомными рабочими. Большинство «нанимателей» — это мелкие хозяйчики, персонифицирующие «зачатки капитализма» и низшие формы капиталистического предпринимательства. Об этом свидетельствует тот факт, что около 70% их числа сосредоточено в отраслях, где на одного «нанимателя» в среднем приходится менее 10 «работающих по найму». В обрабатывающей промышленности в таких отраслях были заняты 190 тыс., или 63%, «нанимателей». Очевидно, что подавляющая часть их — владельцы мелких дофабричных предприятий. Капиталистическая фабрика еще не овладела этими отраслями, и в них преобладает кустарное производство и капиталистическая работа на дому. Об этом свидетельствует низкий удельный вес «работающих по найму», в том

¹ Вопрос об индийском и иностранном капитале в Индии исследуется в работах М. А. Александрова, А. И. Левковского, С. М. Мельман, В. И. Павлова, Л. И. Рейснера, Г. К. Широкова, Р. А. Ульяновского и др. Здесь делается лишь попытка краткой общей характеристики торгово-промышленной буржуазии и иллюстрации места крупного капитала в ее составе.

Таблица

Основные группы несельскохозяйственного населения Индии в 1951 г.*

Отрасли	„Наниматели“, тыс.	Работники, тыс.			Процент „работающих по найму“ в общей численности работников ³		Среднее число „работающих по найму“ на одного „нанимателя“
		„независимые“	„работающие по найму“		всего	фабрично-заводских рабочих	
			всего	фабрично-заводские рабочие			
Торговля	480	4 121	977	—	—	—	2
Финансы	22	132	150	—	—	—	7
Сфера услуг	128	3 383	1 941	—	36,5	—	15
Транспорт	37	550	571	—	50,9	—	15
Строительство и коммунальные услуги	32	841	705	—	45,7	—	22
Плантации	9	90	963	—	91,5	—	107
Горнодобывающая промышленность	6	116	445	—	79,3	—	74
Обработывающая промышленность	303	5 393	3 250	2 299	37,6	26,6	11
в том числе:							
текстильная	69	1 258	1 443	1 119	53,4	41,3	21
сахарная	4	49	83	106	62,8	62,8	21
бумажная	0,6	6	24	28	83,0	80,0	40
прочие отрасли легкой и пищевой промышленности	190	3 388	1 133	804	25,1	17,8	6
металлообработка и машиностроение	33	462	362	353	44,5	43,4	11
промышленность стройматериалов	5	96	110	74	53,4	35,9	22
металлургическая	2	19	102	102	85,6	85,6	51
химическая	0,7	6	15	21	71,5	71,5	21
Прочие отрасли	40	987	299	—	—	—	7
Всего	1 057	15 613	9 301	—	—	—	9

* «Census 1951. Economic tables of reorganised States. Paper № 1, 1960», New Delhi, 1961, pp. VII, 113, 118—151; «Indian labour statistics 1961», Delhi, 1961, pp. 18—24. Число «нанимателей», «независимых» работников и «работающих по найму» дано по состоянию на 1 марта 1951 г., а фабрично-заводских рабочих — исходя из среднедневной занятости в 1951 г.

числе и фабрично-заводских рабочих, в общей численности работников. Различные выборочные обследования мелких промышленных заведений² показывают, что уровень накопления и масштабы предприятия, соответствующие этой части буржуазии, крайне невелики. Собственный капитал их владельцев обычно колеблется от нескольких тысяч до 50 тыс. рупий. Во всяком случае он, как правило, меньше 100 тыс. рупий. Даже если исключить самые мелкие предприятия, характеризующиеся довольно

² См., например: P. N. Dhar, *Small scale industries in Delhi*, Delhi, 1958; «Pattern of investment by sources of capital of small industrial units in eight industrial estates», Delhi, 1960.

значительным участием в производительном труде их владельцев и членов их семей, размеры предприятий здесь измеряются лишь десятками тысяч рупий. Учитывая, что и в других отраслях экономики мелкие предприятия занимают значительное место, не будет преувеличением сказать, что не менее 80% «нанимателей» персонифицировало в 1951 г. подобного рода мелкий капитал.

Основная часть современного капиталистического предпринимательства представлена акционерными компаниями. Последние играют важную роль в экономике Индии, поставляя примерно половину промышленной продукции в частном секторе³; акционерные компании владеют примерно 40% фабрик, концентрирующих свыше $\frac{9}{10}$ капитала и производства в фабричной промышленности⁴, большинством плантаций, шахт и рудников, крупными торговыми и финансовыми предприятиями. Представление о действующей здесь буржуазии могут дать сведения об облагаемых подоходным налогом индивидуальных получателей дивидендов. С 1955/56 по 1958/59 г. их число увеличилось с 54 530 до 78 197⁵. Можно предполагать, что в 1951 г. их было менее 50 тыс. Средний размер годовых доходов от дивидендов — довольно постоянная величина для этой группы акционеров. В 1955/56—1958/59 гг. он колебался в пределах 4,7—4,9 тыс. рупий. Если исходить из среднеиндийского уровня дивидендов в 1957 и 1958 гг., который был равен 9%⁶, то этот доход соответствовал бы пакету акций в 50—70 тыс. рупий. Однако средние данные об акционерах скрывают громадные различия в их составе. Об этом свидетельствуют, например, цифры, приведенные в докладе Комитета Махалонбиса по изучению распределения доходов: в 1954/55 г. 1,4% общего числа акционеров получили 31,5% общего дохода от дивидендов, в то время как на 50,3% акционеров пришлось лишь 10,8% общего дохода; в 1959/60 г. 1,5% облагаемых налогом акционеров получили 34,6% общего облагаемого налогом дохода от дивидендов (до 1955/56 г. минимальный размер облагаемого налогами дохода составлял 4,2 тыс. рупий, с 1955/56 г. — 3 тыс. рупий)⁷.

Более подробные сведения о составе акционеров дает табл. 2.

Акционеры, получающие годовой доход менее 10 тыс. рупий каждый, по величине принадлежащего им капитала не отличаются от сотен тысяч представителей мелкого капитала, действующих вне сферы акционерных компаний. Составляя примерно половину всех облагаемых налогом индивидуальных получателей дивидендов, эти акционеры получают лишь немногим более десятой части доходов от дивидендов, что говорит о том, что они владеют незначительной частью капитала акционерных компаний страны. Акционеров, имеющих годовой доход

³ «Report of the Committee on distribution of income and levels of living», New Delhi, 1964, p. 30 (далее — RCDILL).

⁴ «Eleventh census of Indian manufactures 1956», Calcutta, 1959; R. K. Nigam, N. C. Chaudhuri, *The corporate sector in India*, Delhi, 1960, p. 2.

⁵ «Statistical abstract of the Indian Union 1958—1959», Delhi, 1960, pp. 275—276. Общее число акционеров (включая компании и акционеров, освобожденных от уплаты налогов) увеличилось с 101 тыс. в 1954/55 г. до 165 тыс. в 1960/61 г. В среднем годовой доход от дивидендов, приходящийся на одного акционера, составлял в 1960/61 г. 4,3 тыс. рупий (облагаемого налогом акционера — 6,3 тыс. рупий и освобожденного от налога — 1 тыс. рупий). Если исходить из среднеиндийского уровня дивидендов в 1960/61 г. 8,5%, величина среднего пакета акций составляла соответственно 50,6 тыс. рупий, 74 тыс. рупий и 11,8 тыс. рупий (подсчитано по: RCDILL, pp. 29, 84).

⁶ «India, pocket book of economic information», Delhi, 1961, p. 55.

⁷ RCDILL, p. 29.

Таблица 2

**Облагаемые налогом индивидуальные получатели дивидендов
и их доходы в 1958/59 г.***

Группы по размеру годового дохода, тыс. рупий	Акционеры		Доход от дивидендов			Пример- ный средний размер пакета акций, т. с. рупий
	число	%	общий по группе		в среднем на одного получателя дивидендов, тыс. рупий	
			тыс. рупий	%		
До 10	38 428	49,1	51 269	13,9	1,3	14
10—100	38 327	49,0	214 184	58,2	5,6	61
в том числе:						
10—30	34 578	44,2	143 983	39,1	4,2	46
50—100	3 749	4,8	70 211	19,1	16,1	179
100 и более	1 442	1,9	103 009	27,9	71,4	794
в том числе:						
200 и более	371	0,5	55 792	15,1	150,5	1 672
Всего . . .	78 197	100,0	368 462	100,0	4,7	52

* «Statistical abstract of the Indian Union 1958—1959», p. 275.

10—100 тыс. рупий, можно отнести к представителям среднего капитала. Они также составляют около половины облагаемых налогом индивидуальных получателей дивидендов и владеют основной частью капитала акционерных компаний, получая примерно $\frac{3}{5}$ дохода от дивидендов. Подавляющая часть их (годовой доход 10—50 тыс. рупий) по своему положению крайне близка к акционерам, имеющим 10 тыс. рупий дохода; лишь небольшая их прослойка (50—100 тыс. рупий дохода) тяготеет к акционерам, получающим в год 100 тыс. и более рупий. Таких акционеров можно отнести к представителям крупной буржуазии. Общая численность их — менее 1,5 тыс. (около 2%), но они владеют примерно четвертой частью всего капитала акционерных компаний. Внутри этой группы выделяются несколько сот акционеров, получающих 200 тыс. и более рупий. Их правомерно назвать миллионерами, ибо каждому принадлежит пакет акций, приближающийся к миллиону рупий или даже превышающий эту сумму. Средние размеры принадлежащего им капитала и доходов на него в десятки и сотни раз больше, чем капитал и доходы, характерные для подавляющей части акционеров.

Данные об акционерном капитале, принадлежащем отдельным лицам, еще не говорят о размерах контролируемых ими предприятий, о степени их контроля над сферой акционерных компаний. Сама акционерная форма предприятий предполагает объединение капитала отдельных лиц и подчинение его крупнейшим держателям акций. Поэтому сведения о составе облагаемых подоходным налогом акционеров следует дополнить сведениями о компаниях по величине их акционерного капитала.

Подавляющее большинство компаний — крайне мелкие предприятия, оплаченный капитал которых меньше 100 тыс. рупий. По своему размеру они немногим отличаются от предприятий, характерных для

Таблица 3

Частные компании и их оплаченный капитал
(31 марта 1958 г.) *

Группы компаний по величине оплачен- ного капитала, тыс. рупий	Компании		Оплаченный капитал		Средний размер компаний по величине оплаченного капитала, тыс. рупий
	число	%	млн. рупий	%	
До 500	24 786	87,8	1 603	15,2	65
500 — 1 000	1 595	5,7	996	9,5	625
1 000 — 5 000	1 458	5,2	2 876	27,4	1 971
5 000 — 10 000	217	0,8	1 444	13,8	6 663
10 000 и более	133	0,5	3 576	34,1	26 887
Всего . . .	28 189	100,0	10 495	100,0	372

* «Socialist Congressman», I.VIII.1961, pp. 20—22; «Investors encyclopaedia, 1960», Madras, 1961; «Commerce», 12.VIII.1961, p. 315.

низших форм капиталистического предпринимательства в Индии. Компании с капиталом свыше 500 тыс. рупий составляли лишь 12,2% общего числа частных компаний, в том числе компаний с капиталом 1 млн. рупий и выше насчитывалось менее 2 тыс. (6,5%). Однако эти 6,5% компаний сосредоточивали 75,3% акционерного капитала в частном секторе. Средний оплаченный капитал таких компаний (4,4 млн. рупий) в 73 раза превышал средний оплаченный капитал 87,8% акционерных компаний, а средний оплаченный капитал 133 крупнейших компаний (на них приходилось более трети акционерного капитала в частном секторе) превышал тот же уровень уже в 448 раз!

Горстка магнатов капитала и несколько крупнейших компаний несомненно тесно связаны между собой. На эту связь указывают подсчеты Резервного банка Индии, согласно которым в 1960 г. 0,5% акционеров владели 56,5% акций 70 крупнейших частных компаний (их средний оплаченный капитал был равен 30,3 млн. рупий, а суммарный оплаченный капитал — 2120 млн. рупий, или около 1/5 капитала всех частных акционерных компаний)⁸. Владение капиталами, во много раз превышающими средний уровень накопления, характерный для основной массы индийской буржуазии, позволило небольшому кругу семейств — представителей крупного бизнеса — захватить контроль над значительной частью сферы акционерного предпринимательства. По подсчетам индийского экономиста Р. К. Хазари, в 1958 г. 18 индийских групп контролировали 30% оплаченного капитала и 35% основного капитала всех частных акционерных компаний⁹. Господство магнатов капитала сохранилось и в последующие годы. В 1962 г. 100 крупнейших индийских групп контролировало примерно 54% общего оплаченного капитала частных акционерных компаний, в том числе 25 наиболее крупных семейств — примерно 42% капитала (табл. 4). Включая крупнейшие зарегистрированные в Индии иностранные монополии,

⁸ Ibid.

⁹ Ibid., p. 93.

Таблица 4

25 крупнейших индийских групп в 1962 г.*

Группа	Число контролируемых: х** компаний		Оплаченный капитал	Основной капитал	Активы	Средний размер компании по величине оплаченного капитала
	всего	в том числе тех, капитал котор х известен				
млн. рупий						
Тата	140	82	1470	2320	9020	17,9
Бирла	300	96	734	933	3550	7,6
Далмия-Джайн***	45	30	310	399	2880	10,3
Б. Муккерджи-«Мартин Бэрн»	24	19	215	755	1440	11,3
«Киллик»	14	8	147	226	340	18,4
Бангур	33	26	135	185	500	5,2
Сингхания	53	23	132	197	550	5,7
Вальчанд	13	11	130	126	480	11,8
Гоенка	59	58	128	140	407	2,2
Сураджмал Нагармалл	63	54	129	141	520	2,4
Махиндра	17	7	120	185	500	17,1
Тхапар	34	22	113	125	440	5,1
Рам	15	8	98	222	530	12,2
Килачанд	11	7	100	110	1420	14,3
Куппусвами Найду	15	15	90	131	260	6,0
Чинаи	11	4	97	187	220	24,2
Мафатлал	20	11	90	108	350	8,2
Лалбхай	20	13	82	156	350	6,3
Муруганпа Четтиар	17	9	87	103	200	9,7
Мангалдас-Дж. Х. Мехта	30	21	65	93	290	3,1
Рамнараян Руйа	24	15	61	65	200	4,1
Кирлоскар-Варде	24	14	60	75	435	4,3
Котхари	25	17	54	72	117	3,2
Тулукдар-Лоу	10	8	57	20	820	7,1
Сешасайе	13	9	88	110	186	9,8

* Подсчитано по: «Kothari's economic guide and investors' handbook of India 1963», Madras, [S. a.]. Помимо указанных 25 групп в подсчет капитала 100 крупнейших индийских групп вошли семейства Мутхия Четтиар, Сривастава, Баджадж. Джайпурия, Кхатау, Тьягораджа Четти, Камани, Амин, Сарабхай, П. Шапурджи Мистри, Индра Сингх, Рамкришна и др.

** Включая компании, контролируемые совместно с иностранным капиталом.

*** В годы независимости семейство организационно разделило компании на три группы.

128 групп контролировали примерно $\frac{2}{3}$ общего оплаченного капитала всех частных компаний¹⁰. Указанные группы часто связаны между собой участием в одних и тех же компаниях. Так, довольно прочные деловые связи существуют между семействами Хирачанд и Килачанд, Руйа и Кхатау, Чинаи и Руйа, Тхакерси и Кхатау, Мангалдас и Лаллубхай, Бангур и Гоенка, Сривастава и Тхапар и т. д. При всем различии положения отдельных семейств их выделяет из остальной массы индийской буржуазии владение громадными (по индийским масштабам) капиталами и способность основывать (самостоятельно или путем объединения своих капиталов) крупные современные предприятия, требующие десятков и сотен миллионов рупий инвестиций. Не случайно

¹⁰ Подсчитано по: «Kothari's economic guide and investors' handbook of India 1963».

Таблица 5

Позиции 128 групп в экономике *

Отрасль	Год	Группы, имеющие предприятия		В том числе группы, доминирующие в отрасли	
		число	доля в мощностях, %	число	доля в мощностях, %
Хлопчатобумажная	1962	56	70	8	27
Джутовая	"	13	82	8	70
Сахарная	1961	33	55	7	25
Бумажная	1962 63	14	92	5	73
Цементная	1963	11	99	2	71
Электроэнергетика**	1959	2	78	2	78
Выплавка чугуна и стали**	1962	2	100	2	100
" алюминия	"	3	100	3	100
Производство автомобилей	"	6	100	6	100
Паровозостроение**	"	1	100	1	100
Производство оборудования:					
для сахарных заводов	1961	12	96	6	90
" цементных	"	4	100	3	98
" текстильных фабрик	"	5	70	3	60
Станкостроение**	"	14	73	3	70
Производство кальцинированной соды	1963	4	100	4	100
Банковское дело**	"	17	84***	4	59***

* Подсчитано по: «Kothari's economic guide and investors' handbook of India 1963»; «Eastern Economist», Annual number 1964; «Planning for power development in India», New Delhi, 1961; «Production and programmes of manufacture of machinery and equipment in 1960, and in the Third five year plan of India», New Delhi, 1961.

** Частный сектор.

*** Доля в депозитах.

средний размер компаний, контролируемых 100 индийскими группами (7,5 млн. рупий), почти в 40 раз больше, чем средний размер оплаченного капитала более чем $\frac{9}{10}$ компаний за пределами сфер влияния крупнейших групп (0,2 млн. рупий).

Контролируя более половины акционерного капитала страны, индийские магнаты капитала наряду с иностранными монополиями занимают господствующее (нередко монопольное) положение в важнейших отраслях экономики. Их господство особенно велико в тяжелой промышленности, требующей громадных капиталовложений, недоступных для подавляющей массы национальной буржуазии (табл. 5). Все это позволяет отнести горстку крупнейших представителей крупного бизнеса страны к монополистическому капиталу.

Громадные различия в величине собственного капитала и связанные с этим различия в характере предпринимательства, в размере и отраслевом направлении предприятий, в степени контроля над крупнейшими компаниями и основными отраслями экономики — все это обусловило определенные противоречия между монополистическим капиталом и основной массой индийской буржуазии, противоречия, объективно существующие, несмотря на общность классовых интересов.

Можно назвать следующие основные линии таких противоречий.

1. Поскольку размеры контролируемых индийскими монополиста-

ми предприятий (или групп предприятий) в десятки и сотни раз больше размеров предприятий, принадлежащих основной массе буржуазии, и на них приходится значительная часть производства в важнейших отраслях, эти предприятия не только побеждают в конкурентной борьбе, но всякое значительное расширение принадлежащих им мощностей сопровождается разорением тысяч мелких предпринимателей. Это в первую очередь относится к такой традиционной отрасли индийской промышленности, как хлопчатобумажная, где само существование кустарного производства и десятков тысяч «нанимателей» зависит от ограничения производства на предприятиях индийских монополистов.

2. Монополистический капитал нередко выступает также в качестве единственного потребителя изделий мелких предприятий. Так, последние поставляют примерно 30% узлов и деталей для автомобилей, производство и сборка которых сконцентрированы на шести заводах, принадлежащих иностранному и индийскому монополистическому капиталу. Это не только превращает массу мелких промышленных заведений как бы в придатки крупного предприятия (оно имеет, таким образом, возможность диктовать цены на приобретаемую продукцию), но и приводит к их разорению, когда крупное предприятие переходит к полному циклу производства и начинает самостоятельно изготавливать изделия, прежде получаемые от мелких. Переход крупного завода или фабрики к полному циклу производства нередко угрожает разорением и тем мелким промышленным заведениям, для которых оно является монопольным поставщиком сырья или полуфабрикатов. Так, масса мелких трикотажных заведений Дели полностью зависит от пряжи, поставляемой компанией «Мадур миллз» (крупнейшая в Индии по производству хлопчатобумажной пряжи компания сама не выпускает тканей). Она принадлежит английскому капиталу и индийскому монополисту Мутхия Четтиару. Подобным же образом владельцы мелких заводов вторичного проката заинтересованы в отставании мощностей по прокату двух монопольных производителей стали в частном секторе — металлургических комбинатов Таты, Бирена Мукерджи и английского капитала, поскольку такое отставание обеспечивает их основным сырьем — стальными заготовками.

3. Последнее обстоятельство вплотную подводит к важнейшему узлу противоречий внутри индийской буржуазии. Монопольное положение крупного капитала в ряде основных отраслей I подразделения (прежде всего в тяжелой индустрии) ставит сотни тысяч индийских предпринимателей в полную зависимость от горстки крупнейших магнатов капитала, которые производят важнейшие средства производства и в силу своего монопольного положения имеют возможность диктовать цены на них. Установление монопольных цен на такие товары, как металлы, цемент, оборудование и т. п., означает разорение для массы мелких потребителей этих товаров.

4. Монополистический капитал сконцентрировал в своих руках контроль над крупнейшими частными банками страны и поэтому получил возможность использовать средства самых широких слоев индийского населения для финансирования своих предприятий. Это в громадных масштабах увеличивает размеры капитала, которым распоряжаются представители крупного бизнеса, что является важным фактором расширения их позиций в экономике страны. В то же время, поскольку банки проводят дискриминационную политику в инте-

ресах контролирующих их групп, а высокая степень концентрации банковского дела позволяет крупнейшим финансовым организациям заключать монопольные соглашения об уровне процента, это резко удорожает промышленный кредит для представителей мелкой и средней буржуазии, ограничивает либо же прямо лишает ее возможности использовать средства населения для финансирования своих предприятий.

5. Основание крупных акционерных компаний с тысячами и десятками тысяч акционеров — еще один путь использования средств широких слоев населения в интересах монополистического капитала. Это также перераспределяет средства населения в пользу крупного бизнеса. Будучи учредителями и крупнейшими акционерами таких компаний, владея контролирующими их управляющими агентствами, захватив большинство директорских постов в их правлениях, монополисты полностью распоряжаются капиталами и средствами остальных акционеров и манипулируют ими в интересах всего своего концерна, часто вопреки интересам основной массы акционеров данной компании. Наиболее типичными примерами являются кредитование и инвестиции в акции других предприятий концерна, покупка средств производства и продажа готовой продукции в пределах концерна (а не по наиболее выгодным условиям свободного рынка), периодический отказ от выплаты дивидендов, разоряющий массу более мелких акционеров, и т. п.

6. Наконец, индийский монополистический капитал заимствовал у английских монополий такой специфический инструмент присвоения части прибылей на мелкий и средний капитал, как система управляющих агентств. Принадлежащие магнатам капитала агентства отбирают в качестве «вознаграждения», «оплаты расходов», комиссионных и т. п. значительную часть прибылей управляемых ими компаний, т. е. перераспределяют в свою пользу часть прибылей, приходящихся на капитал остальных акционеров.

Все это создает экономическую базу для определенного расхождения интересов монополистов (и связанной с ними или приближающейся к ним по размерам своего капитала крупной немонополистической буржуазии и верхушки средней буржуазии), с одной стороны, и основной массы индийской буржуазии — с другой. Противоречия внутри правящего класса, неизбежно возрастающие по мере роста индийского монополистического капитала, не могли не отразиться на политике правительства.

II. В результате прихода к власти индийская буржуазия получила возможность использовать государство для достижения своих коренных целей: обеспечения экономического господства в стране, ослабления позиций иностранного капитала и крупных помещиков, полного овладения внутренним рынком и защиты его от иностранной конкуренции, создания наиболее благоприятных условий для функционирования национального капитала. Именно эти цели лежат в основе деятельности Индийского национального конгресса и правительства, хотя правящий класс и стремится представить их как общенародные, общенациональные, что нашло особенно яркое выражение в концепции «общества по социалистическому образцу». Эти же цели лежат в основе промышленной политики. Важнейшая сторона ее — определение места государства и частного капитала в экономике страны. Национальный конгресс провозгласил курс на ускоренное развитие го-

сударственного сектора в экономике и на контроль и регулирование частного сектора, объявив, что это должно содействовать созданию экономической основы «общества по социалистическому образцу». Однако характер практического осуществления этого курса не противоречит интересам индийской буржуазии. Он не включает программы национализации существующих частных предприятий, не предполагает создания государственных заводов и фабрик в легкой промышленности. Государство берет на себя лишь строительство крупных предприятий тяжелой индустрии, что в значительной мере определяется потребностями роста национального частного капитала: необходимостью скорейшего создания I подразделения общественного воспроизводства, почти отсутствовавшего в колониальный период, при недостаточном (для создания современных заводов в этих отраслях) среднем уровне накопления в частном секторе. Для основания таких предприятий требовались десятки и сотни миллионов рупий, в то время как средний размер оплаченного капитала подавляющего большинства индийских предприятий в частном секторе измерялся лишь десятками тысяч рупий. В «Третьем пятилетнем плане» говорится: «Многие основные отрасли промышленности, требующие крупных капиталовложений и широкого сотрудничества с иностранными фирмами или правительствами и не обещающие немедленной прибыли, не были бы созданы, если бы приходилось рассчитывать лишь на частное предпринимательство. Поскольку на нынешней стадии развития необходимость создания этих отраслей крайне настоятельная, сфера государственного сектора неизбежно должна быть большой»¹¹. Таким образом, если, с одной стороны, создание государственного сектора диктовалось потребностями развития экономики страны и потому соответствовало интересам подавляющей части индийского народа, то с другой — границы государственного сектора, масштабы и характер участия государства в экономике определяются прежде всего интересами правящего класса и в конечном счете ограничиваются потребностями расширенного воспроизводства индийского частного капитала.

Однако внутри правящего класса Индии при общем признании необходимости участия государственного сектора в экономике существуют серьезные разногласия по вопросу о степени такого участия. Подавляющее большинство индийских капиталистов не имеет достаточного капитала для основания предприятий тяжелой индустрии и потому для них не встает вопрос о собственном предпринимательстве в этой области. Лишь горстка монополистов может создавать здесь отдельные предприятия. Сооружение собственных заводов и фабрик в I подразделении означает для них создание индустриальной базы для укрепления своих позиций, открывает путь к установлению экономического господства в стране. Вот почему, хотя монополистический капитал не настолько силен, чтобы самостоятельно полностью обеспечить быстрое развитие тяжелой индустрии, и потому заинтересован в участии государства в создании этих отраслей, он, тем не менее, по мере своего роста все более стремится расширить в них свои позиции и ограничить роль государственного сектора созданием необходимых предпосылок (финансовых и материальных) для деятельности своих предприятий. Установление господства монополий в тяжелой промышленности в значительной степени усилило бы зависи-

¹¹ «Third five year plan», Delhi, 1961, p. 264.

мость мелкого и среднего капитала и ограбление его при покупке средств производства. Поэтому подавляющее большинство индийской буржуазии объективно заинтересовано в том, чтобы не допускать частные монополии в отрасли, которые коренным образом влияют на условия воспроизводства их капитала, и развивать их лишь за счет государственного сектора. И та и другая части индийской буржуазии оказывают давление на правительство, в результате чего его политика по отношению к частному сектору непоследовательна, а порой и противоречива.

Правительство провозгласило, что оно намерено противодействовать росту монополий, используя позиции государства в экономике. В Резолюции о промышленной политике 1956 г. говорится: «Крайне необходимо уменьшить неравенство в доходах и богатстве, существующее в настоящее время, не допустить частные монополии и концентрацию экономической мощи в руках небольшого числа лиц»¹². Важнейшим средством достижения этой цели должно стать расширение государственного сектора: «В отраслях, где по технологическим причинам необходимы предприятия крупного размера, требующие больших капиталовложений, создание их в государственном секторе может предотвратить чрезмерную концентрацию экономической и промышленной силы в частных руках»¹³. Член Плановой комиссии Индии Тарлок Сингх, выступая на семинаре для работников Национального конгресса, говорил: «Мы должны твердо решить, что не позволим нескольким лицам сосредоточить в своих руках все экономическое могущество. Будет ужасно, если это случится. Поэтому необходимо, чтобы государственный сектор рос очень быстрыми темпами. Если он не будет расти, я могу сказать совершенно откровенно, что крупный капитал проглотит нас»¹⁴.

В соответствии с промышленной политикой будущее развитие ряда отраслей экономики зарезервировано за государственным сектором (список А). Было также провозглашено, что в ряде других отраслей роль государственного сектора будет прогрессивно увеличиваться (список Б). И тот и другой списки ограничены отраслями тяжелой индустрии и транспорта, требующими весьма значительных капиталовложений¹⁵. Поскольку незначительные масштабы накопления не позволяют мелкой и средней буржуазии основывать столь крупные предприятия, это ограничение сферы деятельности частного сектора объективно направлено прежде всего против монополистического капитала (индийского и иностранного). Если исключить дорожный транспорт, то на все остальные отрасли, относящиеся к спискам А и Б, в 1951 г. приходилось не более 10 тыс. «нанимателей» (из примерно 1 млн.). По существу же, как видно из вышеприведенных данных о размере капитала различных групп буржуазии, это ограничение сферы частного предпринимательства задевало лишь несколько

¹² «Second five year plan», Delhi, 1956, p. 45.

¹³ «Third five year plan», p. 264.

¹⁴ T. Singh, *Public sector. Its need and justification*, Delhi, 1961, p. 14.

¹⁵ Исключение представляет дорожный транспорт, требующий значительно меньших предприятий. Но именно здесь намерение расширить позиции государственного сектора по существу осталось на бумаге. Государственному сектору, правда, принадлежало в 1960 г. 16 тыс. автобусов, на которые приходилась примерно треть перевозок. Но что касается государственного парка грузовых машин, то он не превышает 2% автотранспорта, занятого грузоперевозками (см. «The times of India directory and year book 1963—64», Bombay, 1963, p. 187).

десятков семейств крупнейших индийских магнатов капитала. В Резолюции о промышленной политике 1956 г. подчеркивается, что ограничения направлены против крупных частных предприятий. В ней говорится, что в отраслях, отнесенных к спискам А и Б, «мелким частным предприятиям, как правило, не будут чинить препятствий в организации производства, например, катеров и других мелких судов, электроэнергии для местных нужд, добычи полезных ископаемых в небольших масштабах. Кроме того, тяжелая промышленность в государственном секторе может удовлетворять часть своих потребностей в более легких компонентах за счет продукции частного сектора... Тот же принцип еще в большей мере будет применяться во взаимоотношениях между крупной и мелкой промышленностью»¹⁶. Не только ограничение сферы частного предпринимательства в отраслях тяжелой индустрии, но и само создание в них государственных заводов задевают интересы монополистического капитала, ибо препятствуют образованию монополии немногих частных компаний на производстве важнейших видов продукции.

Подобным же образом против монополистического капитала объективно направлен и государственный контроль над ценами и распределением в таких отраслях промышленности, как черная металлургия, цементная, угольная, резиновая, производство химических удобрений, искусственного волокна, бумаги и картона. Этот контроль препятствует сговору немногих крупнейших производителей и тем самым уменьшает размеры ограбления потребителей их продукции.

Антимонополистическую направленность имеет и ряд других мер по контролю и регулированию частного сектора. Так, Закон о компаниях 1956 г. предусматривает ограничение господства управляющих агентств — важного орудия распространения влияния монополистических групп в Индии и изъятия ими части прибылей средней и мелкой буржуазии. Этот же закон запрещает любой компании приобретать свыше 10% акций или облигаций другого предприятия той же группы и устанавливает, что максимальные капиталовложения в компании одной и той же группы не должны превышать 20% капитала самого предприятия. Согласно закону, одно лицо не может занимать свыше 20 директорских мест и компании должны продавать широкой публике не менее 49% акций. В конце июля 1961 г. было объявлено, что лицензии на строительство новых предприятий в ряде относительно развитых отраслей промышленности (хлопчатобумажной, джутовой, сахарной, цементной и др.) не будут выдаваться тем лицам, которые уже имеют в этих отраслях фабрики и заводы.

Наконец проводимое в интересах мелкой промышленности ограничение производства в отдельных отраслях фабричной промышленности (например, запрещение расширять мощности ткацких станков хлопчатобумажных фабрик, производство отдельных узлов для автомобилей или выпуск различных видов хлопчатобумажных тканей, особенно конкурирующих с мелким производством) также затрагивает интересы крупного капитала.

Выступая в апреле 1961 г. в Народной палате индийского парламента, бывший министр промышленности Манубхай Шах сказал, что политика правительства ставит целью не допустить дальнейшего усиления крупнейших промышленных домов и помочь мелким и средним

¹⁶ «Second five year plan», p. 47.

предпринимателям. Он заявил, что правительство нуждается в поддержке парламента и страны для борьбы с угрозой концентрации богатства в руках немногих¹⁷.

Однако в силу своего буржуазного характера, в силу того что оно представляет интересы всего класса индийской буржуазии, включая его монополистическую прослойку, правительство не в состоянии проводить достаточно эффективную антимонополистическую политику. Провозгласив намерение не допустить концентрации и монополий, оно в той же Промышленной резолюции 1956 г. гарантирует частному сектору возможность «развиваться и расширяться», обещает ему помощь и поддержку. Но такое «развитие и расширение» неизбежно приводит к концентрации и централизации капитала и производства и в конечном итоге к росту монополистического капитала. Отдельные же элементы промышленной политики представляют собой прямую уступку последнему. Некоторые важнейшие отрасли тяжелой промышленности (например, цементная) не вошли ни в список А, ни в список Б. Отнесение ряда других — химической, алюминиевой, станкостроения, ферросплавов — к списку Б фактически открывало их для монополистического капитала, что особенно выявилось в последние годы. Промышленная резолюция 1956 г. оставляет монополистическому капиталу лазейку и для проникновения в отрасли, входящие в список А. Так, в ней говорится, что резервирование будущего развития этих отраслей за государственным сектором «не устраняет возможности расширения существующих частных заводов или сотрудничества государства с частным предприятием в основании новых заводов, когда этого требуют национальные интересы... В соответствующих случаях частным заводам может быть разрешено изготовление продукта, входящего в список А, для удовлетворения собственных потребностей или в качестве побочных продуктов»¹⁸. Используя эти лазейки или же действуя в нарушение промышленных резолюций, монополистические группы Тата и «Мартин Бэрн» за годы независимости более чем удвоили мощности своих металлургических комбинатов; частные предприятия строили чугунолитейные заводы; в области электроэнергетики группа Таты соорудила и расширила крупную электростанцию в Тромбее; монополистическое объединение «Киллик индастриз», в котором также представлены интересы Таты, значительно увеличило мощность электростанции в Ахмадабаде. Частным промышленным предприятиям было также разрешено строительство электростанций для собственных нужд. Курс на создание в Индии тяжелой индустрии (выражающийся в предоставлении определенных льгот и преимуществ в финансировании, налогообложении, лицензионной политике, выделении инвалютных средств и т. п.) в частном секторе означает поддержку прежде всего монополистического капитала.

Уступки монополистическому капиталу в значительной мере сводят на нет и различные «антитрестовские» меры правительства. Так, несмотря на Закон 1956 г., власть управляющих агентств была мало затронута. Положение о максимуме директорских постов также не соблюдается. Только на западе страны 44 директора 117 крупных компаний занимали каждый свыше 20 директорских постов¹⁹. Но даже

indu», 11.IV.1961; «Financial express», 11.IV.1961.
cond five plan», pp. 46, 47.
conomic times», 3.VII.1961.

в случае неукоснительного соблюдения этих мер их характер не является сколько-нибудь серьезной угрозой позициям монополистического капитала. В лучшем случае они способны лишь несколько замаскировать власть монополий, придать ей «современный», «западный» вид.

Правительство предоставляет монополистическому капиталу и крупную финансовую помощь. Государственные финансовые организации часто оказывают предпочтение монополистическому капиталу перед мелким и средним. Специально образованная комиссия по проверке деятельности государственной Корпорации промышленного финансирования отметила, что «Корпорация проводит фаворитизм в пользу занимающих прочное положение производств и промышленных концернов, с которыми связан тот или иной видный промышленник...». Подобным же образом финансовые корпорации штатов, специально предназначенные для оказания помощи мелким и средним предприятиям, «предоставили крайне незначительную помощь мелкой промышленности... Более того, иногда проводится дискриминация мелких предпринимателей: для небольших займов уровень взимаемого процента выше, чем для крупных...»²⁰.

III. Политика в отношении частного сектора в большой мере определяет и политику в отношении иностранного капитала. Характерная особенность воспроизводства общественного капитала в Индии — его значительная зависимость от иностранной индустриальной и научно-технической базы. При этом такая зависимость меньше в традиционных для Индии отраслях легкой промышленности, поскольку все более растущая часть необходимого для этих отраслей оборудования производится внутри страны, доля оборудования в общих капиталовложениях здесь меньше, чем в тяжелой промышленности, и, наконец, поскольку индийская буржуазия накопила значительный опыт предпринимательства в таких отраслях. Зависимость от иностранного капитала здесь ограничивается лишь необходимостью импорта отдельных элементов оборудования, производство которых еще отсутствует или недостаточно развито внутри страны. Напротив, в отраслях тяжелой промышленности (по существу отсутствовавших в колониальный период), где основная часть капиталовложений связана с импортом иностранных средств производства²¹, где технология особенно сложна и где индийская буржуазия почти не имеет опыта предпринимательства, эта зависимость очень велика. Создание предприятий здесь связано не только с импортом дорогостоящего оборудования, но и с иностранной помощью в его монтаже, организации производства, освоении мощностей, с приобретением патентов и услуг иностранных специалистов, с длительным импортом важнейших запасных частей, а часто также сырья, полуфабрикатов, узлов и деталей. Так, в Третьем пятилетнем плане инвалютная часть капиталовложений в целом оце-

²⁰ P. C. Jain, *Industrial finance in India*, Delhi, 1961, p. 89.

²¹ В 1957—1959 гг. среднегодовой импорт оборудования для таких отраслей промышленности, как текстильная, швейная, коженно-обувная, деревообрабатывающая, стекольно-керамическая, сахарная, табачная, чайная, мукомольная, рисоочистительная, на которые в 1958 г. приходились 2 млн. фабрично-заводских рабочих, составил 200 млн. рупий, а для металлургической, машиностроительной и химической промышленности, где было занято лишь 0,8 млн. рабочих, — 300 млн. рупий (подсчитано по данным: «Statistical abstract of the Indian Union 1958—1959», pp. 517—561; «Production and programmes of manufacture of machinery and equipment in 1960, and in the Third five year plan of India», pp. 193—231).

нивалась примерно в 20%, а в тяжелой промышленности — в 50%. Поэтому самый процесс обеспечения экономической независимости на определенном этапе вызывает усиление зависимости от иностранной техники и технических знаний.

Однако то, в какой мере эта зависимость влечет за собой необходимость иностранных частных инвестиций, во многом определяется политикой правительства в отношении частного сектора. Во-первых, эта политика влияет на размеры накопления внутри страны, а потому и на масштабы привлечения средств извне. Чем больше накопления, тем большая часть оборудования может быть приобретена за рубежом на обычных коммерческих условиях. Хотя абсолютные границы накопления определяются в конечном итоге достигнутым уровнем развития производительных сил, внутри этих границ оно в большой мере зависит от проводимой экономической политики. Национализация ряда важнейших отраслей промышленности (прежде всего иностранных компаний), банков, увеличение налогообложения крупного капитала, введение для него принудительных займов, ограничение размеров дивидендов и т. п. не только перераспределили бы накопления в пользу государственного сектора, но и увеличили бы размеры их в масштабе всей страны. Во-вторых, политика, проводимая в отношении частного сектора, влияет на форму привлечения иностранных средств. При создании предприятий тяжелой индустрии в государственном секторе поддержка социалистических стран обеспечивает получение иностранных средств в форме, наиболее выгодной с точки зрения экономической независимости, — в виде государственных долгосрочных займов правительству. Частное же предприятие при создании крупного современного завода в тяжелой промышленности не только нуждается в привлечении иностранных средств, но часто может обеспечить сотрудничество иностранных фирм в поставках оборудования, строительстве и вводе в строй предприятий, предоставлении инвалютных средств и т. п., лишь отдав таким фирмам часть акций предприятия. Но привлечение иностранного частного капитала требует создания для него «благоприятного климата» внутри страны, т. е. уступок ему. А такой «благоприятный климат» предполагает прежде всего гарантии от национализации не только будущим иностранным инвестициям, но и иностранному капиталу, доставшемуся в наследство от колониального прошлого, который занимал ключевые позиции в индийской экономике. Этот «благоприятный климат» предполагает «равные условия» для индийского и иностранного капитала — фактически дискриминационные для более слабого, лишенного развитой индустриальной и финансовой базы мелкого и среднего индийского капитала.

Выбор той или иной политики в конечном счете определяется интересами правящего класса. Вся индийская буржуазия заинтересована в ликвидации засилья иностранного капитала в экономике страны. Это — непереносимое условие полного овладения внутренним рынком, уменьшения гнета иностранных монополий, свободного и быстрого роста национального капитала. Однако наиболее последовательное осуществление этой цели наталкивается на ряд противодействующих факторов, важнейшим из которых является зависимость от иностранной индустриальной и научно-технической базы. Поскольку в сфере обращения, сельского хозяйства, мелкого производства и большинства отраслей легкой промышленности эта зависимость невелика, связи действующего здесь подавляющего большинства индийской буржуазии с иностранными

ми фирмами, как правило, не выходят за рамки коммерческих соглашений. Вопрос об участии иностранных монополий в капитале предприятий этой части буржуазии обычно не возникает также и потому, что иностранный капитал не идет на риск инвестиций в мелкие неконкурентоспособные компании²². В то же время в более крупных компаниях с участием иностранных монополий мелкий и средний капитал, как правило, не в состоянии приобрести значительный пакет акций, добиться равноправных условий сотрудничества. Правда, и эта часть буржуазии нуждается в скорейшем создании недостающих отраслей I подразделения, но, будучи не в состоянии основывать предприятия тяжелой индустрии, она заинтересована в развитии ее в государственном секторе, а не под эгидой монополистического капитала (будь то «отечественного» или зарубежного).

Все то, что говорилось о противоречиях мелкого и среднего капитала с индийским монополистическим капиталом, в еще большей мере относится к их противоречиям с иностранным. Поэтому большинство индийской буржуазии объективно заинтересовано в последовательном ограничении иностранного капитала. Особняком стоит та часть класса, которая стремится к предпринимательству в тяжелой промышленности. Зависимость от иностранных фирм здесь значительно больше, она носит длительный и комплексный характер, что позволяет последним добиваться части акций создаваемых предприятий. Все это объясняет, почему подавляющая часть соглашений о сотрудничестве приходится на тяжелую промышленность. Из общего числа таких соглашений с 1956 по 1960 г. на торговлю приходится 1,1%, на текстильную промышленность — 2,9, на финансовую сферу — 0,9, на плантации — 1,2, на металлургию и машиностроение — 49,5, на химическую промышленность — 12,6%²³. Поскольку предпринимательством в тяжелой промышленности занимаются почти исключительно представители крупного капитала (и лишь в отдельных случаях верхушка средней буржуазии), именно эта небольшая прослойка класса выступает в качестве типичного партнера в компаниях с иностранным участием. Таким образом, именно монополистический капитал больше всего заинтересован в привлечении иностранного капитала и потому в создании для него «благоприятного климата» в Индии.

Разумеется, это отнюдь не означает, что между иностранным и индийским монополистическим капиталом не существует борьбы и противоречий. Индийские монополисты заинтересованы в полном вытеснении иностранного капитала из тех отраслей, где они в нем не нуждаются, в недопущении самостоятельного иностранного предпринимательства. Борьба их между собой за сферы приложения капитала является одновременно и борьбой с иностранными партнерами своих индийских конкурентов. Наконец, в самих смешанных предприятиях происходит ожесточенная борьба индийского монополистического капитала со своими иностранными партнерами и «союзниками» за контроль над компанией, за лучшие условия получения инвалютных кредитов и более дешевые цены на предоставляемое оборудование, техни-

²² Так, бывший директор Миссии технического сотрудничества США в Индии Фрэнк С. Вильсон заявил, что иностранные инвесторы «считают непрактичным основывать мелкие промышленные предприятия с участием индийского и иностранного капитала, вложения в которые меньше условного минимума, составляющего примерно 1 млн. рупий» (см. «Economic times», 30.V.1961).

²³ «Economic times», 23.VII.1962.

ческие услуги и т. п. Но если основная масса индийской буржуазии в силу слабости своего капитала не в состоянии конкурировать с иностранным капиталом и добиваться более или менее равноправных условий для совместного участия в смешанных предприятиях, то крупнейшие монополистические группы, опираясь на поддержку индийского правительства, могут в той или иной мере использовать иностранный капитал в своих интересах и потому больше заинтересованы в его привлечении. Поэтому, если уступки частному сектору за счет государственного являются по существу уступками индийскому монополистическому капиталу, то и уступки иностранным монополиям сделаны не только под давлением последних (и стоящих за ними империалистических государств), но в значительной мере под давлением «собственного» монополистического капитала.

Политику по отношению к иностранным инвестициям можно назвать скорее политикой регулирования, чем ограничения. Национализация существующих иностранных предприятий не проводится. Регулирование новых иностранных инвестиций происходит в интересах индийского (прежде всего монополистического) капитала и осуществляется по двум основным направлениям, имеющим целью подчинить иностранные инвестиции потребностям расширенного воспроизводства индийского капитала. Во-первых, политика регулирования направлена на то, чтобы иностранные капиталовложения ограничить предприятиями, образуемыми национальной буржуазией, и подчинить их интересам последней; помешать основанию в Индии чисто иностранных компаний (требование, чтобы не менее 51% акций предприятия находилось в руках индийских акционеров)²⁴, чтобы иностранные специалисты постепенно заменялись индийцами, чтобы в кратчайший срок осуществлялся переход к полному циклу производства. Во-вторых, целью регулирования является направить иностранные частные инвестиции в сферу тяжелой промышленности. В опубликованном индийским правительством Информационном заявлении 1961 г. приводится список отраслей экономики, где обычно не разрешаются новые иностранные капиталовложения. Это — банковское дело, страхование, торговля, коммерческая деятельность, плантации. Иностранный капитал обычно не допускается также в отрасли легкой промышленности. В то же время Заявление призывает иностранных вкладчиков в такие отрасли, как производство специальных сталей, литья и проката черных металлов, цветных металлов и сплавов, промышленного и энергетического оборудования, в химическую промышленность (другими словами, в сферу деятельности главным образом монополистического капитала). Во всем остальном (во имя создания «благоприятного климата») иностранный капитал приравнивается к частному индийскому, пользуется теми же льготами и правами.

Всякое ослабление контроля над частным сектором, всякие уступки ему за счет государственного сектора неизбежно приводят к усилению позиций иностранного капитала в экономике. Важнейшее значе-

²⁴ Это требование, направленное на поддержку индийских партнеров в смешанных предприятиях, в большинстве случаев ограничивает круг таких партнеров индийскими монополистами. Действительно, подавляющее большинство мелкой и средней буржуазии просто не имеет достаточных средств для приобретения контрольного пакета акций: крупного современного предприятия или даже для значительного участия в нем. В то же время иностранные монополии, как правило, не заинтересованы сотрудничать в мелких, неконкурентоспособных предприятиях.

ние резервирования ряда ведущих отраслей экономики за государственным сектором состоит и в том, что оно препятствует усилению позиций иностранного капитала в ключевых сферах производства. Однако допущение частного сектора в такие отрасли промышленности, как алюминиевая, химическая, многие виды машиностроения и другие, раскрывало двери в них и иностранному капиталу. Решение, принятое в начале 1963 г., об увеличении доли частного сектора в судоходстве повлекло за собой повышение разрешенного максимума иностранного участия в судоходных компаниях с 25 до 40%²⁵. Отказ от отмены системы управляющих агентств позволяет английским управляющим агентствам в той или иной мере сохранять свой контроль над индийскими компаниями и получать монопольные прибыли за счет перераспределения в свою пользу части прибылей на индийский капитал.

Многие элементы политики в отношении иностранного капитала определяются стремлением создать «благоприятный климат». Несмотря на острую нехватку финансовых средств, иностранный капитал облагается налогами не выше, чем индийский, что по существу является дискриминацией мелкого и среднего индийского капитала. Зарубежным вкладчикам разрешено репатриировать капитал и вывозить прибыли в иностранной валюте. Требование сохранения не менее 51% акций в руках индийских акционеров не служит серьезным препятствием установлению контроля иностранного капитала над предприятием. Даже Резервный банк Индии относит к контролируемым иностранным капиталом компаниям те фирмы, 40% акций которых принадлежат иностранцам или 25% контролируемой иностранцами компании. Нередки такие случаи, когда иностранные акционеры получают разрешение приобретать более половины акций. Возможность этого специально оговаривается в Информационном заявлении правительства: «В то время как обычно приветствуется сохранение большинства акций в руках индийцев, соотношение иностранного и индийского капитала в смешанных компаниях, размер иностранного участия, разрешенный в каждом случае, и т. п. должны рассматриваться в связи с существом дела. Заключение выносится после оценки предложенных технических услуг, определения потребностей в иностранной валюте для импорта оборудования и выяснения, хотят ли индийские участники играть активную роль в управлении компанией».

* * *

Таким образом, политика в отношении частного сектора и в отношении иностранного капитала находится под влиянием растущих противоречий внутри правящего класса. В конечном итоге главенствующим может стать лишь влияние экономически, а потому и политически, господствующей части класса. Уступки монополистическому капиталу, неизбежно связанные с уступками иностранному капиталу, ведут к усилению позиций того и другого. Об усилении позиций индийского монополистического капитала свидетельствуют исследования индийского экономиста Хазари. По его подсчетам, доля 18 индийских монополистических групп в оплаченном капитале частных акционерных компаний увеличилась с 30% в 1951 г. до 35% в 1958 г.²⁶ Об этом же говорит и увеличение доли крупнейших компаний, которые, как правило, кон-

²⁵ «Economic times», 3.III.1963; 4.III.1963.

²⁶ RCDILL, p. 93.

тролируются лишь монополистами. С 1951 по 1961 г. доля компаний с оплаченным капиталом 5 млн. рупий и выше в общем капитале частных акционерных предприятий увеличилась с 33,4 до 53,1 %; в том числе доля компаний с капиталом 10 млн. рупий и выше более чем удвоилась²⁷. Для подавляющей части индийской буржуазии усиление иностранных и отечественных монополий ведет к разорению и подчинению. Поэтому, хотя представители индийских монополистов и пытаются представить свою борьбу против расширения государственного сектора как противоречия между «государственным и частным сектором», между «бюрократией и свободным предпринимательством», т. е. пытаются представить себя защитниками интересов всего класса индийской буржуазии, — в действительности, как писал орган Всеиндийского комитета Национального конгресса, журнал «Экономик ревью», анализируя политические требования партии «Сватантра», «когда они говорят о частном предприятии, то имеют в виду главным образом крупное частное предприятие»²⁸. Другими словами, выступая от лица всей индийской буржуазии, индийские монополисты защищают главным образом интересы крупного бизнеса. В последние годы по мере общего быстрого роста индийского монополистического капитала и усиления его связей с иностранными монополиями и правительствами империалистических государств все более растут его противоречия с основной массой мелкой и средней буржуазии. Рамки провозглашенной политики становятся узкими для индийских монополистов. Они добились значительных уступок себе и все более откровенно требуют открытого пересмотра промышленной политики: перераспределения средств в пользу крупных частных предприятий (за счет государственного сектора и мелкой промышленности), отмены всех ограничений для деятельности частного сектора, отмены государственного контроля над ценами и распределением товаров, создания еще более «благоприятного климата» для привлечения иностранного капитала. Индийский монополистический капитал начинает все более открыто выступать в качестве самостоятельной политической силы. Об этом, в частности, свидетельствуют образование крайне правой политической партии «Сватантра» в 1959 г. (программа которой включает все важнейшие требования монополий), активизация правого крыла внутри Национального конгресса и попытка открытой ревизии его программы, наконец, активизация политической деятельности и выступлений самих индийских монополистов²⁹. Все это говорит о стремлении индийского монополистического капитала полностью подчинить своим интересам политику правительства, поставить под свой контроль государство, что означало бы крупный шаг на пути превращения государственного капитализма в Индии в государственно-монополистический капитализм.

²⁷ Ibid., p. 86.

²⁸ «ALCC economic review», 1.IV.1960.

²⁹ В конце 1963 г. вышло ежегодное приложение журнала Бирлы «Истерн экономист», целиком посвященное критике промышленной политики правительства и открыто выступающее с требованиями ее пересмотра в интересах монополистического капитала. В феврале 1964 г., выступая в Нью-Йорке, Дж. Р. Д. Тата обрушился с резкими нападениями на проводимую в Индии промышленную политику, которая якобы «тормозит рост частного предпринимательства» и «мешает притоку весьма необходимых иностранных капиталов». Но наиболее показательной является 37-я ежегодная сессия «Федерации индийских торгово-промышленных палат», состоявшаяся в марте 1964 г., которую, по словам газеты «Нью эйдж», «отличали открытые декларации представителей крупнейших монополистов о своих политических амбициях» (см. «New age», 15.III.1964).

Подавляющая часть индийской буржуазии объективно заинтересована в самом решительном ограничении как иностранного, так и индийского монополистического капитала, но в силу своего классового характера она неспособна последовательно проводить такую линию, склонна к уступкам и компромиссам. Но индийскому народу далеко не безразлична политика правительства в вопросе о государственном и частном секторах и по отношению к иностранному капиталу. Он заинтересован в самом широком и быстром развитии государственного сектора, в самом жестком и последовательном ограничении монополистического капитала, в изгнании иностранных монополий, ибо в этом гарантия быстрого экономического развития страны, ее экономической и политической независимости, ибо это важная часть общедемократических задач. В борьбе за эти цели возможно объединение самых широких слоев народа, включая и большинство национальной буржуазии. Индийские монополисты, стремясь представить себя в роли защитников интересов всего класса, несомненно оказывают влияние на многих представителей мелкого и среднего капитала, стремятся вести их за собой даже вопреки объективным интересам последних. Это обстоятельство объясняет необходимость разоблачения своекорыстных целей магнатов капитала. Демократические слои индийской общественности во главе с Коммунистической партией Индии постоянно предупреждают об опасности, связанной с ростом монополистического капитала. Поддерживая прогрессивные аспекты промышленной политики правительства, они в то же время требуют еще большего их усиления и более последовательного осуществления.

**Р. Н. Долныкова,
Г. К. Широков**

КОНЦЕРН ТАТЫ

К моменту достижения Индией независимости фирма Таты превратилась в крупнейшую группировку индийского монополистического капитала. Она действовала в самых различных сферах экономики страны. В области финансов она была тесно связана с «Бэнк оф Индия», «Сентрэл бэнк оф Индия», совместно с группой Бирла контролировала «Бэнк оф Барода» и имела крупный пакет акций в «Империял бэнк оф Индия». В страховом и инвестиционном деле фирма контролировала «Нью Индия эшшуранс», «Джайбхарат иншуранс», «Инвестмент корпорейшн оф Индия» и несколько других более мелких компаний. Основной базой фирмы в промышленности служил металлургический комбинат, дававший 60% чугуна и стали в стране: он имел также рудники по добыче железной, марганцевой и хромовой руд, угольные шахты, известняковые карьеры, сталепрокатные заводы. В других отраслях промышленности фирма контролировала четыре текстильные компании (3% веретен и 3,5% станков хлопчатобумажной промышленности страны), две химические компании (три завода), пять электростанций (18% общендийской мощности), а также маслобойные, мыловаренные и хлопкоочистительные заводы. Ей принадлежало около трети акций цементного треста «Ассошиэтид симент компаниз», производившего 66% всего цемента в Индии. В годы войны наметился перелив капитала в машиностроительную промышленность: фирмой были основаны трубный, котлостроительный, станкоинструментальный и радиозаводы, однако из-за невозможности получить оборудование строительство их было приостановлено. В целом под контролем фирмы находилось 26 компаний (исключая банки) с общими активами 690 млн. рупий¹.

В независимой Индии деятельность фирмы Таты значительно расширилась, претерпели существенные изменения и сами ее методы. Можно выделить два этапа в деятельности фирмы в этот период. Первый этап охватывал 1947—1951 гг.; он был тесно связан с процессами, происходившими в экономике страны в годы войны. За военный период фирма получила громадные прибыли. Очень значительна

¹ S. P. Acharya, *Business organisation, administration and management in India to-day*, Bombay, [S. a.], p. 291.

была и мобилизована чужих капиталов: банки, связанные с фирмой «Бэнк оф Индия», «Сентрэл бэнк оф Индия» и «Бэнк оф Барода», увеличили свои активы более чем в 3 раза и к 1947 г. превысили 2 млрд. рупий. Однако невозможность достать оборудование и его крайняя дороговизна препятствовали превращению капитала из денежной в производительную форму, в то время как сильная инфляция вела к быстрому обесценению денежных капиталов. В этих условиях концерн начинает широкую скупку активов существующих, главным образом английских, компаний. Крупнейшими приобретениями фирмы в эти годы были захват управляющего агентства «Форбс, Форбс энд Кэмпбелл» и покупка 49% акций фирмы «Макнейл энд Бэрри». Управляющее агентство «Форбс, Форбс энд Кэмпбелл» владело тремя текстильными фабриками, крупным маслосточным заводом, ломбардами, жилыми зданиями в Бомбее и инвестиционными компаниями. Активы подконтрольных ему компаний составляли около 30 млн. рупий. Фирма «Макнейл энд Бэрри» является ответвлением крупной международной монополии, действующей во многих странах мира: через банкирский дом «Дункан Макнейл» она тесно связана с английским «Нэшнл провиншиэл бэнк», громадными судоходными компаниями «П. энд О. корпорейшн» и «Бритиш Индия стим навигейшн». В Индии фирма управляла рядом плантационных, угольных, джутовых, энергетических и ремонтно-механических предприятий с активами в 205 млн. рупий. «Макнейл энд Бэрри» держала контрольный пакет акций управляющего агентства «Килберн энд К°», которое руководило речными судоходными компаниями, осуществлявшими перевозки по Гангу, Хугли и Брахмапутре, доками, судоремонтными предприятиями и чайными плантациями; оно вело и крупные внешнеторговые операции. Кроме названных выше фирма Таты приобрела в первые годы независимости еще несколько более мелких торговых, химических, полиграфических фирм, заводов металлоизделий.

В результате скупки акций новых компаний произошли значительные изменения в структуре капиталовложений группы Таты. К концу колониального периода основная масса капиталовложений приходилась на отрасли тяжелой промышленности, а в 1947—1952 гг. усилился приток капиталов в торговлю и в легкую промышленность. При этом сфера деятельности фирмы расширилась не только за счет укрепления позиций в ряде отраслей — текстильной, очистке и прессовке хлопка, маслосточной и других, но и за счет проникновения в новые отрасли — чайную, джутовую, полиграфическую, речное судоходство. Возросли также связи фирмы с иностранным капиталом.

Конечно, круг интересов фирмы Таты не ограничивался скупкой активов. Именно в эти годы произошел поворот в деятельности концерна в сторону металлообработки, машиностроения и химии. Началось строительство паровозостроительного, станкостроительного заводов, расширение и переоборудование химических предприятий. Однако строительство новых или расширение существующих предприятий в 1948—1951 гг. имело подчиненный характер. По имеющимся оценкам, активы концерна за указанные годы выросли на 270 млн. рупий за счет скупки активов и лишь на 80 млн. рупий вследствие новых капиталовложений, т. е. основная часть средств была направлена на захват других компаний.

С начала 50-х годов начинается переход к новому этапу в деятельности концерна Таты, заключающемуся в сильном расширении

существующих и создании ряда новых предприятий в индийской промышленности. Высокие темпы роста активов подконтрольных ей компаний обуславливались рядом специфических обстоятельств.

В современной Индии предприятия группы Таты оказались по сути дела единственным или крупнейшим производителем ряда товаров производственного назначения — труб, проката, колесных пар и осей, цемента, некоторых химикалиев. Поэтому они в значительной мере переключились на выполнение правительственных заказов. В этих условиях расширение или создание многих предприятий концерна производилось за счет государственных займов, субсидий или покупки акций. Так, правительство Индии предоставило беспроцентные займы в 100 млн. рупий «Тата айрон энд стил» и 40 млн. рупий «Ассошиэтед симент компани», выплатило «Тата локомотив энд инджиниринг» 230 млн. рупий в качестве дотации в связи с высокими издержками производства паровозов на ее предприятии; приобрело на 39,8 млн. рупий акций компаний этой группы. Кроме того, государственная «Лайф иншуэрэнс корпорейшн» приобрела на 63 млн. рупий акций в компаниях Таты. Не менее важное значение имело и то обстоятельство, что компаниям этой группы постоянно выдавались разрешения на выпуск дополнительных акций и лицензии на расширение старых или создание новых предприятий, а также предоставлялась валюта на импорт оборудования для них.

Быстрому росту активов концерна Таты способствовало и громадное расширение сотрудничества с иностранным капиталом. Прежде всего определенные круги империалистических государств рассматривали укрепление позиций этой крупнейшей монополистической группы Индии в черной металлургии, электроэнергетике и машиностроении как известный противовес развитию государственного сектора. Именно поэтому на ее долю пришлось почти половина займов, предоставленных частному сектору Международным банком реконструкции и развития, — 626 млн. рупий. Она получила займы также и от американского Фонда займов и развития на 65 млн. рупий².

Расширились и связи концерна Таты с частным иностранным капиталом. В новой обстановке, сложившейся в независимой Индии (быстрые темпы развития собственной промышленности, таможенный протекционизм и количественное ограничение импорта, межимпериалистическая конкуренция), иностранные монополии вынуждены были увеличить вывоз капитала. Вследствие незнакомства с условиями местного рынка, отсутствия контактов с властями, а также и ограничительных мер правительства, основными формами вывоза капитала явилось создание смешанных компаний и соглашений о техническом сотрудничестве. В то же время сам концерн Таты был заинтересован в укреплении связей с иностранными монополиями. С одной стороны, зависимость индийской буржуазии, даже крупнейшей, от иностранного технического опыта и оборудования толкает ее на сотрудничество с иностранными капиталистами. С другой стороны, ускорение развития экономики страны, особенно государственного сектора, приводит к тому, что расширение производства монополий только за счет внутренних накоплений отстает от общих темпов роста, прежде всего в отраслях тяжелой промышленности. Поэтому, используя приток ино-

² «Statistical outline of India 1963», Bombay, [S. a.], p. 49; «Eastern economist», 14.XII.1962, p. 1143.

странного капитала, местные монополии стремятся обеспечить опережающие темпы развития своих объединений и тем самым занять доминирующее положение в экономике страны. В этих условиях тот факт, что правительство Индии гарантировало погашение займов, предоставленных Международным банком реконструкции и развития концерну Таты, способствовал значительному повышению его престижа и кредитоспособности и содействовал облегчению условий сотрудничества с иностранными монополиями.

По-видимому, концерн Таты одним из первых в Индии вступил в контакт с иностранными монополиями. Еще в 1920 г. компания «Тата айрон энд стил» совместно с английской «Бирма ойл» построила завод белой жести, причем последней принадлежали $\frac{2}{3}$ акционерного капитала «Тинплейт К° оф Индия», созданной для эксплуатации этого завода. Однако в колониальный период создание смешанных компаний носило единичный характер. Лишь в годы независимости создание подобных компаний приняло действительно широкие масштабы. Так, с участием западногерманских фирм концерном Таты было налажено производство паровозов, грузовых автомобилей, дизельных двигателей и огнеупоров, с участием английских — труб, насосов, комплектного оборудования для бумажной промышленности и ряда химических продуктов, американских — стального литья, экскаваторов и лекарств, шведских — ферромарганца, итальянских — шин, швейцарских — витаминов, французских — парфюмерии и т. п. В результате уже в 1958 г. концерн Таты был связан с 56 компаниями, созданными с участием иностранного капитала; на их долю приходилось около 12% всех активов концерна³. В течение 1959—1963 гг. было создано еще семь крупных смешанных компаний, так что их удельный вес в общих активах концерна, очевидно, возрос.

Анализ оплаченного капитала смешанных компаний показывает, что в крупнейших из них, как правило, контрольный пакет акций принадлежал концерну Таты⁴, в то время как в более мелких компаниях доминируют иностранцы. Действительно, в 1958 г. смешанные компании, где концерну принадлежало свыше 50% акций, имели средние активы 19,8 млн. рупий (каждая), а компании, контролировавшиеся иностранцами, — лишь 6,8 млн. рупий (каждая). Объясняется это положение тем, что мелкие смешанные компании в большинстве случаев являются поставщиками продукции крупнейшим предприятиям концерна либо доводят их продукцию до непосредственного потребителя. Например, «Тата айрон энд стил» — крупнейший потребитель продукции английских фирм «Бисра стоун лайм» (известняк и доломит) и «Кумардхуби фэйрклей энд силика уоркс» (огнеупоры), а ее шахты — электроэнергии, производимой «Сиджуа (джхариа) электрик сэпплай К°». Во всех этих компаниях, находившихся под контролем английского управляющего агентства «Берд — Хейлджерс», «Тата айрон энд стил» принадлежит от 10 до 35% акций. В двух других компаниях — «Тинплейт К° оф Индия» и «Сэнки электрикл стэмпингз», полностью зависящих от закупок стали у концерна, последний держит 33,3 и 11,4% обычных акций соответственно. Аналогичное положение существует и в компаниях, поставляющих паровозостроительному и

³ R. K. Hazari, *Big business in India*, New Delhi, 1961, p. 25.

⁴ Исключение составляют компании «Тата-Физонс» и «АВБ», где концерну принадлежит половина акций.

автомобильному заводу отдельные заготовки, детали, шины и пр. Следовательно, позиции концерна Таты как акционера в этих компаниях подкрепляются положением монопольного поставщика или потребителя. К тому же эти смешанные компании зачастую страхуют свои предприятия и продукцию у страховых компаний концерна, получают кредиты у его банков, сбывают продукцию или закупают сырье через его торговые организации. Все это создает возможность для оказания давления на данную группу компаний.

Основная часть прибылей в этих компаниях приходится на долю иностранцев, но вся система их взаимоотношений с концерном не позволяет им тормозить развитие собственного производства, освоение выпуска новой продукции и т. п. Кроме того, при относительно небольших инвестициях в смежные производства концерн получает возможность значительно расширить выпуск главных видов продукции и тем самым увеличить масштабы извлекаемых прибылей.

В результате указанных выше обстоятельств — увеличения государственной помощи, расширения сотрудничества с иностранным капиталом, а также роста внутреннего накопления за годы независимости — сфера деятельности концерна Таты значительно увеличилась. Однако этот рост был весьма своеобразен: он происходил главным образом за счет расширения или диверсификации производства на существующих предприятиях в рамках действующих компаний. Прежде всего производство стали на металлургическом заводе «Тата айрон энд стил» поднялось с 0,9 млн. до 2 млн. т в год (правда, доля его в общеиндийском производстве упала с 60 до 30% вследствие строительства государственных предприятий). Были созданы цеха по выпуску вагонных колесных пар, точного инструмента, сельскохозяйственного инвентаря и сульфата аммония. Кроме того, вновь организованные дочерние или контролируемые компании построили крупнейшие в стране заводы огнеупоров и стальных труб. Аналогичными методами развивался и машиностроительный завод «ТЕЛКО» в Джамшедпуре. Первоначально он выпускал паровозы метровой колеи и паровозные котлы. С 1954 г. завод приступил к производству дизельных грузовиков грузоподъемностью до 3 т; одновременно его мощности были расширены с 50 до 100 паровозов в год. С 1959 г. начался выпуск маневровых тепловозов, с 1960 г. — экскаваторов с емкостью ковша в 1,85 куб. м; с 1961 г. завод стал осваивать производство комплектного оборудования для бумажно-целлюлозной промышленности. При заводе создан крупный литейно-кузнечный цех, который обеспечивает крупногабаритным литьем и поковками не только внутренние потребности, но и поставляет их ряду предприятий государственного сектора. Связанный с концерном Таты трест «АСС» не только продолжал увеличивать производство цемента, но и построил угольные шахты, заводы по выпуску огнеупоров и асбоцементных изделий, оборудования для цементной и бумажной промышленности. Создали новые цехи и заводы, освоили новые виды продукции и другие компании концерна.

Таким образом, основным направлением роста предприятий концерна Таты были комбинирование и диверсификация, что, давая чисто экономические преимущества в результате сосредоточения всего цикла производства, в условиях Индии вызывалось и рядом других обстоятельств. Во-первых, постройка современных промышленных предприятий требует больших предварительных затрат на сооружение подъездных путей, систем водоснабжения и канализации, линий электро-

передач и т. п. Во-вторых, создание новых предприятий связано с выполнением целого ряда формальностей — получением лицензий на строительство, импорт оборудования, выпуск акций. По расчетам индийских экономистов, выполнение всех этих формальностей требует в среднем около двух лет. Широкая диверсификация производства и является попыткой сэкономить на предварительных затратах и обойти хотя бы некоторые из этих формальностей. К тому же она дает и другие преимущества — возможность использовать наличные квалифицированные кадры, большую кредитоспособность при получении банковских займов и др.

Скупка иностранных компаний и расширение собственных предприятий привели к резкому росту активов концерна за годы независимости. Поскольку каких-либо данных о размерах капиталов ряда страховых, инвестиционных и торговых компаний концерна на 1947 г. в нашем распоряжении не имеется, выяснить общий рост активов группы Таты не представляется возможным. В сфере же промышленности активы компаний, находившихся под непосредственным контролем концерна, выросли за 1947—1961 гг. с 0,7 млрд. до 3,0 млрд. рупий. В 1961 г. капиталовложения в промышленность распределялись следующим образом: металлургия — 57,6%, машиностроение (включая металлообработку) — 16,0, электроэнергетика — 12,4, химия — 5,7, прочие отрасли промышленности 8,3%. Активы компаний, действовавших в сфере обращения, составляли 3,9 млрд. рупий. Кроме того, капиталы компаний, в которых имелись инвестиции концерна, но ему не принадлежал контрольный пакет акций, достигали еще 1 млрд. рупий. Таким образом, общие активы компаний, контролировавшихся концерном Таты или связанных с ним, составляли около 7,9 млрд. рупий. В целом за 1948—1961 гг. активы акционерных компаний, зарегистрированных в Индии, выросли в 3 раза, в то время как все фонды промышленных компаний концерна увеличились в 4,3 раза, т. е. доля концерна в функционирующем капитале промышленности существенно возросла. О позициях концерна в экономике Индии свидетельствует тот факт, что в 1961 г. на него приходилось около 8% оплаченного капитала всех неправительственных акционерных компаний.

Расширение позиций концерна происходило в острой конкурентной борьбе с другими группами крупной и монополистической буржуазии. Обладание громадными финансовыми ресурсами, возможность сконцентрировать их в необходимый момент на главном направлении позволяют концерну зачастую одерживать победу над своими конкурентами. Важнейшим приобретением концерна явилась покупка в 1960 г. (совместно с английской монополией «Физонс») одной из крупнейших оптовых торговых фирм в Индии — «Рэлли бразерс». Таким образом, в руках концерна оказались две сильнейшие индийские оптовые фирмы — «Вольта» и «Рэлли» с их широко разветвленной сбытовой сетью внутри страны и закупочными конторами за границей. Особенно значительно усилились позиции концерна Таты в страховом деле: его компания «Нью Индна эшшуранс К^о» захватила контроль над шестью более мелкими страховыми компаниями, в том числе над «Раби иншуранс» и «Нью Эйшиэтик иншуранс», ранее тесно связанными с концерном Бирла⁵. Однако такие столкновения не всегда кончаются

⁵ A. Roy, *Some aspects of economic development in India since independence*, Calcutta, 1961, p. 8.

успешно для группы Таты. Так, три монополистические группировки — Килачанда, Шри Рама и Гоенки, объединившись, сумели серьезно подорвать позиции Таты в «Бэнк ов Барода» — одном из крупнейших банков страны. В результате этой операции Т. Килачанд стал председателем совета директоров этого банка.

Кем же контролируется концерн Таты? Первоначально владельцами фирмы были семьи Тата и Саклатвала. Ее ведущей организацией являлось товарищество на паях «Тата санз», с 1896 г. превращенное в компанию с частноправовой ответственностью. Эта компания выступала управляющим агентством для всех производственных компаний группы, а также вела торговые операции. По мере расширения масштабов деятельности группы фирма переросла узкие семейные рамки: в нее были вложены большие капиталы ряда крупнейших индийских предпринимателей. В связи с этим организационное строение фирмы усложнилось. Ныне она состоит из следующих звеньев. Ведущей организацией по-прежнему остается компания «Тата санз», совет директоров которой состоит из семи человек (четыре — из семьи Тата и по одному из семей Чокси, Гханди и Шрофф). Ее председатель, а следовательно, и глава всего концерна с 1938 г. — Джехангир Тата. Акции этой компании не поступают в продажу: 15% акций находятся в руках указанных четырех семей, а 85% — переданы трем благотворительным фондам («Фонд Д. Н. Тата для поощрения высшего образования», «Благотворительный фонд сэра Ратана Тата» и «Фонд сэра Дорабджи Тата»), а также Индийскому научному институту в Бангалуре⁶. Такое распределение акций исключает возможность их продажи без согласия всей семьи, являющейся попечителем этих фондов.

Поскольку пост управляющего агентства открывал возможности для получения громадных прибылей частично за счет ущемления интересов крупных капиталистов-акционеров «Тата индастриз», под давлением последних в 1948—1952 гг. «Тата санз» вынуждена была отказаться от этого поста для всех подконтрольных компаний и передать свои функции «Тата индастриз». Тем самым «Тата санз» превратилась в холдинг-компанию, в руках которой находится контрольный пакет акций «Тата индастриз».

«Тата индастриз» — компания с частноправовой ответственностью; ее акции принадлежат наряду с семейством Тата крупнейшим индийским капиталистам — Бадделей, Бакхле, Чокси, Гханди, Мулгаокар, Наороджи, Нариельвала, Поувала и Шрофф. Ведущее положение в компании занимают семьи Тата и Чокси. Они держат три и два поста (из 13) соответственно в совете директоров. «Тата индастриз» — управляющее агентство десяти крупнейших компаний концерна («ГИСКО», «ТЕЛКО», четыре текстильных, «Тата кемиклз», «Тата ойл» и др.). Кроме того, оно держит контрольный пакет акций «Инвестмент корпорейшн од Индия» — управляющего агентства восьми компаний («Нейшил эcko рэйдио», «Нешил рейн корпорейшн», «Индиэн стандарт металз» и пр.). Помимо указанных десяти семей в эту фирму вложили капиталы два крупных индийских финансиста — Бхабха и Мехта. В свою очередь «Инвестмент корпорейшн оф Индия» контролирует «Инвеста индастриэл корпорейшн» — управляющее агентство четырех компаний («Инвеста мэшин тулз», «Паланпур веджетэбл» и др.). Крупными акционерами этой корпорации являются также Мехта и Чиной.

⁶ «Handelblatt», 9.IX.1955, S. 8.

Несколько особняком стоит «Тата хайдро-электрик эйдженси» — управляющее агентство трех компаний, снабжающих электроэнергией промышленный район Бомбея. Акции этого управляющего агентства разделены поровну между группой Таты и «Америкэн энд форин пауэр К° Инк», примыкающей к группе Моргана. Связь между электроэнергетическими компаниями и прочими фирмами концерна Таты поддерживается путем общих советов директоров. Аналогичными методами контролируются и финансовые компании — банки и страховые компании, так как по индийскому законодательству финансовые компании не могут иметь управляющих агентств.

Для концерна Таты характерны относительно небольшие размеры контрольного пакета акций в управляемых компаниях: в 1958 г. он составлял лишь 27,6% обычных и 9,2% привилегированных акций. Но при этом ведущей группе капиталистов принадлежало подавляющее большинство обычных акций (86,1%) в управляющих агентствах и инвестиционных компаниях, тогда как в промышленных компаниях они владели лишь 18,7% акций, дающих право голоса⁷. Причины такого различия очевидны. От сохранения власти над управляющими агентствами и инвестиционными компаниями в значительной мере зависит и контроль над всем концерном; много выше в этих компаниях и норма прибыли. К тому же промышленные компании сильно превышают управляющие агентства и инвестиционные тресты по своим размерам: средний оплаченный капитал управляющего агентства и инвестиционной компании концерна составлял 7,2 млн. рупий, а промышленной компании — 25,1 млн. рупий. Поэтому для захвата контрольного пакета акций промышленной компании требовалось значительно больше средств, нежели для скупки акций управляющего агентства или инвестиционного треста.

Другая отличительная особенность концерна Таты: основную роль в сохранении контроля над всем комплексом играют инвестиции не управляющих агентств и частных лиц, а промышленных, инвестиционных компаний и благотворительных фондов. Так, на долю инвестиционных компаний приходилось 45,8% контрольного пакета акций, на долю промышленных компаний — 32,3%, благотворительных фондов — 11,0, банков и страховых компаний — 5,5, управляющих агентств, частных лиц и торговых компаний — лишь 5,4%. Следовательно, контроль над всей этой громадной финансовой империей поддерживается за счет взаимоперекрещивающихся инвестиций десятков финансовых, промышленных компаний, благотворительных фондов.

На практике взаимоперекрещивающиеся инвестиции производятся следующим образом. Металлургическая компания «Тата айрон энд стил» во время основания приобрела на 29,7 млн. рупий (по номиналу) акций «Индиэн тьюб К° (1953)», а в 1959 г. — на 250 тыс. рупий акций «Сианидз энд пигментс». В свою очередь в 1962 г. «Индиэн тьюб К° (1953)» купила на 233 тыс. рупий акций «Сианидз энд пигментс». «АСС» и «Тата айрон энд стил» в 1963 г. получили на 1,2 млн. и 1,86 млн. рупий соответственно акций новой машиностроительной компании «Тата — Робинс — Фрезер»; «Тата ойл» и текстильные компании концерна приобрели акции чаеразвесочной фирмы «Тата — Финлей» и т. д.⁸ Одним из крупнейших держателей акций компаний концерна

⁷ Имеются в виду лишь компании, находящиеся под прямым контролем концерна.

⁸ «Eastern economist», 5.VII.1963, p. 43.

является «Тата айрон энд стил». В 1961 г. ей принадлежали акции 26 компаний на сумму 88,5 млн. рупий по номиналу; их рыночная стоимость достигала 125,8 млн. рупий. Однако даже эта компания не играет решающей роли в контроле концерна над всем комплексом фирм. Отсутствие единой организации, инвестиции которой пронизывали бы весь концерн в целом или хотя бы большую часть его компаний, в значительной мере маскирует влияние ведущей группы на все подконтрольные компании.

Это своеобразие находит отражение и в структуре советов директоров подконтрольных компаний. В 1961 г. в советах директоров 38 публично-правовых компаний, находившихся под непосредственным контролем концерна, насчитывались 264 поста. Эти посты находились в руках 128 лиц, из них члены совета директоров «Тата индастриз» держали 82 поста, а вместе с другими членами семей — 89 постов. Партнеры группы Тата по «Инвестмент корпорейшн оф Индия» и «Инвеста индастриэл корпорейшн» — семьи Бхабха, Мехта и Чиной — занимали еще 21 пост. Помимо указанных 13 семей большие капиталовложения в концерне, по-видимому, принадлежали семьям Гхиа, Кхатау, Кхамбатта и Сарабхаи, представители которых занимали 8, 4, 4 и 3 директорских поста соответственно в этих 38 компаниях⁹. Таким образом, на перечисленные 17 семей приходилось 129 директорских постов, причем почти половина постов — в непосредственно контролируемых компаниях. Эти семьи и были фактическими владельцами громадной финансовой империи, проникшей во все сферы экономики страны.

По уровню концентрации капитала, масштабам производства (9 компаний концерна входят в 50 крупнейших фирм страны), сосредоточению инвестиций в тяжелой промышленности Тата превосходит другие группировки индийской монополистической буржуазии. Все эти обстоятельства обусловили более быстрый переход концерна к современным формам хозяйственной деятельности, а также и специфический социально-политический курс его руководителей. Следует остановиться на трех особенностях этого курса.

Как известно, для индийской промышленности в течение многих лет были характерны худшие формы эксплуатации рабочих — обшеты при расплате, штрафы, сверхурочные работы, громадная интенсификация труда. Наряду с тяжелыми жилищными условиями, отсутствием медицинской помощи чрезмерная эксплуатация приводила к низкой производительности труда и большой текучести кадров. При крупных масштабах капиталистического производства такие формы эксплуатации становятся уже невыгодными; более того, они начинают приносить ущерб владельцам предприятия. Предприятия тяжелой промышленности, отличающиеся большой концентрацией рабочих и относительно высоким средним уровнем их квалификации, обычно начинают первыми переходить к новым методам эксплуатации. Действительно, на предприятиях концерна еще с 20-х годов XX в. вводятся сдельно-премиальные формы оплаты, строятся жилые дома для рабочих и т. п. Особенно значительно была повышена заработная плата высококвалифицированных кадров, что позволило не допустить объединения рабочих и насадить профсоюзы, руководимые компанией. В годы независимости была введена «система участия рабочих в прибылях», акции отдель-

⁹ Вычислено по: «Bombay investors' guide 1961», Bombay, 1961; «Calcutta stock exchange year book 1961», Calcutta, 1961; «Madras stock exchange year book 1961», Madras, 1961; «Investors' India year book 1961», Calcutta, 1961.

ных компаний стали продаваться рабочим. Все эти мероприятия дали возможность заправилам концерна расколоть рабочее движение, длительное время не допускать забастовок и в то же время резко повысить производительность труда.

Как известно, широкое распространение в индийской промышленности получила система управляющих агентств, получающих от контролируемых компаний вознаграждение в виде отчисления от прибылей, плату за управление, комиссионные за поставку сырья и запасных частей, гарантирование банковских займов и т. п. В результате управляющие агентства зачастую получали большую прибыль, чем все остальные акционеры. Ущемление интересов мелких акционеров вызывало их острое недовольство и к тому же сокращало спрос на акции на денежном рынке. Естественно, что концерн Таты, создававший крупные капиталоемкие предприятия с медленным оборотом фондов, должен был применять более гибкую тактику, для того чтобы мобилизовать необходимые средства. Поэтому в ряде крупнейших компаний концерна вознаграждение управляющего агентства было поставлено в зависимость от размеров выплачиваемых дивидендов. Так, «Тата айрон энд стил» выплачивает управляющему агентству («Тата индастриз») вознаграждение в размере 50 тыс. рупий, если она не объявляет дивидендов; с выплатой дивиденда вознаграждение увеличивается до 5% чистой прибыли, а с повышением их ставки вознаграждение может возрасти до 9% чистой прибыли. Такие методы оплаты управляющего агентства обеспечивают широкий рынок для акций, выпускаемых компаниями концерна. Возрастание чужих капиталов, функционирующих под контролем концерна, более чем компенсирует снижение ставки вознаграждения. Но этим не ограничиваются преимущества, вытекающие из низкой ставки вознаграждения. Его введение обеспечило группе Таты широкую поддержку мелких акционеров, что позволило существенно сократить размеры собственных инвестиций в подконтрольные компании без риска потерять управление.

Своеобразная политика концерна по отношению к рабочим и акционерам дает ему возможность прибегать к широкой социальной демагогии. В одной юбилейной брошюре, изданной компанией, говорится: «Тата делится прибылями с теми, кто помог их получить. Тата передает большую часть оставшихся средств... на обслуживание Индийского Народа»¹⁰. Аналогичные заявления встречаются в рекламе, публикуемой в газетах и журналах, на упаковке товаров, выпускаемых предприятиями концерна, на рекламных щитах вдоль дорог и т. п. Все это призвано замазывать реальный характер деятельности крупнейшей индийской монополии.

Во внутривнутриполитической жизни страны концерн Таты выступает с четких правых позиций. Дело в том, что политика государственного капитализма, особенно ограничение частного сектора в тяжелой промышленности и создание правительственных предприятий в отраслях I подразделения, в наибольшей степени задевает интересы концерна. Вместе с тем группа Таты, получающая значительные выгоды от сотрудничества с иностранными монополиями, проявляет недовольство и известными ограничениями притока новых иностранных инвестиций в ключевые отрасли промышленности. Поэтому руководители концерна в отличие от ряда других индийских монополистов выступают за торможе-

¹⁰ A. Menon, *Sixty years. Story of Tata*, Bombay, 1961, p. 26.

ние развития государственного сектора в тяжелой промышленности, за создание более благоприятных условий для иностранного капитала в стране и всемерное расширение частного предпринимательства. Эти обстоятельства и обусловили открытую поддержку концерном реакционной партии «Сватантра», программа которой в значительной мере отвечает интересам заправил концерна.

И. И. Егоров

РАЗВИТИЕ ЭКОНОМИКИ СОВРЕМЕННОЙ ИНДИИ И ПЛАТЕЖНЫЙ БАЛАНС

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ВОЗМЕЩЕНИЯ СОВОКУПНОГО ОБЩЕСТВЕННОГО ПРОДУКТА

Накопление капитала как условие расширенного воспроизводства предполагает обеспечение дополнительного постоянного и переменного капитала. Процесс накопления, являющийся отражением уровня развития экономики страны и объема национального дохода, находится в тесной связи со структурой совокупного общественного продукта и характером его реализации.

Однобокость структуры индийской экономики, вызванная аграрно-сырьевой специализацией и сохраняющаяся в известной мере до последнего времени, равно как слабость развития отраслей производства средств производства не обеспечивают растущие потребности страны в капитальном оборудовании, сырье и вспомогательных материалах. Другими словами, в стране, ставшей на путь ускоренного хозяйственного подъема, затруднено накопление капитала в натуральной форме, несмотря на сравнительно высокие темпы роста отраслей I подразделения за годы планирования. О последнем наглядно свидетельствуют следующие данные: если в начале первого пятилетнего плана (1951/52—1955/56) годовая мощность машиностроительной промышленности Индии едва составляла по стоимости 40 млн. рупий, то на начало третьего пятилетнего плана (1961/62—1965/66) стоимость производимых в стране механизмов и оборудования достигла 2,5 млрд. рупий в год, т. е. выросла более чем в 60 раз¹. К концу третьего пятилетия объем указанной продукции намечено довести до 5—6 млрд. рупий в год.

Наблюдающиеся в независимой Индии сдвиги в развитии отраслей производства средств производства несомненно благоприятно сказываются на характере производительной реализации капитала, что находит свое отражение в определенном вытеснении импорта отдельных промышленных товаров продукцией внутреннего производства (табл. 1).

Замена импорта оборудования для сахарной промышленности, нефтепродуктов, алюминия и химикатов происходила в весьма значи-

¹ «Financial express», 15.VIII.1962.

Таблица 1

Доля импорта в общей массе потребления индийской промышленностью некоторых видов продукции I подразделения *

	1950/51 г.		1955/56 г.		1963/64 г.	
	потребление	доля импорта, %	потребление	доля импорта, %	потребление	доля импорта, %
Механические станки, млн. рупий	35,6	91,6	52,3	84,7	507,5	60,4
Оборудование для сахарной промышленности, млн. рупий	10	100	41,9	95,2	65	4,6
Оборудование для хлопчатобумажной промышленности, млн. рупий	—	—	119,6	66,6	375	48
Нефтепродукты, млн. л	272,5	92,9	417,3	42,2	862	27,9
Кальцинированная сода, тыс. т	75	40	154	46,7	297	7,7
Чугун и сталь, тыс. т	1391	25,2	2219	41,5	5280	18,6
Каустическая сода, тыс. т	34	64,7	97	62,9	228	28,5
Алюминий, тыс. т	14,7	72,8	23,5	68,5	78,07	31,4

* «Commerce», Bombay, 20.III.1965, p. 484.

тельных масштабах. В меньшей степени наблюдалось вытеснение импорта в отраслях производства капитального оборудования для I подразделения.

Проводимый в Индии с начала второго пятилетнего плана (1956/57—1960/61) курс на индустриализацию обуславливал необходимость существенного увеличения в абсолютных размерах импорта капитального оборудования, сырья и полуфабрикатов. Среднегодовой объем импорта оборудования увеличился с 914 млн. рупий в 1950/51 г. до 2606 млн. в 1960/61 г. и 3608 млн. рупий в 1963/64 г.² К концу 1965/66 г. импорт оборудования намечено довести до 3770 млн. рупий, а вместе с запасными частями и узлами — до 5470 млн.³ О масштабах увеличения ввоза оборудования для I подразделения свидетельствует импорт механических станков, возросший с 27 млн. рупий в 1951/52 г. до 307 млн. рупий в 1963/64 г.

Важность обеспечения постоянного капитала для простого и расширенного воспроизводства очевидна. Вместе с тем в рамках развивающейся экономики не меньшее значение приобретает проблема обеспечения необходимого переменного капитала. Противоречивость указанной проблемы заключается в том, что наряду с существованием огромной и постоянно растущей безработицы в Индии ощущается острая нехватка квалифицированных кадров. Упор на ключевые отрасли промышленности предполагает увеличение спроса на квалифицированных рабочих и научно-технический персонал. Повышение квалификации рабочих и технического персонала, являющееся неотъемлемым следствием роста органического состава капитала и усовершенствования технологии производства, призвано способствовать росту произво-

² «Eastern economist», 25.XII.1964, p. 1420.

³ «Notes of perspective of development India, 1960/61 to 1975/76», New Delhi, 1964, p. 14.

длительности труда. Между тем в стране технический персонал составляет 1,6% общей массы рабочей силы по сравнению с 5,6% в развитых капиталистических государствах⁴. В данной связи заслуживает внимания высказывание Т. Т. Кришнамачари, министра финансов Индии, о трудностях, стоящих на пути ускоренного развития экономики: «Наибольший недостаток наблюдается в отношении человеческих ресурсов»⁵. Недостаток ощущается также и в области научно-технической информации и новейшей технологии. Все это неизбежно связано с привлечением соответствующей иностранной помощи и сотрудничества и с затратами иностранной валюты.

В последнее десятилетие вследствие хронической нехватки продовольствия в Индии его возрастающий импорт становится неотъемлемым условием реализации переменного капитала. По предварительным данным, в 1964 г. ввоз зерновых составил 6,27 млн. т. против 0,6 млн. т в 1955 г.⁶ Последнее обстоятельство также связано с определенными расходами иностранной валюты.

Таким образом, значение внешнего рынка как одного из источников возмещения важнейших элементов капитала в Индии существенным образом усилилось в период второго и третьего пятилетних планов, что предъявило возрастающие требования к повышению инвалютных ресурсов страны.

В условиях истощения инвалютных резервов Индии за годы планирования (особенно в период второго пятилетнего плана)⁷ экспорт страны служит основным внутренним источником обеспечения иностранной валюты. Как известно, в рамках международного разделения труда товарный экспорт представляет неотъемлемую составную часть процесса реализации совокупного общественного продукта. Однако для бывших колониальных или зависимых стран, развивающихся по капиталистическому пути, реализация общественного продукта через внешнюю торговлю характеризуется рядом особенностей, обусловливаемых тем, что освободившиеся государства занимают на мировом капиталистическом рынке неравноправное, подчиненное положение вследствие сравнительно невысокого уровня хозяйственного развития, ограниченной номенклатуры экспорта и его известной специализации, низкой в целом конкурентоспособности экспортируемых товаров. Такого рода положение для молодых государств чревато определенными издержками, поскольку оно предполагает зависимость их экономики от конъюнктуры мирового капиталистического хозяйства.

В отношении сбыта сырьевой продукции Индии указанную зависимость можно проследить на примере марганцевой руды, одного из традиционных товаров индийского экспорта. Экономический кризис в ведущих капиталистических странах в 1957—1958 гг. вызвал заметное сокращение вывоза из Индии различных товаров, включая марганцевую руду. В результате менее чем за два года в стране была прекращена эксплуатация 136 марганцевых рудников. В годы третьего пяти-

⁴ «Financial express», 22.II.1964.

⁵ Ibid.

⁶ В 1964 г. импорт продовольственного зерна составил примерно 10% производства зерновых в стране («Commerce», 6.III.1965, p. 380).

⁷ По данным на январь 1964 г., стерлинговые авуары Индии насчитывали 1117 млн. рупий против 1363 млн. в 1960/61 г. и 8842 млн. рупий в 1950/51 г. Наличных ресурсов иностранной валюты в Индии достаточно лишь для оплаты месячного объема импорта («Capital», 6.II.1964, p. 207).

летнего плана экспорт марганцевой руды столкнулся с серьезной конкуренцией со стороны Бразилии и Южно-Африканской Республики, что привело к закрытию еще нескольких десятков рудников. Существенными колебаниями на мировом капиталистическом рынке характеризуется реализация продукции ведущих отраслей II подразделения: джутовой и текстильной. Это объясняется прежде всего усилением конкуренции соответствующих товаров из многих капиталистических государств, в том числе и развивающихся стран Азии и Африки. Кроме того, повышению вывоза джутовых изделий препятствует рост производства различных заменителей в странах-потребителях. В связи с этим следует указать на снижение квот на ввоз названных товаров во Францию и Бельгию в 1963 г.

Немаловажное значение для движения индийского экспорта в стоимостном выражении имеет наблюдающаяся в эпоху империализма тенденция падения цен на сырье и полуфабрикаты, основной предмет вывоза развивающихся стран, при неуклонном повышении цен на механизмы и оборудование, вывозимые развитыми капиталистическими государствами. С 1951 г. индекс цен на индийский экспорт упал на 26,6% (1962 г.), в то время как для экспорта США и Англии он возрос на 8,4 и 14,52% соответственно⁸.

Вполне понятно, что подобного рода факторы не могут благоприятствовать достаточно быстрому увеличению экспортной выручки для удовлетворения потребностей импорта. При росте импорта с 1950/51 г. по 1963/64 г. в стоимостном выражении примерно на 90% экспорт Индии возрос соответственно на 33,4% (в основном — за 1963/64 г.)⁹. В итоге за период второго и третьего пятилетних планов за счет экспортных сборов было покрыто в среднем всего 62,8 и 63,7% стоимости импорта, в то время как в течение первого пятилетнего плана за счет экспорта было оплачено 83% импорта¹⁰.

Ввиду крайне ограниченных внутренних ресурсов иностранной валюты в Индии важным условием обеспечения производительной реализации капитала в годы пятилетних планов становятся займы и кредиты иностранных государств и международных организаций (таких, как Международный банк реконструкции и развития — МБРР, Международная ассоциация развития — ИДА), инвестиции и другие формы участия частных монополий и компаний¹¹. Наглядным представлением о размерах привлечения иностранной помощи может служить прежде всего то обстоятельство, что величина санкционированных Индии внешних займов и кредитов на 31 марта 1965 г. по государственным каналам достигла 34 670 млн. рупий¹² (в приведенную сумму не включены ру-

⁸ «Financial express», 1.V.1963.

⁹ «Economic survey 1964/65», New Delhi, February 1965, app. Tab. 6,2; «Economic times», 10.V.1965.

¹⁰ «Economic times», 10.V.1965.

¹¹ Указанными обстоятельствами не исчерпывается необходимость привлечения иностранной помощи. Следует указать в качестве одной из важных причин ограниченность внутренних ресурсов накопления, что определяется не только низким уровнем национального дохода, но и классовым характером его распределения и перераспределения.

¹² «Economic times», 4.VI.1965.

пийные кредиты из фондов ПЛ 480, субсидии и некоторые другие поступления)¹³.

Из общей суммы займов 34,67 млрд. рупий на 31 марта 1965 г. Индией использовано 65,6%. Своевременному освоению предоставленных кредитов, значительная часть которых имеет целевое назначение, т. е. «привязана» к определенным объектам, во многом препятствуют организационные и административные недостатки индийской стороны, просчеты в планировании, а также задержки в поступлении гарантийных кредитов капиталистических государств. Использование займов капиталистических государств в немалой степени затрудняется тем обстоятельством, что так называемые непривязанные кредиты по условиям соглашений должны расходоваться для закупки товаров в основном на рынках стран-доноров. При этом кредитующие государства далеко не всегда представляют собой наиболее дешевый рынок импортной продукции, как это обстоит, например, с США и Англией. И если предоставление «привязанных» займов следует признать оправданным при строительстве определенных объектов, проектируемых с помощью государств-кредиторов, то во многих случаях «привязывание» помощи к рынкам капиталистических государств определяется интересами последних: улучшением своего платежного баланса, стремлением расширить экспорт, максимально сохранить и использовать зависимость развивающихся стран от мирового капиталистического рынка и т. д.

«Связанный» характер займов крайне ограничивает возможности обеспечения текущего импорта постоянного капитала (амортизация, сырье и полуфабрикаты для загрузки действующих производственных мощностей)¹⁴.

Наряду с государственной помощью усиливается приток инвестиций в частный сектор из капиталистических стран, чему благоприятствует проводимая в последние годы правящими кругами Индии политика смягчения общего климата для частного иностранного капитала. Характерным явлением промышленного развития страны становится растущее сотрудничество индийских компаний с иностранными фирмами по производству большого ассортимента товаров, ранее не производившихся или производившихся в ограниченном количестве, а также в целях привлечения научно-технической информации. Усиленный рост деловых контактов наблюдается в таких важнейших отраслях промышленности, как машиностроение и станкостроение, химия, производство транспортного и энергетического оборудования. С 1957 по сентябрь 1963 г. правительством Индии было одобрено свыше 1600 соглашений о сотрудничестве, из которых примерно $\frac{2}{3}$ связаны с внедрением новейшей технологии. То обстоятельство, что число соглашений о сотрудничестве с иностранными концернами упало до 259 в 1962/63 г. против 436 в 1961/62 г., следует рассматривать как временное явление, представляющее собой реакцию инвесторов на обострение индо-китайского

¹³ На основе 12 соглашений по ПЛ 480, заключенных США с Индией за 1956—1964 гг., общий объем импортируемых товаров определен на сумму примерно 13,7 млрд. рупий. Около 87% указанной суммы (в рупиях) предоставляется правительству Индии в виде займов и даров. Остальные 13% используются на нужды посольства США. на займы американским компаниям, действующим в Индии («Eastern economist», 13.XI. 1964, p. 936).

¹⁴ По данным Резервного банка, величина кредитов, не привязанных ни к определенным объектам, ни к рынкам стран-поставщиков, в течение 1962—1963 гг. насчитывала в общей массе заемных средств всего 6% («Reserve bank of India bulletin», April 1965, p. 455).

пограничного конфликта с октября 1962 г., а также на повышение прямого обложения в 1962/63—1963/64 гг. Вместе с тем, даже по признанию некоторых иностранных вкладчиков, норма прибыли в Индии и после роста налогов остается выше, чем в Америке, или в Европе¹⁵. В данной связи характерно следующее высказывание бывшего президента Федерации индийских торговых и промышленных палат Бхарата Рама: «Необходимо сделать достоянием широкой гласности за границей то, что растущий и защищенный рынок Индии является надежным и прибыльным»¹⁶.

Однако увеличение притока частного капитала в Индию за годы независимости нельзя признать значительным. Если за период второго пятилетнего плана использованная часть внешних государственных займов насчитывала 7,05 млрд. рупий, то за пятилетие с декабря 1955 по декабрь 1960 г. приток частного иностранного капитала составил всего около 1,13 млрд. рупий¹⁷. Вывоз иностранного капитала в Индию в третьем пятилетии определяется в размере не свыше 300 млн. рупий в год против намечавшихся по плану 600 млн. Дело в том, что многие частные инвесторы все еще воздерживаются от крупных вложений в индийскую экономику. В связи с этим показательным является заявление нынешнего канцлера Федеративной Республики Германии в 1963 г.: «Для того чтобы привлечь внимание частного капитала к развитию Индии, нет иного пути кроме как ликвидация тех условий и контроля, которые сегодня без необходимости ограничивают деятельность иностранных инвесторов»¹⁸. В этом высказывании откровенно выражено стремление империалистов добиться усиления влияния на экономику и политику индийского государства.

Зависимость Индии от иностранного сотрудничества в условиях преобладания ее связей с мировой капиталистической системой неизбежно сопряжена с существенным растрачиванием национальных богатств из-за увеличения платежей по государственным займам и частным инвестициям, из-за роста ножиц цен на внешнем рынке, дискриминации индийского экспорта в ряде стран Европейского экономического сообщества и зависимости национальной хозяйства от конъюнктурных колебаний на мировом капиталистическом рынке. Рассмотренные трудности производительной реализации капитала находят свое наглядное проявление в состоянии платежного баланса страны.

ДИНАМИКА ПЛАТЕЖНОГО БАЛАНСА ЗА ГОДЫ ПЛАНИРОВАНИЯ

Дефицит иностранной валюты в Индии predetermined установление строгого режима экономики и лицензирования расходов валюты. Проводимая в стране политика контроля над импортом, особенно усилившаяся за время второго и третьего пятилетних планов, способствовала некоторому сдерживанию роста его объема — прежде всего за

¹⁵ Представляет интерес утверждение индийской газеты относительно реакции американских инвесторов на рост прямого обложения: «Некоторые из критиков признали, что их реакция вызвана подстрекательством индийских партнеров и что, несмотря на тяжелое обложение, уровень прибыли будет по-прежнему выше, чем по инвестициям в Америке или в Европе» («Amrita bazar patrika», Calcutta, 27.III.1963).

¹⁶ Ibid.

¹⁷ «Explanatory memorandum on the budget of central government for 1962/63», New Delhi, 1963, p. 196; «Commerce», 9.I.1965, p. 14.

¹⁸ «Times of India», 22.II.1963.

счет предметов роскоши и потребительских товаров не первой необходимости. Тем не менее среднегодовой импорт возрос с 7,24 млрд. рупий в первом пятилетии до 10,72 млрд. во втором вследствие притока промышленных товаров и сырья. За три года третьего пятилетнего плана импорт составил в среднем 11,09 млрд. рупий в год¹⁹. Среднегодовой объем индийского экспорта составил за первое пятилетие 6,09 млрд., за второе — 6,14 млрд. и за три года третьего — 7,17 млрд. рупий.

Существенное превышение импорта над экспортом служит основной причиной фактически постоянного пассива платежного баланса Индии (табл. 2). Однако наряду с известным сокращением внешнеторгового дефицита в период третьего пятилетнего плана по сравнению с периодом второго плана, общее положение платежного баланса страны к 1963/64 г. ухудшилось. Одна из причин этого заключается в сокращении инвалютных поступлений по неторговым операциям (так называемым невидимым статьям) из-за падения доходов по внешним активам и роста платежей по государственному долгу.

О масштабах возросших платежей по государственным иностранным займам свидетельствует тот факт, что за 1955/56—1963/64 гг. данные платежи возросли с 1 млн. до 980 млн. рупий. При существенной нехватке внутренних и в значительной мере инвалютных ресурсов для ускоренного подъема экономики произведенные расходы в твердой валюте за указанные восемь лет составили около 3,5 млрд. рупий.

Снижение инвалютных поступлений по «невидимым» статьям объясняется рядом других причин. Несмотря на усиление притока туристов в Индию наряду с введением с середины второго пятилетнего плана жестких ограничений на выезд индийцев за границу, доходы по иностранному туризму сократились с 60 млн. в 1957/58 г. до (—) 85 млн. рупий в 1962/63 г. В связи с этим в индийской печати высказываются опасения, что в стране действуют нелегальные обменные пункты, связанные с соответствующими организациями за границей. Не исключено, что иностранные туристы осуществляют закупку рупий за границей и ввозят их в Индию. Определенные потери по данной статье связаны с ввозом контрабандного золота.

К числу причин, влияющих на величину «невидимых» поступлений, относится недостаточный рост поступлений по статье транспортного судостроения, хотя произошло общее увеличение тоннажа индийских судов. За 1955/56—1962/63 гг. валовые доходы по судостроению возросли с 383 млн. до 478 млн. рупий, т. е. на 25% при росте тоннажа судов на 80%. Тем не менее баланс доходов по данной статье насчитывал в 1962/63 г. всего 234 млн. против 233 млн. в 1955/56 г.²⁰

К падению «невидимых» сборов приводит увеличение расходов за технические услуги иностранным специалистам. В частности, растущие расходы на оплату технических услуг в значительной степени поглощают поступления от индийских резидентов за границей²¹.

В результате «невидимые сборы» снизились с 1040 млн. рупий в 1957/58 г. до 148 млн. в 1963/64 г.; при этом в 1961/62—1962/63 гг. данная статья показала чистый убыток (табл. 2).

¹⁹ «Economic survey, 1964/65», 1965, app. Tab. 6.2.

²⁰ «Financial express», 3.XII.1963.

²¹ Привлечение средств индийских предпринимателей, проживающих в Европе, Америке, Африке, Малайе, Сингапуре, осуществляется как в виде инвестиций в экономику Индии, так и путем подписки на государственные займы и сбора пожертвований в пользу Индии в связи с объявлением чрезвычайного положения в 1962 г.

Таблица 2

Платежный баланс Индии 1957/58—1964/65 г.,
(млн. рупий) *

Наименование статьи	1957/58 г.	1960/61 г.	1961/62 г.	1962/63 г.	1963/64 г.**	1964/65 г.** апрель— сентябрь
Импорт (сиф)	12336	11057	10760	10913	12307	6886
а) частный	6962	6449	6417	6263	6203	3116
б) государственный	5374	4617	3643	4653	6104	3770
Экспорт (фоб)	5941	6305	6683	6822	8017	4060
Внешнеторговый баланс	-6395	-4752	-3377	-4391	-4290	-2826
Невидимые поступления (исключая государственные субсидии)	1040	376	-146	-131	148	202
Текущий платежный баланс	-5355	-4372	-3523	-4222	-4142	-2624
Операции с капиталом (исключая государственные займы)	1017	936	-402	-593	-263	-1529
Ошибки и пропуски	-98	-67	78	-43	-466	-473
Общий платежный баланс	-4436	-3503	-3847	-4858	-4871	-4626
Покрытие пассива:						
Государственные субсидии	341	452	459	767	789	1002
Государственные займы	1151	2566	2741	3949	4428	3189
Изъятие средств из Международного валютного фонда	345	-107	584	119	-238	-119
Использование резервов	2599	592	63	23	-108	554
Итого	4436	3503	3847	4858	4871	4626

* Составлено по: «Economic survey 1962/63», 1963, app. Tab. 6, 2.

** Предварительные данные: «Economic survey 1964/65», 1965, Tab. 6, 2.

В течение третьего пятилетнего плана наблюдается существенный отлив капитала за границу по статье «операции с капиталом». В основном это происходит вследствие репатриации прибылей по частным иностранным инвестициям, переводов капитала инвалютными банками.

В целом возросший дефицит платежного баланса в текущем пятилетии (даже по сравнению с особенно неблагоприятным для Индии 1957/58 г.) составил за три с половиной года примерно 18,2 млрд. рупий. Из приведенных в табл. 2 показателей следует, что этот дефицит был покрыт за счет внешней помощи и кредитов Международного валютного фонда на сумму 17,67 млрд. рупий и всего лишь на сумму 532 млн. рупий за счет инвалютных резервов. Для сравнения уместно отметить, что в период первого пятилетия, характеризовавшегося ограниченными размерами промышленного импорта и сравнительно невысоким внешнеторговым дефицитом, пассив платежного баланса составил лишь 3,18 млрд. против запланированных 6,68 млрд. рупий²². Пассив был покрыт за счет привлечения иностранной помощи на сумму в 1,96 млрд.

²² В основном потому, что фактический импорт продовольствия составил 3 млн. т против намечавшихся по плану 9 млн. т. Это дало более чем на 3 млрд. рупий экономии валюты (D. H. N. Gurtoo, *India's balance of payments*, New Delhi, 1961, p. 206).

и сокращения резервов иностранной валюты на 1,22 млрд. рупий. Во втором пятилетии, ознаменовавшемся резким увеличением импорта вследствие начавшейся индустриализации и весьма возросшего ввоза продовольствия, дефицит торгового баланса увеличился более чем в 4 раза, а платежного — в 6 раз. По сравнению с плановыми наметками, определявшимися в 11 млрд. рупий, пассив платежного баланса составил 20,59 млрд. Указанная сумма была покрыта путем использования внешних активов на 5,98 млрд. рупий и посредством привлечения иностранной помощи и кредитов Международного валютного фонда на 14,61 млрд.

За неполный период третьего пятилетнего плана сумма помощи, используемой для покрытия платежного баланса, превысила соответствующую сумму за период первого и второго пятилетних планов, вместе взятых.

Рост помощи, как средства покрытия дефицита платежного баланса, неразрывно связан с увеличением платежей по внешним заемным операциям, что в свою очередь не может не приводить к повышению дефицита платежного баланса. Такого рода самовозрастание платежного дефицита отчетливо проявляется на примере третьего пятилетнего плана, в заданиях которого платежи по внешним займам определялись в размере 4,5—5 млрд. рупий из общей суммы запроектированной помощи в 26 млрд. рупий (в иностранной валюте). Вполне понятна в данной связи озабоченность общественности Индии, находящая свое отражение в печати. «Несомненно прискорбна, — писала по этому поводу «Экономик таймс», — растущая зависимость от иностранной помощи в целях сдерживания ухудшения платежного баланса»²³.

О ПРЕДПРИНИМАЕМЫХ В ИНДИИ МЕРАХ ПО УЛУЧШЕНИЮ СОСТОЯНИЯ ПЛАТЕЖНОГО БАЛАНСА

Как было показано выше, к числу основных факторов, оказывающих решающее воздействие на положение платежного баланса, относятся внешняя торговля и иностранная помощь.

С первых лет третьего пятилетнего плана Индия выступает на мировой арене в основном как дебитор, если не считать того, что она оказывает помощь, а также предпринимает незначительный вывоз капитала в ряд стран Южной и Юго-Восточной Азии²⁴.

Поскольку на данном этапе развития экономики страны приток государственных заемных средств из-за границы сохраняется на высоком уровне, правительство Индии стремится изменить условия кредитования. В первую очередь оно добивается сокращения процентных ставок, удлинения сроков погашения займов, увеличения доли незакрепленных за конкретными объектами кредитов, т. е. тех, которые могли бы быть использованы непосредственно для сокращения дефицита платежного баланса. Некоторые уступки в отношении внешних кредитов

²³ «Economic times», 23.V.1965.

²⁴ За 1950—1962 гг. помощь составила 12 млн. рупий и была направлена на развитие общего и специального образования (в области медицины, планирования экономики, статистики и т. д.). В некоторых государствах Индия осуществляет инвестиции в промышленность в целях поощрения экспорта и обмена технической информацией. Общая сумма инвестиций, одобренных правительством в 1961—1963 гг., равна 31 млн. рупий («Times of India», 2.VI.1963; «Capital», 13.II.1964).

имели место в 1962/63—1963/64 гг., когда Международная ассоциация развития и Американское агентство международного развития предоставили льготные займы Индии. Однако в целом кредиты капиталистических держав (в отличие от кредитов социалистических государств) предоставляются по-прежнему на менее благоприятных условиях²⁵.

Кроме того, правительство Индии проводит мероприятия по привлечению частного иностранного капитала, ограничению контрабандного ввоза золота, использованию больших запасов тезаврированного золота, находящегося в руках имущих слоев населения.

Введение в январе 1963 г. «Закона о золотом контроле» несомненно способствовало подрыву контрабандной торговли золотом Индии. Однако нет оснований ожидать прекращения незаконной торговли, поскольку сохраняющаяся разница между внутренними и мировыми ценами представляет собой достаточную приманку для контрабандного ввоза золота²⁶. Не имел успеха выпуск займа, распространяемого в обмен на золото. Выпуск облигаций преследовал цель сконцентрировать в руках государства большие запасы драгоценных металлов, сохраняющиеся у населения в виде сокровищ. Запасы золота, по сообщениям индийской печати, исчисляются в размере 110 млн. унций стоимостью до 20 млрд. рупий в мировых ценах. Проведенная подписка на золотой заем (с ноября 1962 г. по февраль 1963 г.) осуществлена всего на сумму 70 млн. рупий²⁷. Тем не менее в марте 1965 г. вновь возобновлен выпуск золотого займа.

Наиболее эффективными с точки зрения реального улучшения состояния платежного баланса служат предпринимаемые попытки изменения структуры внешней торговли Индии и сбалансирования оборота за счет повышения производства товаров, заменяющих импорт, и увеличения экспорта.

В отличие от первых двух пятилетних планов, когда проблема экспорта не рассматривалась как составная часть планового развития Индии, в третьем пятилетии осуществляется конкретная программа, направленная на всемерное увеличение экспорта. Программа предполагает повышение производительности труда и на этой основе снижение стоимости продукции важнейших отраслей, главным образом работающих на экспорт или заменяющих импорт. Проводится расширение номенклатуры вывоза путем увеличения в нем доли готовых изделий. Более активно используется политика промышленного и валютного лицензирования, налогообложения для поощрения вывоза.

За 1961/62—1963/64 гг. благодаря поощрительным мерам, включающим сокращение и отмену отдельных вывозных пошлин, повышению акцизных налогов для снижения потребления экспортируемых товаров

²⁵ О благоприятных условиях предоставления помощи СССР говорит тот факт, что займы Советского Союза с самого начала предоставлялись из расчета 2,5% годовых и подлежали погашению через 12 лет, тогда как займы капиталистических стран включительно по 1963 г. имели величину ставок от 4 до 6% годовых (исключая США). Не менее существенным в характере помощи стран социалистического лагеря является то, что все расчеты по кредитам в счет поставок оборудования и прочих средств производства проводятся в индийских товарах по твердым ценам («Reserve bank of India bulletin», April 1965, p. 452).

²⁶ По данным индийской печати, в 1963 г. таможенными и другими властями было изъято контрабандного золота на сумму 5,4 млн. рупий. Для сравнения можно указать, что с января 1962 г. по октябрь 1962 г., т. е. до введения этого закона, изъятое золото составляло 8,6 млн. рупий («Financial express», 5.II.1963).

²⁷ «Amrita bazar patrika», 5.III.1963; 14.IV.1963.

внутри страны отмечается определенное увеличение объема экспорта. Однако главная причина роста экспорта в указанные годы объясняется вкладом Гоа и других воссоединенных с Индией бывших колониальных владений Португалии, а также благоприятной рыночной конъюнктурой в 1963/64 г.

В условиях конъюнктурных колебаний на мировом рынке, роста конкуренции и других неблагоприятных факторов расширение числа наименований товаров, производимых на экспорт, становится одной из первоочередных задач индийской экономики. Известное изменение структуры индийского экспорта, осуществляемое в последнее время, принесло свои плоды. За 1958/59—1963/64 гг. вывоз промышленных товаров (включая продукцию I подразделения) по стоимости возрос с 251 млн. до 660 млн. рупий²⁸.

Увеличение объема экспорта происходит также благодаря расширению и изысканию новых рынков сбыта во многих новых государствах Азии, Африки, Океании и т. д. Немаловажное значение для указанной проблемы приобретает рост торговых связей Индии со странами социалистического лагеря, которые отличаются гарантированным и постоянно растущим рынком сбыта. Удельный вес индийского вывоза в эти страны составил в 1962/63 г. всего около 12% против, например, 23% в Англию, но темпы его роста весьма значительны: на 14,2% по сравнению с предыдущим годом. Прирост индийского экспорта в Англию за это время составил 1,8%, а в Советский Союз — почти 20%²⁹.

Нельзя не отметить, однако, что возможности расширения экспорта отдельных товаров ограничиваются в связи с ростом денежных сбережений населения и повышением спроса на соответствующую продукцию на местном рынке вследствие увеличения потребностей внутреннего производства. В частности, растет спрос на велосипеды, швейные машины, охладительные установки, дизельные двигатели и др. Поэтому в Индии осуществляется целый комплекс мер по планированию производства той или иной продукции, по контролю и регулированию спроса и предложения на экспортные товары посредством налоговой и валютно-денежной политики. Важную роль во внешней торговле призваны играть различного рода государственные организации, такие, как Государственная торговая корпорация (для ведения внешнеторговых операций, страхования и т. д.).

Решению насущных проблем экспорта и импорта и в значительной мере платежного баланса Индии бесспорно способствовало бы осуществление национализации внешней торговли и иностранных валютных банков, сохраняющих важную роль во внешнеторговых операциях страны. Необходимость подобного рода государственной акции неоднократно подчеркивала и требовала демократическая общественность Индии, прежде всего коммунистическая партия. Это позволило бы не только ускорить сокращение внешнеторгового дефицита и платежного пассива, но и способствовало бы аккумуляции в руках государства огромных прибылей, извлекаемых в настоящее время частными организациями и посредниками, господствующими во внешней торговле Индии. Это положило бы предел спекуляции в области торговли, распределении лицензий на иностранную валюту и т. д.

²⁸ «Reserve bank of India bulletin», December 1964, p. 1625.

²⁹ «Three-monthly economic survey», London, July 1963, № 46, p. 9.

* * *

Нехватка иностранной валюты в Индии как результат хронического пассива платежного баланса оказывает чрезвычайно неблагоприятное воздействие на темпы роста национального хозяйства, в первую очередь промышленности. Итоги выполнения первых лет третьего пятилетнего плана представляют убедительное тому свидетельство. Ограничение ввоза сырьевых материалов и компонентов в названные годы из-за дефицита валюты явилось одной из главных причин особенно болезненного для развивающейся экономики явления: в то время как ускорение хозяйственного подъема сдерживается недостаточным уровнем промышленного развития, в стране наблюдаются недогрузка и простой производственных мощностей в значительных масштабах³⁰.

Проблема сокращения и ликвидации дефицита платежного баланса — одна из важнейших в современной Индии. Без ее скорейшего решения немыслимо уменьшение зависимости от дорогостоящей в целом внешней помощи и достижение устойчивого роста экономики.

³⁰ Достаточно отметить, что примерно 50% мощностей машиностроительной промышленности Индии в настоящее время не загружено (при работе в одну смену) («Economic times», 10.V.1965).

Л. К. Орлеанская

БОРЬБА ВОКРУГ ПРОБЛЕМЫ ПРОИЗВОДСТВЕННОГО КООПЕРИРОВАНИЯ ИНДИЙСКОЙ ДЕРЕВНИ

В эпоху общего кризиса капитализма для новых независимых государств приобретает большое значение сельскохозяйственная кооперация, которая может сыграть немаловажную роль в подготовке условий для перехода к некапиталистическому пути развития.

Кооперация — сложное социально-экономическое явление; его сущность определяется конкретными экономическими и политическими условиями в стране и характером власти.

Идеологи различных классов вкладывают в термин «кооперирование» понятия, соответствующие их классовым интересам. Так, для идеологов крупного капитала кооперация — орудие на службе у монополий. Идеологи мелкой и части средней буржуазии рассматривают кооперацию как некую надклассовую силу, способную повести развитие общества по «третьему пути», между «крайностями» капитализма и коммунизма. Они порождают иллюзии, будто кооперативы являются средством решения аграрного вопроса. Марксизм-ленинизм рассматривает кооперацию в условиях капитализма как капиталистическое учреждение, а в условиях социализма — как одно из его проявлений.

Создание на базе демократической аграрной реформы широкой сети кооперативов — единственно возможный способ поднятия уровня сельскохозяйственного производства. Однако в силу двойственности кооперации, которая, с одной стороны, является порождением капитализма, а с другой — в определенной степени противостоит капитализму, она может быть использована различными слоями сельского населения. Кооперация может служить орудием эксплуатации зажиточными слоями деревни трудящегося крестьянства и в то же время как массовая крестьянская организация может в какой-то степени противостоять гнету эксплуататорской элиты.

Двойственность кооперации порождает борьбу вокруг проблемы кооперирования сельского хозяйства Индии, что служит проявлением борьбы двух путей развития страны — капиталистического и некапиталистического.

В настоящее время борьба происходит между представителями различных классов и слоев индийского общества за тот или иной путь кооперирования, а также внутри кооперативных обществ как проявле-

ние стихийной борьбы крестьянства за демократизацию кооперации. В данной статье рассматривается первый аспект этой борьбы.

Идейные истоки различных теорий сторонников «кооперативного социализма»¹ в Индии следует искать на Западе у таких буржуазных ученых, как Джейм Уорбасс (США)², Х. Гейтскелл и Т. Мерсер (Англия), Ж. Лассерр и Э. Пуассон (Франция), Отто Шиллер (ФРГ) и др. Общее во всех их теориях можно свести к следующему: кооперация — средство избавления общества от недостатков капитализма и сглаживания классовых противоречий.

Нужны ли вообще земледельческие кооперативы, если нужны, то какие, — вот основное содержание борьбы вокруг проблемы производственного кооперирования индийской деревни. Кульминационной ее точкой явилась Нагпурская сессия Индийского национального конгресса в январе 1959 г. Производственное кооперирование было одним из самых острых вопросов. Его обсуждение привело к размежеванию политических сил Конгресса. Нагпурская резолюция наряду с другими программными требованиями провозгласила курс на развитие сельскохозяйственной кооперации с последующей трансформацией ее в производственную земледельческую кооперацию. И создание оппозиционной партии «Сватантра», по признанию одного из ее лидеров Масани, было ответной реакцией крайне правых сил внутри Конгресса и за его пределами на Нагпурскую резолюцию.

Именно в этот период обозначились три основных направления, соответствующие трем основным точкам зрения в вопросе о производственных кооперативах в сельском хозяйстве. Правда, такое деление в известной мере условно, так как внутри каждого имеются различные взгляды, иногда близкие к взглядам представителей другого направления.

Первое направление объединяет противников производственного кооперирования. Они отрицают возможность и целесообразность создания производственных кооперативов и приветствуют создание кооперативов по обслуживанию. Подобное мнение разделяют такие реакционные партии, как «Сватантра», «Бхаратия джан сангх», а также крайне правые элементы Национального конгресса.

Представители второго направления рассматривают производственную кооперацию как стимулятор, ускоряющий развитие земледельческого капитализма. Это — точка зрения центристского ядра Конгресса; она находит отражение в аграрной политике индийского правительства. К этому направлению относятся и те, кто приемлет земледельческую кооперацию, но с определенными условиями и оговорками (Народно-социалистическая партия).

Третье направление объединяет тех представителей левых сил, кто выступает за более последовательное осуществление принципов производственного кооперирования на базе завершения аграрных реформ. Они рассматривают производственную кооперацию как важный фактор, создающий предпосылки для перехода к некапиталистическому пути развития страны. К этому направлению можно отнести и точку зрения Коммунистической партии Индии, рассматривающей земледельческую кооперацию как одно из звеньев в цепи аграрных демократических преобразований.

¹ С. В. Пронин, *Что такое современный кооперативный реформизм*, М., 1961.

² J. P. Warbass, *Co-operative democracy*, New York, 1956.

I. Представители первого направления выражают интересы крупной буржуазии в городе и деревне, а также помещичьих элементов, приспособляющихся к новым условиям развития страны. Они резко выступают против сельскохозяйственной кооперации, как угрозы частному сектору в сельском хозяйстве.

Точка зрения «Сватантры» была сформулирована в ее программном документе, опубликованном в августе 1959 г., где, в частности, говорилось: «Она («Сватантра». — Л. О.) выступает за всяческую помощь сельскому хозяйству, но возражает против обработки земли организациями, превращающими частную собственность в пустую формальность и создающими расплывчатую форму коллективной собственности, которая наверняка задушит инициативу крестьянина и его семьи, приведет к сокращению производства и возникновению коллективной формы хозяйства, управляемого государством»³. Как и вся программа партии, отражающая интересы монополистов и крупных помещиков, аграрная программа полна демагогических заявлений и якобы направлена в защиту крестьянства. В действительности, выступая против ограничения земельной собственности, она выражает интересы не основной массы крестьянства (имеющей нерентабельные участки земли или вовсе ее не имеющей), а помещиков и кулацкой верхушки.

Лидеров «Сватантры» кооперация пугает не только потому, что они видят в ней действительную угрозу частной земельной собственности, а потому, что идея обобществления земли и труда способна породить новые отношения между членами кооперативного общества. Производственная кооперация пугает их как массовая организация крестьянства и как одно из проявлений государственного сектора в сельском хозяйстве.

Однако внутри самой «Сватантры» нет полного единодушия в вопросах кооперирования. Так, если Масани выступает как непримиримый и открытый противник не только производственного, но и всякого другого кооперирования, то Ранга пытается завуалировать свое истинное отношение к вопросу и предлагает исследовать возможность производственного кооперирования как альтернативы для крестьянского хозяйства. Если проследить политическую эволюцию Ранги, то нетрудно видеть его постепенный сдвиг вправо. В 1936 г. в послании II Всеиндийскому конгрессу «Кисан сабхи» он писал: «... нашим долгом является следить за тем, чтобы существующие отрасли промышленности стали собственностью и управлялись государством или контролировались им и чтобы дальнейшее развитие промышленности разрешалось только на кооперативной или коллективной основе»⁴. Теперь же Ранга — лидер самой реакционной индийской партии, активно борющейся против какого бы то ни было контроля государства за развитием промышленности и сельского хозяйства. Он резко выступает против ограничений земельных владений; в частности, при обсуждении в индийском парламенте проекта аграрного закона в штате Керала Ранга назвал законопроект антикрестьянским⁵, хотя совершенно очевидно, что он затрагивал интересы крупных землевладельцев.

Полнее всего отношение Ранги к производственным кооперативам выражено в книге «Крестьянин и сельскохозяйственный кооператив», опубли-

³ «Swatantra party, Preparatory convention», Bombay, August 1959, p. 32.

⁴ Цит. по: «Socialist congressman», New Delhi, 26.I.1962.

⁵ «Times of India», 19.IX.1963, 20.IX.1963.

кованной в 1958 г.⁶ Хотя работа претендует на серьезное исследование экономики крестьянского хозяйства, она полна противоречивых утверждений и порой фальсифицирует факты. Например, авторы (Ранга писал книгу в соавторстве с Парушури) утверждают, что после достижения независимости и проведения аграрных реформ «десятки миллионов крестьян стали собственниками земли»⁷. Как известно, собственниками земли стала лишь часть зажиточного крестьянства, которая смогла заплатить за землю выкуп, иногда достигавший 200-кратного размера земельного налога (например, в Бомбее), и полноправные арендаторы в районах заминдари.

Ранга и Парушури противопоставляют производственное кооперирование, с одной стороны, заминдарской системе, а с другой — капиталистическим хозяйствам, тогда как кооперация является капиталистическим учреждением, а сельскохозяйственная кооперация — проявлением развития капитализма в сельском хозяйстве. По их мнению, создание производственных кооперативов, которые имеют преимущества только перед заминдарской системой или капиталистическими фермами, не единственный и далеко не лучший путь развития сельского хозяйства. Такие хронические слабости сельского хозяйства, как фрагментацию, задолженность и нищенские капитальные накопления, они предполагают устранить путем создания кооперативов по обслуживанию.

«Мы утверждаем,— пишут авторы,— что крестьянское хозяйство (при хорошей организации кооперативов по обслуживанию. — Л. О.) не только даст крестьянам возможность производить больше, а земле давать лучшие урожаи, но и обеспечит большее количество богатства для крестьян, сельскохозяйственных рабочих и для нации»⁸. Именно членам кооперативов по обслуживанию должно государство предоставлять земли, высвобождающиеся после проведения законодательства о потолке, а также залежные земли и оказывать материальную помощь. По мнению Ранги, через эти кооперативы крестьянам станут доступны достижения науки, современной агротехники и новейших методов производства сельскохозяйственной продукции, ее хранения, транспортировки и распределения.

Идеализируя кооперативы по обслуживанию, Ранга и Парушури еще раз продемонстрировали, что они выражают интересы помещиков и капитализирующей верхушки деревни, стремящихся использовать те преимущества, которые предоставляет государство членам кооперативов, а также сохранить или даже увеличить земельную собственность. Эти кооперативы выгодны только тем, кто имеет землю и капитал для ее обработки. А для сельскохозяйственных рабочих и арендаторов разница состоит только в том, что раньше они работали на одного хозяина, а теперь на нескольких, объединенных в кооператив.

В попытке дискредитировать земледельческие кооперативы авторы утверждают, что в этих кооперативах нарушается принцип добровольности, хотя в своем определении этого вида кооперативов они признают, что «кооператив — организация индивидуальных членов, которые добровольно объединяются для достижения общей цели через... взаимную помощь».

Далее Ранга и Парушури утверждают, что, хотя производствен-

⁶ N. G. Ranga and P. R. Paruchuri, *The peasant and co-operative farming* New Delhi, 1958.

⁷ *Ibid.*, p. i.

⁸ *Ibid.*, p. V.

ные кооперативы разрешают сохранять собственность на землю и обеспечивают выплату дивиденда, в действительности эта собственность носит формальный характер. Здесь они явно противоречат себе, так как получение дивиденда в зависимости от размера вложенной земли является не чем иным, как формой реализации земельной собственности.

С одной стороны, авторы боятся, что уничтожение земельной собственности в кооперативах ликвидирует грани между теми, кто имеет землю, и теми, кто ее не имеет, а с другой — высказывают опасения, что неработающие члены, вложившие больше земли, будут эксплуатировать безземельных членов общества. В действительности, никакого стирания грани в кооперативах не происходит. Результаты обследований деятельности кооперативных обществ говорят за то, что эти общества выступают в большинстве своем коллективными эксплуататорами труда малоземельных и безземельных членов кооператива.

Главную опасность деятели «Сватантры» видят в том, что земельные объединения ликвидируют семейный характер землевладения и землепользования, что, по их мнению, составляет основу аграрного строя Индии. Однако они игнорируют тот факт, что более 70% крестьянских хозяйств имеет участки менее 5 акров и занимает лишь 16,3% всей обрабатываемой площади⁹.

Также противоречит действительным фактам утверждение авторов о том, что крестьянское семейное владение не создает сферы для эксплуатации. Мелкое крестьянское хозяйство с его вечной нуждой и стремлением выбиться в ряды зажиточных хозяйств создает условия для дифференциации крестьянства, выделяя на одном полюсе массу сельскохозяйственных рабочих, а на другом — единицы сельских богачей. Именно мелкое хозяйство становится объектом эксплуатации со стороны зажиточной деревенской верхушки и представителей торгово-ростовщического капитала.

Другую опасность Ранга видит в усилении влияния государства на развитие сельского хозяйства: «Такое растущее влияние и власть государства и исчезновение индивидуальных членов могут в конце концов трансформировать все сельское хозяйство в огромный департамент государства»¹⁰.

Борьба правых сил против кооперирования сельского хозяйства является составной частью борьбы против государственного сектора в экономике Индии.

Как и другие противники производственного кооперирования, Ранга и Парушри пытаются использовать неудачи и слабости сельскохозяйственных кооперативов в качестве аргумента против их создания. Что касается остальных лидеров «Сватантры» и «Бхаратия джан сангх», то они подвергают сельскохозяйственные кооперативы и политику правительства в отношении их еще более резким нападкам.

Например, в одном из мартовских номеров органа «Сватантры» «Свараджья» за 1964 г. была опубликована статья, критикующая сельскохозяйственные кооперативы¹¹. Однако критика кооперативной системы направлена не на изживание недостатков в этой области, а на прекращение самой практики кооперирования.

⁹ «The national sample survey, № 33 (Draft), eight round: July 1954 — April 1955. Report on landholdings (3). Some aspects of ownership holdings», Calcutta, 1958, p. 18.

¹⁰ N. G. Ranga and P. R. Paruchuri, *The peasant and co-operative farming*, p. 139.

¹¹ «Swarajya», 7.III.1964, p. 10.

Один из главных аргументов против создания производственных кооперативов, выдвигаемый их противниками, состоит в том, что в результате механизации труда в объединенных хозяйствах увеличится безработица. Однако сторонники сельскохозяйственных кооперативов, такие, как Балджит Сингх, Хусро, Агарвал и другие, легко опровергают этот аргумент.

Так, Балджит Сингх пишет: «Что касается опасений относительно сокращения занятости в результате механизации, то для этого нет никаких оснований... Механизация сельского хозяйства открывает новые возможности для увеличения занятости как в самом сельском хозяйстве, так и в других отраслях экономики. Лишь по истечении длительного периода она приведет к высвобождению рабочей силы, но к тому времени высвобождаемая рабочая сила будет вовлекаться в процесс производства, обеспечивающий практическое использование механизации»¹².

Наличие в Национальном конгрессе различных политических течений находит отражение в существовании диаметрально противоположных мнений по вопросам производственного кооперирования. Так, позиция правого крыла Конгресса, возглавляемого С. Патилом и М. Десаем, по данному вопросу (как и по ряду других вопросов) смыкается с позицией «Сватантры» и «Джан сангх».

В целом точку зрения противников производственного кооперирования разделяет известный деятель Конгресса С. Субраманиам. Он предлагает ограничить кооперирование созданием кооперативов по обслуживанию. По мнению Субраманиама, против сельскохозяйственных кооперативов говорит то, что в существующих условиях им не хватает жизненной способности; в большинстве случаев это бумажные объединения заемщиков для получения ссуд под более низкие проценты.

Однако это положение более применимо к кооперативам по обслуживанию (одной из основных функций которых является кредитование членов объединения), чем к сельскохозяйственным, и поэтому не может выдвигаться как довод против производственных кооперативов.

В своей речи на дискуссии по проекту третьего пятилетнего плана в Ути Субраманиам заявил: «...наша цель (после уничтожения лендлордизма) — трансформация индивидуальной крестьянской собственности в кооперативную собственность, как основы сельскохозяйственной экономики Индии»¹³. Причем кооперативная собственность должна существовать только в кооперативах по обслуживанию. Получается явное противоречие: в объединении существует совместная собственность на землю, большинство операций (таких, как сбыт, получение ссуд, покупка удобрений, машин и пр.) совершается сообща и только обработка земли должна производиться индивидуально.

Субраманиам не привел ни одного серьезного довода в пользу создания объединений по обслуживанию вместо сельскохозяйственных кооперативов. Его признание решений Нагпурской сессии было формальным моментом. В действительности, взгляды Субраманиама, как это явствует из его выступления в Ути, мало чем отличаются по существу от взглядов противников производственного кооперирования.

Большинство аргументов, порочащих производственные кооперативы (как, например, утверждение, что кооперирование увеличит безра-

¹² Балджит Сингх, *Пути развития индийской деревни*, М., 1963, стр. 122.

¹³ «Ooty Seminar All India congress committee», New Delhi, 1959, pp. 128—135.

ботицу или угрожает личной свободе крестьян), выдвигается лишь для того, чтобы погубить самую идею кооперирования в сфере сельскохозяйственного производства.

В последнее время земледельческие кооперативы не подвергаются столь резким нападкам, как в 1959—1960 гг. По-видимому, их критики поняли, что земледельческие кооперативы в том виде, в каком они существуют в настоящее время в Индии, не представляют серьезной угрозы для земельных собственников, а, напротив, зачастую служат их обогащению.

II. Ко второму направлению в борьбе вокруг проблемы производственного кооперирования мы относим политику центристского ядра Индийского национального конгресса, которая находит отражение в официальном курсе индийского правительства, и взгляды экономистов и политических деятелей, ее поддерживающих. Пожалуй, ни одно из трех вышеуказанных направлений не представлено большим многообразием точек зрения, чем это. Причина этого — неоднородность социальной базы индийского правительства. Различные политические группировки, поддерживающие аграрную политику правительства, руководствуются при этом интересами тех слоев населения, которые они представляют. Признание в силу тех или иных причин необходимости земледельческой кооперации явилось основным критерием, позволившим отнести их ко второму направлению. Однако внутри центристского ядра Конгресса нет единой точки зрения по проблеме производственного кооперирования. Правоцентристские элементы выступают против принципа совместной обработки земли. Они приветствуют такие кооперативы, где принцип частной земельной собственности остается неизменным.

Идеологической основой их воззрений послужила кооперативная теория известного немецкого аграрника и знатока аграрного вопроса в Индии — Отто Шиллера. Шиллер — один из авторов различных кооперативных теорий, выдвигаемых на Западе в противовес идеям социализма и коммунизма, получившим такое широкое распространение в новых государствах, ставших на путь независимого развития.

В его книге «Кооперативное хозяйство и индивидуальное хозяйство на кооперативной основе»¹⁴, написанной на материалах по изучению положения сельскохозяйственных кооперативов Индии, проводится идея, что земледельческие общества только тогда могут принести пользу их членам и способствовать подъему сельского хозяйства, когда они не связаны с совместной обработкой земли.

Нельзя не согласиться с автором, когда он утверждает, что общество не может называться земледельческим кооперативом, если, во-первых, земля находится в индивидуальном пользовании и, во-вторых, это крупное объединение, применяющее наемный труд. Однако предлагаемый Шиллером эталон производственного кооператива на основе индивидуального пользования землей противоречит приведенному выше тезису и является не чем иным, как кооперативом по обслуживанию, хотя автор и утверждает, что его кооперативные хозяйства не идентичны последним.

Другое противоречие Шиллера заключается в следующем: он признает, что в кооперативах собственность на землю сохраняется благо-

¹⁴ Otto Schiller, *Co-operative farming and individual farming on co-operative lines*, New Delhi, 1957.

даря разделу совокупного дохода по размерам вложенной земли, но в то же время считает, что производственное кооперирование приведет к ликвидации экономической самостоятельности мелких земельных собственников.

Автор справедливо считает, что производственное кооперирование дает возможность ликвидировать фрагментацию, более рационально использовать землю и расширить специализацию сельского хозяйства и животноводства, но пытается убедить читателей в том, что механизация труда в кооперативах увеличит давление на землю. Напрашивается вывод, что в результате механизации труда (для которой, кстати сказать, нет еще достаточной базы) высвобождающиеся рабочие руки могут быть использованы на базе кооперирования в новых отраслях, таких, как молочное хозяйство, птицеводство и т. д. Но Шиллер не делает этого вывода. Он предлагает введение кооперативных обществ только там, где сильна фрагментация, и среди земельных собственников, имеющих не менее 5 акров. Главным критерием земледельческого кооператива, по мнению автора, служит совместное осуществление большинства операций (финансирование, планирование, введение севооборота, обеспечение потребительскими товарами, сбыт сельскохозяйственной продукции), за исключением основной — обработки земли. Шиллер отстаивает интересы земельных собственников, и в первую очередь капитализирующейся деревенской верхушки, для которой кооперация становится средством получения государственной помощи.

Идею развития объединений подобного типа поддерживает большая часть центристского ядра Конгресса, в том числе С. Д. Мисра. Он рассматривает кооперирование как средний путь между двумя крайностями — капитализмом и коммунизмом, как средство децентрализации власти и деконцентрации богатства и призывает к всестороннему кооперированию вплоть до создания кооперативных больниц, ресторанов, школ и т. д.¹⁵ В его концепции нетрудно заметить преимущество взглядов представителей кооперативного реформизма на Западе. Он ссылается на сельскохозяйственные кооперативы Японии, Англии, Америки, Швеции и других капиталистических стран в качестве примеров «развития социализма» через кооперацию¹⁶.

Как равнодействующую силу двух секторов экономики рассматривает кооперацию и Н. Р. Мирдха. Кооперативный сектор, по его мнению, удачно сочетает достоинства частной инициативы и преимущества крупного хозяйства и позволяет достичь экономической децентрализации¹⁷.

Подобной точки зрения придерживается и известный индийский экономист проф. Дантвала. В его отношении к кооперации также нашла отражение идея о параллельном развитии двух секторов индийской экономики. Дантвала предлагает рассматривать сельскохозяйственную кооперацию как некую нейтральную силу, призванную уравновешивать частный и государственный секторы. Он признает преимущества земледельческой кооперации в плане создания более рентабельных хозяйств, применяющих достижения науки и техники, и увеличения занятости на сельскохозяйственных и несельскохозяйственных работах, однако, считает необходимым поставить ее в такие рамки, чтобы она не

¹⁵ «AICC economic review», 7.X.1962, № 18.

¹⁶ «Socialist congressman», 15.XII.1962, p. 15.

¹⁷ Ibid., p. 16.

только не ущемляла частный сектор, а, напротив, способствовала его развитию. Для этого он предлагает следующее: «во-первых, кооперативный элемент в ней (сельскохозяйственной экономике. — Л. О.) не должен быть подчиненным; став таким, он едва ли будет отличаться от государственного сектора. Во-вторых, кооперативная организация не должна ставить целью устранение частного сектора. Более того, она должна действовать как мощная уравнивающая сила для обоих секторов, частного и государственного. И, в-третьих, кооперативные общества не должны развиваться в огромные безлично управляемые организации, укомплектованные оплачиваемыми служащими»¹⁸.

Совершенно очевидно, что представители данной точки зрения опасаются усиления влияния государственного сектора и, в частности, влияния государства на сельское хозяйство через производственную кооперацию и рассматривают ее только как фактор, способствующий развитию и укреплению частнокапиталистического сектора в индийской экономике.

Среди тех, кто видит в производственной кооперации стимулятор роста сельскохозяйственного капитализма, можно назвать Д. С. Кушваха¹⁹, В. Л. Мехта²⁰ и др.

К данному направлению в борьбе вокруг проблемы производственного кооперирования можно отнести и позицию Народно-социалистической партии. Ее лидеры хотя и не выступают с поддержкой аграрной политики правительства, но их позиция в этом вопросе по сути не отличается от позиции правоцентристских элементов Конгресса. Народные социалисты признают кооперацию вообще и производственную, в частности, но на определенных условиях.

Отношение партии к кооперированию было сформулировано в резолюции, принятой на второй национальной конференции в Гайе в 1956 г. В ней говорится, что мелкие хозяйства могут объединяться и сотрудничать прежде всего в сфере кредита, сбыта, ирригации и т. д. Коллективную обработку земли народные социалисты признают в качестве возможной меры, но осуществление ее относят на будущее и только на землях, высвобождающихся после проведения аграрных реформ, и на целине²¹. Лидеры Народно-социалистической партии не выступают прямо против сельскохозяйственных кооперативов. Однако, ограничивая их создание во времени и в пространстве, они тем самым отрицают необходимость производственного кооперирования как важного стимула поднятия сельскохозяйственного производства. Признавая существующие условия неблагоприятными для развития производственных кооперативов, они не намечают конкретных путей для создания необходимых условий.

Проблемам кооперирования был посвящен ноябрьский номер органа Народно-социалистической партии — «Джаната»²². Только в одной из девяти статей, помещенных в номере, рассматриваются вопросы производственного кооперирования; но и эта статья не написана в защиту сельскохозяйственных кооперативов. Так, ее автор, проф. Н. К. Гхарпуре, пи-

¹⁸ M. L. Dantwala, *All India agricultural economics conference*, Chandigarh, 1960, p. 22.

¹⁹ «Capital», 28.II.1960, p. 163.

²⁰ «Seminar», Bombay, January 1960, № 5, p. 15.

²¹ «Report of the Second national conference of the Prajor socialist party», New Delhi, 1956, p. 30.

²² «Janata», Divali number, 1963.

шет: «Кооперативы по совместной обработке должны быть там, где фермеры совершенно готовы отказаться от прав собственности»²³. Подобное утверждение в настоящее время может скорее отпугнуть, чем привлечь крестьян к сельскохозяйственным кооперативам.

В аграрной политике индийского правительства кооперирование занимает существенное место. Развитие различных видов сельскохозяйственной кооперации направлено на укрепление сельскохозяйственного капитализма, постепенное вытеснение посредников из сферы обращения, стабилизацию цен на продовольственные товары, увеличение занятости в сельском хозяйстве, повышение рентабельности земельных владений без коренного перераспределения земли, освоение залежных земель, поднятие урожайности и т. д.²⁴. Кооперация — один из каналов, через который государство направляет в сельское хозяйство кредиты, орудия, удобрения и другие материальные ресурсы.

Особое место в планах роста сельскохозяйственного производства отводится земледельческой кооперации. Впервые идея поднятия сельского хозяйства путем создания производственных кооперативов была сформулирована Плановой комиссией еще в 1948 г., позже она получила дальнейшее развитие и нашла сторонников и противников в различных слоях индийской общественности и внутри правящей партии.

Необходимость всестороннего кооперирования, в том числе производственного, отмечалась еще в первом пятилетнем плане Индии. Однако достаточно четко она была сформулирована только во втором пятилетнем плане, где кооперативный сектор рассматривался как составная часть плановой экономики. План намечал развитие кредитной, сбытовой и потребительской кооперации и как особую задачу выдвигал развитие земледельческой кооперации, которая предполагает объединение земли и совместное управление хозяйством. При этом подчеркивался добровольный характер кооперативных объединений и предусматривалось оказание им всесторонней государственной помощи.

На сессии Национального конгресса в Нагпуре создание кооперативов по совместной обработке земли было признано одним из краеугольных камней программы построения общества социалистического образца. В резолюции Нагпурской сессии записано: «Будущая аграрная структура должна представлять собой землевладение, в котором земельные участки объединяются для совместной обработки»²⁵.

Прежде чем перейти к созданию сельскохозяйственных кооперативов, резолюция предлагала в качестве подготовительной меры создавать по всей стране снабженческо-сбытовые кооперативы. Членами производственных объединений могли быть все постоянные жители деревни независимо от того, имеют они землю или нет. В кооперативах сохраняется право частной земельной собственности и доходы должны делиться в соответствии с вложенным земельным и денежным капиталом.

Несмотря на ожесточенные дебаты по проекту резолюции, она была принята единогласно. Однако после ее принятия деятельность правых элементов снова активизировалась и некоторые из них, например Ранга, вышли из Конгресса. В своем письме премьер-министру Неру по поводу несогласия с аграрной политикой Конгресса Ранга пи-

²³ Ibid., p. 8.

²⁴ «Seminar», January 1960, № 5, p. 11.

²⁵ «Congress bulletin», 1959, № 1, 2, p. 22.

сал, что создание кооперативов по совместной обработке земли вместо крестьянского хозяйства «может только подточить демократический фундамент нашего общества и привести к экономическому рабству широких масс»²⁶.

В основу программы кооперирования в сфере сельскохозяйственного производства в третьем пятилетнем плане легли рекомендации Рабочей группы по обследованию земледельческих кооперативов, представленные Совету национального развития и рассмотренные им в сентябре 1960 г.²⁷ План наметил конкретные мероприятия для развития производственных кооперативов и помощи им со стороны государства, оставив без изменения организационные принципы, предложенные Нагпурской резолюцией²⁸.

Идеологическую основу аграрной политики индийского правительства составляет концепция Джавахарлала Неру, который был горячим сторонником производственного кооперирования. Выступая в феврале 1959 г. в защиту решений Нагпурской сессии, он заявил: «...мы призываем к созданию кооперативов по обслуживанию в каждой деревне и кооперативных союзов над ними. Но мы должны признать, что наша цель — совместная обработка; ее мы надеемся достичь при одобрении и поддержке земледельцев»²⁹. По мнению Дж. Неру, существуют два пути решения аграрной проблемы: один — кооперирование крестьянства и постепенный переход к производственному кооперированию, другой — отвлечение сельского населения в промышленность. Первый путь является более приемлемым, он поможет поднять сельскохозяйственное производство, механизировать его и повысить агротехническую культуру земледелия³⁰. Без кооперирования владельцы мелких участков никогда не смогут выйти из омыта нищеты. Однако Дж. Неру считал, что нельзя навязывать народу совместную обработку земли, он сам должен поверить в ее преимущества... Постепенность и добровольность — два неотъемлемых принципа кооперирования.

В статье, написанной к 68 съезду Национального конгресса в Бхубанешваре (и послужившей основой для принятой резолюции), Дж. Неру еще раз определил свое отношение к производственному кооперированию, отметив при этом, что «земледельческая кооперация не означает коллективного хозяйства и каждый индивидуальный крестьянин остается собственником своего участка земли»³¹. Там, где в настоящее время невозможна земледельческая кооперация, следует развивать многоцелевую, с тем чтобы охватить кооперированием большую часть сельского населения и подготовить условия для создания производственных кооперативных обществ. Кооперативы по совместной обработке земли, согласно концепции Дж. Неру, — крупный шаг на пути к социализму.

Проводимая правительством Индии политика кооперирования объективно отвечает интересам всего крестьянства. Однако, если верхушка крестьянства заинтересована в кооперативах, способствующих развитию земледельческого капитализма (к этой категории относится большинство существующих кооперативов), то среднее и бедняцкое

²⁶ «Why Ranga resings», Nidubrolu, 1959, p. 86.

²⁷ «Report of the Working group on co-operative farming», New Delhi, 1959, vol. I.

²⁸ «Third five year plan», Delhi, 1961, pp. 210—211.

²⁹ Цит. по: «Jawahrlal Nehru on co-operation», 1959, p. 20.

³⁰ Ibid., p. 35.

³¹ «The Hindu», 7.I.1964.

крестьянство, а также сельскохозяйственные рабочие и батраки заинтересованы в кооперативах, где бы ограничивались капиталистические тенденции и создавались условия для перехода деревни на некапиталистический путь развития. Такими кооперативами являются объединения сельских тружеников, построенные на принципах взаимопомощи, где все члены трудятся и преимущественным принципом распределения доходов служит принцип распределения по труду. Принятая на Бхубанешварской сессии Индийского национального конгресса в январе 1964 г. резолюция призывает к всестороннему кооперированию, как одному из условий мирной трансформации Индии в сторону социализма. «Прежде всего,— говорится в резолюции,— усилия должны быть направлены на составление полной программы земельных реформ в течение двух лет. Кооперация должна играть главную роль в обеспечении возможностей кредита, снабжения и сбыта земледельцев. Там, где это возможно, должны организовываться кооперативы по совместной обработке с согласия заинтересованных земледельцев».

Осуществлению намеченных резолюцией рекомендаций способствовало бы созданию широкой сети кооперативных обществ.

Однако провозглашаемый индийским правительством курс на развитие производственного кооперирования не приносит желаемых результатов. По данным 1960 г., в стране насчитывается немногим более 6 тыс. земледельческих кооперативов, т. е. одно кооперативное общество на 70 деревень. Это безусловно ничтожно малое число. Кроме того, большинство кооперативов представляет собой объединения кулаков и помещиков, организованные для получения государственной помощи, увеличения размера обрабатываемой земли, освобождения от подоходного налога³² и получения других льгот, предоставляемых государством членам земледельческих кооперативов. Лишь незначительное число производственных объединений в сфере сельского хозяйства остается подлинными производственными кооперативами. Это, как правило, объединения мелких крестьян, не применяющие наемного труда, и кооперативы-колонии, основанные малоземельными крестьянами и сельскохозяйственными рабочими.

Малоземелье и безземелье основной массы индийского крестьянства — главная причина слабости производственного кооперирования в сельском хозяйстве. Большим тормозом на пути развития земледельческой кооперации является сохранение феодальных пережитков в деревне, в частности позиций торгово-ростовщического капитала.

Представители левого крыла Конгресса склонны рассматривать земледельческую кооперацию как фактор, способный ограничить капиталистическую эксплуатацию в деревне. Один из лидеров левого крыла К. Д. Малавия в представленных для сессии Конгресса в Джайпуре и Бхубанешваре проектных резолюций предлагает осуществление радикальных аграрных реформ, с тем чтобы превратить земледельца в собственника обрабатываемого участка земли. Он не раскрывает свой тезис кооперирования, но проекты резолюций (оба были отвергнуты Конгрессом) свидетельствуют о том, что их автор рассматривает кооперирование как составную часть комплексных мероприятий, направленных на укрепление позиции государства в сфере обращения и сельскохозяйственного производства³³.

³² Законодательные акты многих штатов разрешают членам кооперативов иметь участки земли, превышающие установленный потолок.

³³ К. Д. Malaviya, *Toward socialism*.

Другой представитель левого крыла Конгресса, редактор журнала «Социалист конгрессмен», Х. Д. Малавия рассматривает производственное кооперирование на базе завершения аграрных преобразований как единственное средство укрепления социально-экономического положения отсталых слоев сельского населения.

III. Третью линию в рассматриваемой борьбе составляют те политические деятели и экономисты, кто считает перераспределение земли после аграрных реформ основным условием производственного кооперирования. Они представляют интересы мелкой буржуазии города и деревни, основной массы крестьянства и прогрессивной интеллигенции, и их взгляды по основным направлениям, в частности по вопросу земледельческой кооперации, совпадают с позицией левого крыла Конгресса. К их числу относятся Г. Р. Мадан, А. М. Хусро, А. Н. Агарвал, В. Н. Гангули, Балджит Сингх и др.

Взгляды Г. Р. Мадана (автора известных работ по аграрному вопросу Индии) наиболее полно изложены им в книге «Земледельческие кооперативы и кооперативы по обслуживанию в Индии»³⁴, опубликованной в 1961 г. Она представляет собой результат обследования и критического анализа деятельности кооперативных обществ в сфере сельскохозяйственного производства и обслуживания. Мадан приходит к выводу, что большинство земледельческих объединений в Индии — лжекооперативы, созданные, чтобы обойти фиксированный земельный потолок, согнать бесправных арендаторов с земли и заменить труд сельскохозяйственных рабочих машинами. Однако в отличие от противников производственных кооперативов в деревне, рассматривающих недостатки их как «веский» аргумент против создания подобных кооперативов, Мадан считает необходимым бороться за подлинные кооперативы, объединяющие сельских тружеников, и оказывать им всестороннюю государственную помощь. Для этого, по его мнению, необходимы следующие условия: а) запрещение наемного труда во всех хозяйствах, переданных крестьянам после аграрных преобразований, так как это создает предпосылки для трансформации таких хозяйств в подлинный земледельческий кооператив; б) развитие промышленности, обрабатывающей сельскохозяйственное сырье, для поглощения излишков рабочей силы в сельском хозяйстве.

Развитие кооперативных земледельческих обществ встречается с рядом трудностей, поэтому «усилия должны быть направлены, — пишет Мадан, — на создание многоцелевых обществ, с тем чтобы крестьяне могли производить максимум на индивидуальной основе». Успех этих обществ «будет постепенно убеждать земледельцев переходить к высшим формам кооперации — производственной кооперации, на которую возлагается основное решение проблемы повышения сельскохозяйственного производства»³⁵.

Земледельческим кооперативом автор называет построенное на демократических началах общество, где его члены объединяют свои земли добровольно.

Возражая тем, кто сознательно или бессознательно путает кооперативы по совместной обработке земли с коллективными хозяйствами, он правильно определяет разницу между ними: «если в первом случае выплачивается определенный дивиденд на земельную собственность, во

³⁴ G. R. Madan, *Co-operative farming and service co-operatives in India*, Delhi, 1961.

³⁵ *Ibid.*, pp. ii, iv.

втором такой дивиденд не выплачивается, так как нет индивидуальной собственности»³⁶.

В будущем Мадан предлагает создать следующие типы кооперативных обществ: а) кооперативные коллективные хозяйства; б) кооперативы по совместной обработке земли; в) кооперативы обслуживания (или многоцелевые). Коллективные хозяйства должны организовываться на осушенных и целинных землях, на землях, полученных по движению Бхудан, а также после изъятия земельных излишков у помещиков. Эти участки должны предоставляться беженцам, мелким земледельцам, бывшим служащим и безземельным сельскохозяйственным рабочим.

Второй тип кооперативных хозяйств можно создавать в основном среди владельцев нерентабельных участков земли, как правило, не применяющих наемный труд. Правда, такие кооперативы все же открывают лазейку для эксплуататорских элементов, которые могут составить меньшинство и эксплуатировать большинство малоимущих членов. Поэтому Мадан предлагает регистрировать кооперативы после детального знакомства с их деятельностью. В этих объединениях в отличие от первого типа сохраняется индивидуальная земельная собственность, что находит отражение в разделе совокупного дохода соответственно размеру вложенной земли.

Многоцелевые кооперативы должны включать все кооперативы по обслуживанию сельскохозяйственного производства, объединения для улучшенной обработки земли (в настоящее время их необоснованно относят к производственным кооперативам), арендаторские хозяйства и индивидуальные хозяйства на кооперативной основе. Функции многоцелевых кооперативов — обеспечение членов объединений кредитом, семенами, удобрениями, потребительскими товарами, реализация сельскохозяйственной продукции, покупка дорогостоящего инвентаря для общего пользования, осуществление мелких ирригационных работ и т. д.³⁷.

Первый тип предложенных Маданом кооперативных обществ — самый прогрессивный. Очевидно, по мнению автора, здесь будет существовать коллективная форма землевладения, а доход будет делиться в соответствии с трудом, вложенным каждым членом. В таких объединениях не будет экономической основы для эксплуатации одних членов общества другими, а управление будет осуществляться на подлинно демократических началах.

Такой подход к решению кооперативного вопроса представляется не только возможным, но и крайне целесообразным, так как кооперативы по обслуживанию будут способствовать подъему сельскохозяйственного производства и служить ступенькой для перехода к более передовым формам кооперирования. Их успешное функционирование наряду с деятельностью определенного числа настоящих сельскохозяйственных кооперативов послужило бы одним из факторов подготовки социально-экономических предпосылок для развернутого производственного кооперирования с охватом все более широких масс сельских тружеников.

Точка зрения А. М. Хусро и А. Н. Агарвала на вопросы кооперирования с наибольшей полнотой выражена в их совместной книге

³⁶ Ibid., p. 7.

³⁷ Ibid., p. 69.

«Проблема земледельческой кооперации в Индии»³⁸. Производственным кооперативом они называют такое объединение, в котором несколько семей добровольно объединяют свои земли и другие средства производства, совместно трудятся и управляют фермой. Совокупный доход делится в соответствии с вложенной земельной собственностью и личным трудом каждого члена. Авторы выдвигают следующие основные принципы земледельческого кооператива: 1) добровольное объединение земли и других средств производства для совместного ведения хозяйства, 2) личный труд каждого и участие в управлении хозяйством, 3) распределение доходов по труду и собственности³⁹. При нарушении хотя бы одного из этих условий объединение не будет подлинным производственным кооперативом.

Решение аграрного вопроса в Индии и увеличение сельскохозяйственного производства, по мнению Хусро и Агарвала, зависят от следующих взаимосвязанных факторов: осуществления законодательства о «потолке», проведения мелиоративных работ, консолидации земельных участков и производственного кооперирования. Земли, высвобождающиеся в результате проведения первых трех мероприятий, должны раздаваться малоземельным и безземельным крестьянам, и в первую очередь тем, кто создает производственный кооператив.

В своей программе организации широкой сети земледельческих кооперативов авторы не идут так далеко, как Мадан. Они ничего не говорят о необходимости проведения последовательной и подлинно демократической аграрной реформы и не только не призывают к созданию коллективных хозяйств, но считают их крайне нежелательными и нецелесообразными для Индии.

Остановимся кратко еще на одном исследовании аграрного вопроса Индии, направленном в защиту производственного кооперирования. Значение упоминаемой выше книги Балджита Сингха «Пути развития индийской деревни» состоит не только в том, что он обоснованно опровергает все основные доводы противников земледельческих кооперативов, но и доказывает необходимость их для коренного изменения социально-экономического строя индийской деревни. Главной предпосылкой создания настоящих кооперативов сельских тружеников он считает ликвидацию помещичьего землевладения и перераспределения земли: «Положительная черта перераспределения земли заключается в том, — пишет автор, — что это мероприятие обеспечивает равенство экономических возможностей и социального положения в деревне. Оно направлено на ликвидацию существующей в настоящее время концентрации земельной собственности и власти в руках меньшинства»⁴⁰.

Разбивая аргументы тех, кто утверждает, что рационализация и механизация труда в кооперативах сократят занятость, он доказал, что совместная обработка земли предполагает углубление и расширение сферы приложения труда в сельском хозяйстве благодаря лучшему управлению хозяйством, интенсификации земледелия и расширению сферы производственной деятельности (мясо-молочного хозяйства, птицеводства, огородничества, переработки сельскохозяйственного сырья и т. д.). В создании кооперативов он видит единственный способ интенсификации хозяйства, увеличения занятости, использования рабочей силы

³⁸ A. M. Khusro and A. N. Agarval, *The problem of co-operative farming in India*, Bombay, 1961.

³⁹ Ibid., pp. 52—53.

⁴⁰ Балджит Сингх, *Пути развития индийской деревни*, стр. 125.

для накопления капитала в сельском хозяйстве и поощрения работников введением более высокой оплаты труда в соответствии с выполняемой работой⁴¹.

Балджит Сингх предлагает поэтапный путь развития земледельческого кооперирования: объединение индивидуальных земельных владений, затем перераспределение излишков земли и, наконец, обобществление земли тех крестьян, которые решат создать земледельческий кооператив⁴².

Точка зрения Балджита Сингха — самая прогрессивная из всех, представленных в этом направлении. Он не только не мыслит кооперации без перераспределения земли, но и выдвигает самый передовой тип производственного объединения — с обобществлением земли в качестве перспективы. Кооперирование крестьянства — очень сложный, а подчас мучительный процесс, и проведение его требует учета как политических и экономических условий в стране, так и особенностей крестьянской психологии и возможно только путем постепенного перехода от низших форм кооперации к высшим.

Если суммировать и обобщить все основные положения, высказанные представителями прогрессивных сил индийской общественности, то рекомендации в отношении сельскохозяйственной кооперации можно свести к следующим:

1. Завершение аграрной реформы и перераспределение земли в пользу непосредственных производителей — необходимое условие кооперирования широких масс сельских тружеников.

2. Регистрации подлежат только кооперативные общества, где все члены трудятся и вся земля обрабатывается без применения наемного труда.

3. Совокупный доход кооперативного общества должен делиться в зависимости от размера вложенной земельной собственности и личного труда каждого члена.

4. Принцип добровольности должен быть главным критерием при создании земледельческого кооператива.

5. Производственные объединения сельских тружеников должны получать всестороннюю и постоянную помощь государства, тогда как кооперативы-призраки, созданные эксплуататорскими элементами, следует лишить государственной помощи, что в конце концов приведет к их ликвидации.

Проведение вышеуказанных мероприятий позволило бы создать широкую сеть кооперативов в сфере сельскохозяйственного производства в интересах многомиллионного трудящегося крестьянства, эти кооперативы ограничили бы капиталистическую эксплуатацию в деревне и создавали предпосылки для перехода на некапиталистический путь развития.

Позиция Коммунистической партии Индии основывается на анализе конкретных экономических и политических условий в стране. Партия рассматривает развитие сельскохозяйственной кооперации как организационную часть аграрной политики, неотделимую от проведения последовательной и демократической аграрной реформы. В принятой коммунистической партией в феврале 1959 г. резолюции об аграрных реформах указывается:

⁴¹ Там же, стр. 137.

⁴² Там же, стр. 156.

«Наша партия уже давно выдвигает программу радикальных аграрных реформ, которая предусматривает в качестве первых и совершенно необходимых мер для подъема сельского хозяйства полное обеспечение прав арендаторов, сокращение арендной платы, установление максимального размера земельных владений, распределение государственных пустующих земель... и земельных излишков среди бедных крестьян и сельскохозяйственных рабочих, облегчение бремени налогов и задолженности и установление справедливых цен на сельскохозяйственную продукцию»⁴³.

Индийские коммунисты предлагают проводить распределение излишков земли через народные комитеты, куда должны входить представители кооперативов. Все эти мероприятия создадут необходимую экономическую базу кооперирования, помогут развязыванию инициативы, энтузиазма и энергии масс, без чего невозможна успешная деятельность земледельческих кооперативов.

Коммунистическая партия неоднократно подвергала критике существующие кооперативные объединения и отмечала, что в них господствуют эксплуататорские элементы. Для них кооператив служит ширмой, прикрываясь которой, они получают государственную помощь и эксплуатируют малоземельных крестьян. Наибольшие выгоды от кооперативов получают проникшие в них представители торгово-ростовщического капитала, кулаки и помещики. Только ликвидация помещичьего землевладения и перераспределение земли уничтожат социально-экономическую базу, порождающую недостатки в существующих кооперативах, и обеспечат создание подлинных кооперативов сельских тружеников.

В программе Коммунистической партии Индии, принятой в декабре 1964 г. на VII съезде, еще раз подчеркивалось значение кооперации в развитии не только сельского хозяйства, но и всей экономики Индии: «Кооперативное движение должно играть жизненно важную роль в развитии сельской экономики нашей страны. Организация и демократизация кооперативов различных типов в широком масштабе может не только обеспечить крестьянские массы оружием в борьбе против ростовщиков, торговцев и спекулянтов, но также сделать серьезный вклад в усиление национальной экономики путем увеличения продовольствия и продовольственного сырья и поднятия жизненного уровня сельского населения»⁴⁴.

Таковы основные направления в борьбе по вопросу кооперирования индийской деревни.

Характер и содержание сельскохозяйственной кооперации будут зависеть от того, по какому пути пойдет развитие страны в целом. В условиях капитализма, как это имеет место в настоящее время, земледельческая кооперация будет обычным капиталистическим учреждением, как во всех экономически развитых странах Запада. Если же развитие страны пойдет по некапиталистическому пути, производственная кооперация наряду с другими видами сельскохозяйственной кооперации станет важным фактором демократической перестройки индийской деревни.

⁴³ «New age», 17.V.1959.

⁴⁴ «New age», 10.I.1964, p. 8.

М. А. Сидоров

**РОЛЬ ТОРГОВО-РОСТОВЩИЧЕСКОЙ ЭКСПЛУАТАЦИИ
В ОБЕЗЗЕМЕЛИВАНИИ КРЕСТЬЯНСТВА
И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЭВОЛЮЦИИ
ПОМЕЩИЧЬЕГО КЛАССА**

(заминдарские районы Индии)

В настоящей статье рассматривается роль торгово-ростовщического капитала в образовании новых прослоек господствующих классов в индийской деревне после первой мировой войны. Источниками для написания данной работы послужили главным образом материалы Комиссии по сельскому хозяйству (1928) и Банковского комитета (1930).

Автор использовал главные выводы советских исследователей аграрного строя Индии¹ о том, что именно торгово-ростовщическая эксплуатация, как ни одна из форм первоначального накопления капитала, играла важную роль в мобилизации земельной собственности, накоплении денежных имуществ в руках эксплуататорских классов и в разорении и отделении непосредственных производителей от основных средств производства, т. е. в подготовке необходимых предпосылок капиталистического способа производства. Ряд принципиальных для этой проблемы вопросов, подробно освещенных в специальных работах и статьях² (двойственная роль торгово-ростовщического капитала в разложении полуфеодальных производственных отношений, издольная аренда и генезис капитализма в земледелии, специфика обезземеливания крестьянства), рассматривается лишь по мере необходимости. Основное внимание уделено анализу роли ростовщических методов эксплуатации и связи помещичьего класса с торгово-ростовщическим капиталом по линии кредита и кооперации, их значению для складывания необходимых предпосылок их капиталистической эволюции; образованию новых социальных прослоек землевладельцев, создававших условия разложения феодальной собственности, и причинам усиления

¹ Р. Ульяновский, *Английский финансовый капитал и его торгово-ростовщическая агентура в индийской деревне*, — сб. «Империализм, национал-реформизм и аграрная революция в Индии», М., 1934; Г. Котовский, *К вопросу о роли ростовщического капитала в обезземеливании крестьянства в Индии*, — «Краткие сообщения Института востоковедения», вып. X, 1953; А. Медовой, *Ростовщический капитал в сельском хозяйстве Индии*, М., 1961.

² Перечень основных работ см.: Г. Котовский, *Индия*, — кн.: «Аграрные отношения в странах Востока», М., 1958, стр. 9—10.

торгово-ростовщической эксплуатации после первой мировой войны, приведшего к образованию нового типа ростовщика-землевладельца. В той или иной степени часть этих вопросов рассматривалась в работах советских индологов, тем более что названные источники остаются до сего времени единственным оригинальным материалом по аграрным отношениям рассматриваемого периода. Новым в работе является привлечение неиспользованного фактического материала по таким районам господства помещичьего землевладения, как Бенгалия, Соединенные и Центральные провинции, а также общая постановка вопроса о характере участия и роли помещиков и ростовщиков в кооперативном движении.

* * *

Источники отмечают, что процесс мобилизации земельной собственности значительно усилился после первой мировой войны. На основе обезземеливания крестьянства происходил переход и концентрация земли в руках ростовщиков, банкиров-шроффов, адвокатов, чиновников, врачей. Землевладение все более приобретало всеобщий характер, и класс помещиков помимо старого феодального класса заминдаров и раджей стал включать и другие сословия и прослойки общества.

Представители торгово-ростовщического капитала составляли значительную часть феодальных землевладельцев в колониальной Индии рассматриваемого периода. Важной, хотя и побочной, сферой деятельности туземных банкиров наряду с ростовщичеством, торговлей и промышленностью было землевладение. Крупнейшие банкиры-шроффы давно превратились в крупных помещиков³.

В Бихаре, сообщает отчет Банковского комитета, «мало чистых банкиров и большинство Schroffов одновременно также и землевладельцы»⁴. Это замечание можно отнести почти к любой ростовщической фирме и к любому крупному городскому или сельскому ростовщику. Например, семья Нарендра Натх Чаудхури (Ассам), «известная как ростовщики из поколения в поколение», большую часть земель заминдари приобрела не покупкой, а при помощи ссудных операций⁵.

Особенно заметен этот процесс в Центральные провинциях, где такие ростовщические фирмы и семьи банкиров, как Абирчанд, Мидхурдас, Читнавис, Гхатате, Батани, Бути, Пандас, и другие владельцы огромными землями⁶. Например, еще дед председателя Законодательного собрания Центральные провинций Шанкаррао Читнавис, занимав-

³ Подробные данные по Соединенным провинциям см.: В. И. Павлов, *Очерк деятельности торговцев и ростовщиков в колониальной Индии*, — «Ученые записки Института востоковедения», XII, 1955, стр. 99—160.

⁴ «Bihar and Orissa provincial banking enquiry committee», vol. 2, Patna, 1929—30, p. 245 (далее — ВОРБЕС).

⁵ «Assam provincial banking enquiry committee», vol. 2, Sillong, 1930, p. 184 (далее — АВЕС). Банковский комитет дает много примеров и по другим провинциям. Так, из десяти банкиров округов Богра и Рампур (Бенгалия) трое бенгальцев (остальные — марвари) были также и заминдарами (см.: «Bengal provincial banking enquiry committee», vol. 3, Calcutta, 1930, p. 147 (далее — ВРВОС)). Представители нескольких делийских ростовщических фирм, прекратившие операции из-за конкуренции английских банков, жили главным образом на арендную плату со своей земельной собственности (см.: «Banking enquiry committee for the centrally administered areas», Calcutta, vol. 4, 1929—30, p. 237 (далее — СААБЕС)).

⁶ «Central provinces provincial banking enquiry committee», Nagpur, vol. 4, 1929—30, p. 836 (далее — СРБЕС).

шийся ростовщичеством (главным образом ссудой зерна), имел 15 деревень. Владения самого С. М. Читнаваса включали около 150 сел: «Я широко занимаюсь ростовщичеством по всей территории, где у меня есть земля»⁷. Помимо ростовщического и банковского дела семья Гхатате обладала «49 селами полностью, половиной и более долей в 46 деревнях и долями менее 8 анна в 33 деревнях»; «как мальгузар господин Гхатате (Гопал Рао) также обрабатывает большие площади садовой земли»⁸. Кастурчанд, сын Меликчанда Асвала, вложил в ростовщичество 200 тыс. рупий и 50 тыс. рупий в торговлю золотом и серебром. Он также был крупным помещиком и имел доли в 20 селах: «Многие из этих деревень перешли ко мне в уплату долгов,— заявил он в своих показаниях Банковской комиссии,— а остальные были куплены»⁹. Сетх Тхакурдас Говерднадас, крупнейший банкир и землевладелец Бинханпура, вложил в ростовщичество 600 тыс. рупий; 300 акров земли он получил по наследству, 500 (речь, вероятно, идет только о личных землях. — М. С.) «были куплены и получены в уплату долгов»¹⁰.

Примером тесной связи индийских промышленников и банкиров с землевладением может служить марварийская фирма, принадлежавшая семье Дага. Фирма Дага владела многими хлопкоочистительными и прессовальными предприятиями, хлопчатобумажной фабрикой в Бхинганхате, выступала управляющим агентом (партнер Макенджи Дадабхой» фабрик «Баднера коттон милз» и «Модел милз» в Нагпуре. Кроме того, ей принадлежали 25% акций в двух других фабриках, шесть или семь угольных шахт и многочисленные марганцевые рудники в Центральных провинциях. «По-видимому, первоначально они нашли капитал как поставщики в армию, и теперь — крупнейшие местные банкиры в провинции». «Они основали банковское дело в основном на современных началах и выписывают чеки, как современные банки. В добавление к банковскому делу они также имеют много деревень — 4 большие деревни в Пенджабе, 89 — в этой провинции: 60 в дистрикте Саугор, 25 — в Райпуре, 4 — в Джаббальпуре»¹¹.

Как правило, банкиры-шроффы являлись помещиками-абсентеистами, для которых землевладение в основном было побочным продуктом ростовщических операций. Хотя для большинства таких банкиров-помещиков главными оставались их традиционные занятия в сфере кредита, торговли или промышленности, они широко развешивали ростовщические операции через агентов-хавальдаров и сеть ссудных касс в своих поместьях. Так, крупный Schroff и помещик-абсентеист Бахадур Дешпанде из Нагпура заявил, что источник его дохода — «земля и ссуды». Член сельского Законодательного совета крупный помещик и ростовщик округа Бандара Ганпатрао Панде «ведет ростовщическое дело через агентов во многих частях округа и имеет лавку в своих деревнях», а Schroffы Джэгешварао и Гопалрао из семьи банкиров Бути в Нагпуре также ссужают деньги и зерно через своих агентов во многих округах провинции¹². В целом выгоды ростовщичества, по-видимому,

⁷ СРВЕС, vol. 3, p. 546.

⁸ СРВЕС, vol. 2, p. 503.

⁹ Ibid., p. 463.

¹⁰ СРВЕС, vol. 4, p. 816.

¹¹ СРВЕС, vol. 2, pp. 495—496.

¹² СРВЕС, vol. 1, p. 143; vol. 2, pp. 155, 581. Мальгузары Нагпура, крупного центра туземных банкиров и помещиков-абсентеистов, получали 736 тыс. в виде процентов на долг в 6,8 млн. рупий.

намного превышают их доходы от ренты, и они жалуются, что «земледелие не оправдывает себя».

В колониальной Индии в условиях торможения самостоятельного экономического развития и господства феодально-помещичьей собственности в земледелии торгово-ростовщический капитал получил громадное развитие; он целиком господствовал в сфере сельского кредита, в значительной степени контролировал скупку и первые этапы движения сельскохозяйственной продукции к рынку. Отмеченные источниками оживление деятельности торгово-ростовщического капитала на первом этапе общего кризиса капитализма свидетельствовало о дальнейшем развитии товарного производства и денежных отношений в сельском хозяйстве. Интенсификация ростовщических методов — одна из наиболее характерных особенностей помещичьей эксплуатации в указанный период¹³; она имела огромное значение в обезземеливании крестьянства.

Чрезвычайно большие размеры принял переход земли к ростовщикам в хлопковых районах Берара. «Повсюду именно ростовщический класс накапливает земельную собственность», — сообщил Мирза Рахман Бег, член Законодательного собрания округа Акола, Банковской комиссии. Права отчуждения земельной собственности, которые имели крестьяне в районах земельно-налоговой системы раятвари Берара, стали, по его выражению, «проклятием для людей». Земля кхатедаров-собственников переходит в руки «иностраных ростовщиков, и среди них марвари — самые известные». Только в округах Акола и Джальгаон марвари стали собственниками 1/5 земли и, по его убеждению, в следующие пять лет захватят еще 2/5¹⁴. Многие заимодавцы, заявил адвокат Сахасрабудхи Комиссии по сельскому хозяйству, пришедшие люди, осевшие в Бераре и ставшие теперь владельцами сотен акров земли. Другой свидетель показал, что в округе Акола ростовщикам принадлежит 20% земли, а 90% оставшейся — заложено им же¹⁵.

Свидетели, представшие перед комиссией, утверждали, что «за последние 50 лет 1/6 обрабатываемой земли в Бераре перешла в руки неземледельческих классов, занимающихся ростовщичеством»¹⁶. Даже если эти цифры неточны, несомненно, что захват ростовщиками земельной собственности крестьян в Бераре происходил значительно быстрее именно на основе развития товарно-денежных отношений. Во-первых, в районах раятвари не существовало никаких ограничений на отчуждение земли. Во-вторых, хлопковый бум «вызвал общее стремление к покупке или аренде земли по очень высоким ценам». Цены на землю поднялись, появился крупный класс спекулянтов, вкладывающих капиталы в скупку земли»¹⁷.

В период мирового экономического кризиса последовало падение цен на хлопок, что необычайно увеличило задолженность крестьянства. На хлопковые районы Центральных провинций, включая Берар, приходилось 66% крестьянской задолженности: 213,8 млн. из 364,6 млн.

¹³ О причинах интенсификации ростовщических методов см.: В. И. Павлов, *Очерк деятельности торговцев и ростовщиков в колониальной Индии*, стр. 133, 147, 159; А. Медовой, *Ростовщический капитал в сельском хозяйстве Индии*, стр. 152—154.

¹⁴ CPBEC, vol. 3, p. 71.

¹⁵ «Royal commission on agriculture in India», vol. 4, London, 1928, p. 65. (далее — RCAI); CPBEC, vol. 1, p. 291.

¹⁶ CPBEC, vol. 1, p. 354; vol. 3, pp. 316, 333.

¹⁷ CPBEC, vol. 3, p. 136.

рупий, — в среднем 555 рупий на семью по сравнению с 296 в пшеничных, 59 в рисовых и 82 в горных районах. По оценке Банковского комитета, 40% общих расходов по обработке в хлопковой зоне поглощали краткосрочные (сезонные) ссуды, которые ежегодно занимались и выплачивались после уборки урожая, «если не было серьезного недохода»¹⁸.

Хлопковый бум и последующее падение цен усилили переход земли в руки ростовщиков и мальгузаров. Последние стали заводить собственные хозяйства на приобретенной земле. Например, в округе Нимар в результате бума мальгузары захватили ценные земли малик-макбуза; в одной из этих деревень две трети земли перешли к ростовщикам¹⁹.

Переход земли в руки новых помещиков, не занимавшихся ведением хозяйства, сопровождался экспроприацией наследственных прав аренды и превращением бывших собственников в бесправных арендаторов.

При такой централизации земельной собственности рост землевладения был мало связан с изменениями в характере землепользования, а приводил главным образом к росту мелкокрестьянской кабальной аренды. Крестьянин вновь соединялся с землей, но на худших условиях, в качестве полуфеодального мелкого арендатора-издольщика²⁰. Бесправный арендатор терял заинтересованность в обработке земли. «Один из результатов подобного положения — уменьшение продуктивности хозяйства, поскольку ростовщик сдает землю в аренду с такой нормой ренты, которая оставляет земледельцу очень мало инициативы для выращивания хорошего урожая»²¹. Переход земли часто не погашает всего долга, и ростовщик становится кредитором «собственных арендаторов», низводя их до положения «экономически зависимых рабов» и полностью подчиняя сельскохозяйственное производство своему контролю²². В этих случаях, как указывает, например, Мадрасский комитет по обследованию кредита, трудно провести четкую грань и определить, «является ли фактический земледelec батраком или субарендатором». И тот и другой берут займы у помещика, получают у него семена, скот и из года в год влечат жалкое существование, отда-

¹⁸ CPBEC, vol. 1, pp. 113—115, 122.

¹⁹ Ibid., pp. 120, 136; CPBEC, vol. 2, p. 351. Мальгузар — местное название помещика; малик-макбуза — особая привилегированная прослойка мелких феодальных собственников в Центральных провинциях. В 80-х годах XIX в. права малик-макбуза получили «лица, которые, как обнаружилось, владели землями без перерыва, дольше, чем те, кому первоначально были дарованы права мальгузара на все село». Они платили ренту по пониженным ставкам, имели полные права отчуждения, продажи и заклада своей земли даже без согласия вышестоящего помещика, чего были лишены другие арендаторы. Земельный налог малик-макбуза вносил непосредственно правительству через мальгузара, удерживавшего определенный процент в свою пользу «за обязанности по сбору земельного налога». В 1929 г. в Центральных провинциях имелось 750 тыс. акров на правах малик-макбуза. «Их экономический статус ненамного ниже, чем мальгузара» (CPBEC, vol. 1, pp. 18, 43, 291).

²⁰ О значении издольщины как переходной формы хозяйства см.: С. А. Кузьмин, *Издольное хозяйство в Синде во второй половине XIX в.*, — «Краткие сообщения Института востоковедения», XXVIII, 1958; Г. Котовский, *Аренда и арендные отношения в Тамилнаде (Южная Индия) в 1917—1939 гг.*, — «Ученые записки Института востоковедения», М., 1955; В. Г. Растяников, *Об эволюции издольной аренды в Индии*, — «XXV Международный конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР», М., 1960).

²¹ «Central banking enquiry committee 1929—31», vol. 1, pt I, Delhi, 1930, p. 59' (далее — CBEC).

²² «United provinces provincial banking enquiry committy 1929—30», vol. 2, Calcutta 1930, pp. 362, 442 (далее — UPPBEC), CPBEC, vol. 1, p. 46.

вая помещику 60 и даже 80% урожая²³. При кабальной издольной аренде, ухудшаемой долговыми отношениями, натуральная рента гораздо выгоднее для ростовщика, так как он в этом случае выступает скупщиком сельскохозяйственной продукции, получая ее в виде процентов по долгу либо по низким, заранее установленным ценам. «Ссудные операции дают ростовщику возможность строго контролировать жизнь деревни, и он, естественно, рассчитывает, что вся продукция должника будет реализована через него»²⁴.

Стараясь выжать из арендатора все возможное, ростовщик не делает даже необходимых улучшений, а использует традиционные методы ведения хозяйства (условия его собственного существования), приносящие ему наибольшую выгоду. «Подобный человек не тратит ни копейки на улучшение хозяйства. Он рассматривает приобретение земли как любое другое капиталовложение. Его единственная цель — извлечение денег из своих арендаторов в наибольшем количестве с предельной интенсивностью»²⁵. Таким образом, первым следствием перехода земли к «жадному до денег выскочке» было усиление тяжести феодальной эксплуатации, до этого носившей более или менее патриархальный характер. Этот метод ведения хозяйства ведет не к капиталистическому земледелию, а к самым кабальным формам полуфеодальной аренды и приобретает еще более хищническую форму, подрывает воспроизводство крестьянского хозяйства. Норма ростовщической эксплуатации характеризуется стремлением поглотить весь избыток сверх необходимого продукта. Маркс отмечал, что «ростовщичество не изменяет способ производства, но присасывается к нему как паразит и доводит его до жалкого состояния. Оно высасывает его, истощает и приводит к тому, что воспроизводство совершается при все более скверных условиях»²⁶; парализуя производительные силы, ростовщичество консервирует старый способ производства как условие существования самого ростовщика.

Ростовщичество мешало развитию капитализма, отвлекая огромные средства от производительного использования на расширение хозяйства, задерживая классовую дифференциацию в деревне.

Распределение задолженности по группам хозяйств показывает, что большая часть долга приходилась на беднейшую и наименее обеспеченную группу крестьянства, имеющую до пяти акров земли. Основная масса крестьянских хозяйств, задавленная ростовщической эксплуатацией и помещичьим гнетом, была лишена возможности приобретать лучший инвентарь, семена, удобрения или производить какие-либо дополнительные капиталовложения²⁷. На улучшение сельского хозяйства шло не более 5—10% займов, на выплату старых долгов — 25—30% и на текущие сельскохозяйственные расходы 15—20%²⁸. Ростовщическая эксплуатация служила серьезным препятствием и для хозяйственной деятельности зажиточной прослойки села, поглощая в виде уплаты старых долгов и процентов значительную часть их накоплений и дохо-

²³ «Madras provincial banking enquiry committee», vol. 1, Madras, 1930, pp. 14—15 (далее — МВЕС).

²⁴ «Famine enquiry commission, final report», Madras, 1945, pp. 463—464 (далее — ФЕСФР).

²⁵ УРВЕС, vol. 1, p. 124.

²⁶ К. Маркс, *Капитал*, ч. II, — К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 25, ч. II, стр. 145—146.

²⁷ УРВЕС, vol. 1, pp. 82, 97.

²⁸ МВЕС, vol. 1, p. 78; СРВЕС, vol. 2, p. 556.

дов. Источники отмечают, что «даже зажиточные крестьяне вынуждены превращаться в арендаторов, работающих на кредитора».

Ростовщичество отвлекало огромные денежные средства в непроизводительную сферу полуфеодальной эксплуатации. В Мадрасе, по данным Банковского комитета, при проценте, равном 12, в руки ростовщиков попадало 30% валовой продукции сельского хозяйства. В Центральных провинциях при сельской задолженности в 364 млн. рупий рента-налог составляла 28,2 млн., а процент на долг — 72,9 млн. рупий.

В целом по Индии Банковский комитет определил земельный налог в 350 млн. рупий, ренту, уплачиваемую сверх налога, в сумму в 1,5 раза большую, а вероятную величину процента по долгу минимум в 1 млрд. рупий²⁹. По подсчетам индийского ученого Джайна, в 30-х годах ростовщики получали в виде процентов 1,5 млрд. рупий, т. е. сумму, в три раза превышающую земельный налог³⁰.

В рассматриваемый период усиливается приток капитала из города в сельские районы. Мелкая городская буржуазия, буржуазная интеллигенция, «городские спекулянты» и просто денежные люди видели в покупке земли источник твердых доходов: «повсюду отставные правительственные служащие и даже клерки сосредоточили в своих руках огромные земли»³¹. Отмечая причины такого явления, профессор Мукерджи заявил Комиссии по сельскому хозяйству, что «покупка земли обеспечивала в Индии известное социальное положение. Поэтому они (мелкая городская буржуазия и лица либеральных профессий) стремятся скорее вложить свои капиталы в землю, чем в промышленность и торговлю. Наши адвокаты и лица свободных профессий сплошь и рядом обзаводятся землей»³². Главными причинами перелива капитала в сельские районы, так же как и «растущая тенденция вкладывать капиталы в ростовщичество среди тех, кто их накопил», были не только социальные обычаи и традиции. Это объяснялось слабым развитием промышленности, отсутствием выгодных сфер применения капитала в городе, т. е. находилось в тесной связи с общеэкономическим развитием страны как колониального придатка метрополии. Рост новой прослойки земельных собственников несомненно свидетельствовал о развитии денежных отношений и о дальнейшем обуржуазивании земельной собственности. Однако его конечным результатом было увеличение новой прослойки паразитических рентополучателей, что не вело к созданию самостоятельных хозяйств, а было лишь простым вложением капитала, обеспечивавшим твердый доход и «постоянную ренту». «Я могу сидеть в Калькутте, — заявил владелец фирмы „Морган, Уокер и с^о“ А. Л. Морган Комиссии по сельскому хозяйству, — и быть владельцем пая каково-нибудь поместья, и мне неинтересно знать, улучшается ли это поместье; я хочу из него извлечь деньги, это просто система извлечения денег. Люди приходят в суд и покупают там с аукциона поместья, они не знают, где оно находится, это просто пай в 1 анна, каури пай и т. д.

²⁹ АВЕС, vol. 1, pt 1, p. 96.

³⁰ По подсчетам Пальма Датта, это заниженные цифры; он определил ренту в 1,5 — 2 млрд., а ростовщический процент при минимальной ставке 11% — в 2 млрд. рупий (Пальм Датт, *Индия сегодня*, М., 1948, стр. 260—261).

³¹ СВЕС, vol. 3, p. 310; ВОРВЕС, vol. 2, p. 853; АВЕС, vol. 1, pp. 178—180.

³² RCAI, vol. 4, p. 405; «Материалы Королевской комиссии по сельскому хозяйству в Индии», М., 1935, стр. 245 (далее — «Материалы...»).

Это просто означает, что вы имеете право на столько-то рупий или анна из всей собранной ренты»³³.

Однако в дальнейшем формировании капиталистического земледелия новые группы собственников сыграли значительную роль. Некоторые адвокаты, правительственные чиновники, увлеченные идеями улучшения земледелия, пытались вести свои хозяйства, основанные на наемном труде, заводили улучшенный инвентарь, скот, пользовались сортовыми семенами. Как правило, их попытки кончались неудачей, поскольку в условиях господства феодально-помещичьей собственности и колониального гнета отсутствовали необходимые предпосылки свободного развития капитализма. В дальнейшем многие из них были вынуждены вернуться к сдаче земли в издольную аренду и к сложившимся методам ростовщической эксплуатации. Засилье допотопных форм капитала, которые «повсюду стоят на пути действительного капиталистического способа производства и гибнут по мере его развития», свидетельствовало о незначительном развитии капитализма в индийской деревне. В. И. Ленин подчеркивал, что соотношение торгово-ростовщического и промышленного капиталов находится в обратной зависимости³⁴.

* * *

На основе широкого развития товарно-денежных отношений и усиления ростовщических методов эксплуатации на первом этапе общего кризиса капитализма в различных провинциях Индии складывался в зависимости от степени развития торгово-ростовщического капитала и исторически сложившихся форм земельной собственности определенный господствующий тип землевладельца-ростовщика. Колониальная администрация, а вслед за ней английская и индийская научная литература, классифицировала ростовщиков на профессионалов (городских, сельских, странствующих) и непрофессионалов (землевладельцев, адвокатов, пенсионеров, торговцев и духовенство)³⁵. Для крупных городских и сельских ростовщиков, банкиров, торговцев, адвокатов и чиновников главными остаются их профессиональные занятия, а землевладение являлось результатом покупки поместий или захвата крестьянской земли. Нас интересуют причины необычайно широкого и глубокого распространения ростовщических методов эксплуатации среди землевладельцев-помещиков, феодальных посредников, крестьян-раятов, а также роль и значение этих методов в возникновении самостоятельного денежного имущества, независимого от земельной собственности, в накоплении в сельском хозяйстве, как важном и необходимом условии капиталистической эволюции эксплуататорских классов.

В районах господства земельно-налоговой системы заминдари в Бихаре, Мадрасе, Соединенных и Центральных провинциях преобладал помещик-ростовщик³⁶.

В Соединенных провинциях многие помещики «являются по происхождению профессиональными ростовщиками, ставшими заминдара-

³³ «Материалы...», стр. 123. Банковский комитет по Бихару и Ориссе отмечал, что сбережения городских жителей, вложенные в земельную собственность, состоят «не только в покупке постоянных прав аренды для целей обработки, но в приобретении прав собственности, представляющих собой главным образом право собирать ренту» («Материалы...», стр. 245).

³⁴ В. И. Ленин, *Развитие капитализма в России*, — Полное собрание сочинений, т. 3, стр. 177.

³⁵ CBEC, vol. 1, pt 1, p. 72.

³⁶ RCAI, vol. 6, pp. 6, 90.

ми вследствие разорения своих клиентов-заминдаров»³⁷. Тот же тип ростовщика-заминдара вполне отчетливо сложился и в Бихаре. В округе Патна и в «большинстве других районов собственно Бихара ростовщик или банкир — одновременно и землевладелец. Приобретение земли часто служит естественным результатом его ростовщических операций, а в некоторых случаях занятие ростовщичеством было естественным результатом накопления доходов с земельной собственности. Часто обрабатываемая земля служит залогом, принимаемым ростовщиком, доля которой в конечном счете попадает к нему в руки, и он становится землевладельцем»³⁸.

По данным Банковского комитета, в заминдарских районах помещик-ростовщик занимает главное место в кредитовании крестьян. В Центральных, Соединенных провинциях и Мадрасе на его долю приходилось соответственно 11,8, 39,9 и 47% сельскохозяйственного долга. Об удельном весе помещиков-ростовщиков в кредитовании крестьянства дают представление следующие примеры. На каждые 100 тыс. сельского населения Соединенных провинций приходилось 409 ростовщиков, из них 307 помещиков. Из 250 ростовщиков округа Друг в Центральных провинциях «100 являются мальгузарами, прибегающими к ростовщичеству в качестве вспомогательного занятия». Из 500 человек, занимавшихся ростовщичеством в деревнях с кооперативными обществами округа Хаджипура Соединенных провинций, ростовщики-землевладельцы составляли 50%, а заминдары и банья — по 20%³⁹.

Обезземеление крестьянства принимало особенно резкие формы, когда его кредитором выступал помещик. Основная масса трудящихся деревни — малоземельные крестьяне-арендаторы и сельскохозяйственные рабочие — редко могли предоставить профессиональным ростовщикам надежное обеспечение и попадали в полную зависимость от помещика. Авансирование сезонных потребностей арендаторов зерном и деньгами было широко распространенной практикой в поместьях заминдаров, получившей отражение во всех источниках. Однако надо учитывать, что предоставление кроме земли других средств производства — посевного материала, удобрений, инвентаря и т. п. — на кабальных условиях неизбежно заставляло помещика «вмешиваться» в производство и изменяло самый характер производственных отношений, при этом ростовщические методы авансирования ускоряли процесс концентрации средств производства на одном полюсе и пауперизацию на другом.

Помещики-ростовщики — наиболее опасные кредиторы, ибо у них «естественное стремление» приобрести землю проявлялось сильнее, чем у ростовщиков-профессионалов, а существующие законы в отношении наследственной аренды давали мальгузару-ростовщику «опасно широкие возможности захватить, если он пожелает, землю своих арендаторов-заемщиков»⁴⁰. Центральный Банковский комитет отмечает, что «помещики — наиболее страшные кредиторы, поскольку они приобретают

³⁷ УРВЕС, vol. 1, pp. 125—127; vol. 2, p. 334.

³⁸ Показания Джугул Кишор Нарайна, мунсифа г. Патны (ВОРВЕС, vol. 2, p. 245).

³⁹ УРВЕС, vol. 1, p. 30; СВЕС, vol. 4, p. 986; ВОРВЕС, vol. 2, pp. 403, 405. Заминдары округов Бхагальпур и Тирхат в Бихаре занимались ростовщичеством, потому что «тесные связи заминдара с земледельцем обеспечивают особо благоприятные условия для реализации налогов с арендаторов» (УРВЕС, vol. 1, p. 22).

⁴⁰ СВЕС, vol. 1, p. 354. Земля должника, перешедшая к помещику при помощи зарегистрированной продажи и передачи права владения, становится его *zirat*, т. е. усадебной землей (ВОРВЕС, vol. 2, p. 415).

двойную власть над арендаторами. Если арендатор платит ренту, но не платит проценты по долгу, то помещик может возбудить дело в налоговом суде. Но хуже всего то, — говорится в отчете, — что помещик может по своему выбору прибавить все платежи к долгу и держать арендатора на положении недоимщика по аренде, а это означает, что он может наложить арест на урожай последнего в уплату долга, что дает ему право сгона арендатора с земли по выбору... Арендаторы бываюи иногда вынуждены уступить свои права помещику для ликвидации долгов»⁴¹. Практика ростовщических ссуд позволяет помещику увеличивать свою долю в произведенном продукте и отбирать у крестьян значительную часть прибавочного и необходимого продукта в форме ростовщического процента и постепенно превратить задолженность в орудие кабальной зависимости. Крестьяне теряют свои наследственные, переходившие из поколения в поколение права аренды и превращаются в бесправных арендаторов, которых помещик может согнать по желанию. Интересны указания источников о том, что помещики-ростовщики заставляют задолжавших арендаторов обрабатывать свои личные земли в счет погашения долгов⁴². Так ростовщическая кабала превращается в основу отработок⁴³.

Приведем пример «постановки дела» во владении мальгузара-ростовщика Сетха Гулабчанда в селе Абхана в округе Дамох Центральных провинций. Из 128 арендаторов только 20 не имели долгов. Общая сумма задолженности составляла 129 тыс. рупий деньгами и 468 манис зерном, из которых 98,9 тыс. рупий были долгом «более чем пятидесятилетней давности». «Недавний долг» в 49,4 тыс. рупий был меньше общего дохода села на 5 тыс. и в 23 раза больше земельного налога. Половина долга была обеспечена землей, на каждого арендатора приходилось в среднем 453 рупии, и даже процент по долгу в 5 раз превышал арендную плату. В плохие годы мальгузар не делает ничего, чтобы взыскать долг, но «в хорошие захватывает урожай, оставляя только достаточный запас на питание и расходы на одежду». По словам арендатора, «даже жить в деревне само по себе является постоянным, вечным голодом». «Кажется невероятным, — пишут авторы отчета, — что арендаторы, их дети и внуки смогут вообще когда-либо освободиться от долга. Даже если они откажутся от земли, долг будет продолжать висеть над ними... Арендаторы села не хотят права отчуждения земли, так как единственная перспектива в результате предоставления им этого права — потерять землю, но ...мальгузар, по-видимому, не хочет их земли»⁴⁴.

Таким образом, ростовщическая кабала стала особенно выгодной формой эксплуатации и обеспечивала помещику-ростовщику такие доходы, что он даже не был заинтересован в сgone непосредственных производителей с земли для ведения собственного хозяйства или последующей сдачи ее в аренду⁴⁵.

⁴¹ СВЕС, vol. 1, pt 1, p. 76.

⁴² UPPBEC, vol. 1, p. 303; BOPBEC, vol. 2, p. 415.

⁴³ СААВЕС, vol. 4, pp. 58, 257; «Материалы...», стр. 238. На это впервые указал Р. Ульяновский.

⁴⁴ СВЕС, vol. 2, pp. 268—271.

⁴⁵ Эту же тенденцию отметил Банковский комитет. В Центральных провинциях ростовщики не стремятся приобрести земельную собственность: «большинство их нашло более выгодным получать платежи деньгами, потому что прибыли от ростовщичества, если оборот достаточно быстрый, значительно больше, чем те доходы, которые может

В селе Сикхи округа Саугор задолженность арендаторов в 21 раз превышала арендную плату, и мальгузар-ростовщик давно мог захватить земли на правах постоянной наследственной аренды в исполнение судебных дел за долги. Однако он предпочитал держать арендатора в долгу, давая ему едва необходимое для жизни и ежегодно захватывая остальную часть дохода от сельского хозяйства⁴⁶. Отчет Комитета приводит данные по поместьям фирмы Чандмал (округ Сатпура), Сетха Далчанда и других владельцев (округ Дамох), где задолженность достигла такой точки, «когда для экономии бумаги и чернил» дальнейшая задолженность по проценту не записывается, запись в книгах остается постоянной... кредитор забирает весь урожай и дает арендатору зерно, чтобы продержаться до нового урожая⁴⁷.

Второй, гораздо более важной и многочисленной группой земле-владельцев-ростовщиков были так называемые ростовщики-раяты. Отмеченное всеми источниками этого периода «появление нового типа ростовщиков, ведущих свое происхождение из земледельческих классов»⁴⁸, было новым явлением в развитии индийского сельского хозяйства. Оно объяснялось широким проникновением ростовщического капитала в деревню и необычайно большой выгодностью ростовщической эксплуатации.

Банковский комитет по Пенджабу рассматривал рост райатов-ростовщиков «одной из наиболее поразительных особенностей сельской экономики провинции», которая «представляет собой важное изменение в жизни деревни». Отчеты Комитета по Бихару и Ориссе, Соединенным и Центральным провинциям также свидетельствуют, «что значение обычного райата как ростовщика повсюду увеличивается», что помимо обычного сельского ростовщика, лавочника, торговца и помещика «в каждой деревне два-три зажиточных райата занимаются ростовщичеством»⁴⁹. Важно отметить, что этот тип ростовщика наиболее заметно сложился в районах райатвари и крестьянского землевладения, где сельская верхушка, по-видимому, обладала более благоприятными возможностями для обогащения. Так, в Мадрасе, «вероятно, более половины ростовщических операций велись райатами. Более зажиточные райаты имели средства для вложений. Для них было выгодно ссужать почти все, что они имели, и занимать позднее денежные средства для своих потребностей»⁵⁰. По данным инспектора кооперативных обществ в Дели, из 254 ростовщиков округа 84 были земледельцами. В Соединенных

получить с земли не занимающийся сельским хозяйством ростовщик... В настоящих условиях во всяком случае ясно, что ростовщики как класс не стремятся приобретать больше земли, а получают ее только в качестве последнего средства в уплату долгов» (СРВЕС, vol. 1, p. 35).

⁴⁶ СРВЕС, vol. 2, pp. 239—240.

⁴⁷ RCAI, vol. 6, p. 6.

⁴⁸ СВЕС, vol. 1, pp. 1, 76. Комиссия по выяснению причин голода в Бенгалии пишет о Пенджабе: «Теперешний деревенский ростовщик не тот, каким он был каких-то 40 лет назад. С развитием ирригации, правительственной службы, торговли с заграницей и привычкой к бережливости возник новый тип сельского ростовщика, принадлежащего к земледельческому классу, который гораздо больше жаждет земли, чем старый тип ростовщика, обычно соглашавшийся на продажу или заклад земли только тогда, когда он терял надежду на уплату как процентов, так и основного долга». В Соединенных провинциях «появился новый тип поставщика сельского кредита... из заминдаров или класса земледельцев» (FECFR, pp. 465—466).

⁴⁹ UPPVES, vol. 1, pp. 138, 140; BOPVES, vol. 2, p. 27; vol. 3, p. 36; СРВЕС, vol. 1, p. 95; vol. 4, p. 933.

⁵⁰ МВЕС, vol. 1, p. 79. В 12 типичных деревнях Мадраса, подробно обследованных Банковским комитетом, на долю ростовщика-раята приходилось 47% задолженности.

провинциях на их долю в целом приходилось 14%, а в отдельных районах до 50% сельской задолженности⁵¹.

Рост численности и усиление активности ростовщика-раята в Пенджабе, Мадрасе, Соединенных и Центральных провинциях и отчасти в Бихаре несомненно свидетельствовали о расширении сферы действия торгово-ростовщического капитала на базе развития товарно-денежных отношений в сельском хозяйстве. В то же время это показывает, что в ходе имущественного расслоения индийского крестьянства складывается новая социальная прослойка деревни. Особенностью индийского кулачества и зажиточной деревенской верхушки было то, что они сочетали полуфеодалные и капиталистические методы эксплуатации⁵². Однако в условиях колониально зависимой страны торгово-ростовщическая деятельность кулачества была естественным выходом для денежных накоплений: «в нынешних условиях для крестьянина, имеющего свободные денежные средства, ростовщичество — единственная форма доходных и легко осуществимых капиталовложений»⁵³. Эволюция зажиточной верхушки деревни в сельскую буржуазию могла осуществляться лишь в традиционных формах накопления денежного имущества путем ростовщичества и захвата земли у должника, попавшего в безысходную кабалу. Источники отмечают, что у ростовщика-раята — «самого сурового и безжалостного из всех займодавцев» — стремление к приобретению земли проявлялось особенно сильно⁵⁴, поскольку это было единственной возможностью увеличить хозяйственную площадь для сельской верхушки. Высокая цена земли, объяснявшаяся монополией помещиков на землю, делала невозможной аренду земли на капиталистических началах. Предпринимательские хозяйства в отдельных районах развивались исключительно среди крестьянства, владевшего большими земельными участками на правах собственности и имевшего ряд феодальных привилегий по сравнению с основной массой крестьянства. Капиталистическое развитие низших и худших форм капитала — торгового и ростовщического, сосредоточенного в руках деревенской верхушки, говоря словами Ленина, зависело «от окружающих обстоятельств, от большего или меньшего вытеснения азиатчины и распространения культуры»⁵⁵. Таким главным препятствием, сдерживающим превращение денежных накоплений в сельскохозяйственный производ-

⁵¹ СААВЕС, vol. 1, pp. 78, 308; UPPBES, vol. 1, p. 50. В Бенгалии ростовщичеством особенно часто занимались феодальные посредники (Tenure-holders) (BPBES, vol. 3, pp. 138—139).

⁵² Подробнее об особенностях формирования предпринимательской верхушки индийской деревни см.: М. А. Максимов и В. Г. Растяжников, *Развитие капитализма в сельском хозяйстве и аграрные реформы в слабо развитых странах Востока в послевоенный период*, — «Материалы по аграрным реформам на Востоке», М., декабрь 1958; Г. Г. Котовский, *Индия*, стр. 99—101.

⁵³ UPPBES, vol. 1, p. 54. То же отмечает отчет Банковского комитета по Центральным провинциям: «...только те мальгузары и земледельцы накопили богатство, кто соединяет ростовщичество с ведением сельского хозяйства» (CPBES, vol. 1, p. 45): «Мальгузары и земледельцы, которые одновременно и ростовщики, прежде всего являются мальгузарами и земледельцами, а уже потом ростовщиками и... мы обнаружили растущую тенденцию среди тех, кто накопил капитал, вкладывать его в денежные ссуды своим более бедным собратьям» (Ibid., p. 353).

⁵⁴ «Ссуду часто выдают, рассчитывая получить землю заемщика, и, по-видимому, это наиболее часто делает раят-ростовщик, домогающийся земли, а не соукар (деревенский ростовщик-лавочник. — М. С.), который часто не хочет земли» (MBES, vol. 1, p. 228).

⁵⁵ В. И. Ленин, *Развитие капитализма в России*, — Полное собрание сочинений, т. 3, стр. 70.

ственный капитал и рост промышленного капитала в земледелии, являлся империалистический гнет.

* * *

Связь помещичьего землевладения с торгово-ростовщическим капиталом имела двойственный характер. Часть помещиков сами широко использовали ростовщичество как метод эксплуатации крестьян, по сути дела были скорее ростовщиками, чем землевладельцами, другие же превращались в помещиков за счет захвата крестьянских земель. Источники дают также ряд главным образом косвенных указаний и свидетельств о характере взаимоотношений помещиков с представителями ростовщического капитала по линии кредита, по их совместной роли и участию в основании и работе кооперативных обществ и банков. Этот вопрос имеет большое значение, поскольку показывает, по каким направлениям происходило перерастание денежных накоплений, полученных за счет торгово-ростовщической эксплуатации и земельной ренты, в высшие формы капитала, позволяет уточнить противоречивую связь помещичьего класса с представителями национальной буржуазии и наметившиеся противоречия части помещиков с английским империализмом.

В обеспечении денежных потребностей помещиков главную роль играли крупные представители торгово-ростовщического капитала — городские банкиры и торговцы, крупные сельские ростовщики, которые кредитовали внутреннюю, главным образом оптовую, торговлю и финансировали движение сельскохозяйственной продукции.

В начале 20-х годов в Бихаре было 150 крупных шроффов. Часть из них «специализировалась на финансировании зажиточных заминдаров». Многие помещики выплачивали земельный налог через «своих банкиров», вели через них свои финансовые дела, а некоторые даже занимались ссудными операциями через ростовщиков-банкиров. Клиентами крупных шроффов были главным образом собственники, посредники и очень зажиточные райты⁵⁶. Например, крупная марварийская фирма Дхандхания из города Бхагальпур (Бихар), действовавшая в округах Монгир, Бхагальпур и Пурнеа, владела частным банком («Деби Прасад бэнк») и вела крупную торговлю специями (вложено 3 млн. рупий), одеждой (1,5 млн.), сельскохозяйственной продукцией и зерном (2,5 млн. рупий), учитывала векселя и принимала депозиты, причем платила на 3—5% больше, чем другие банки, а также широко занималась ростовщичеством. В кредитование заминдаров фирма вложила 1 млн. рупий «собственного капитала»; это были долгосрочные ссуды из 9—12% годовых. Вкладчиками фирмы были главным образом крупные райты из округа Бхагальпур, владевшие от 100 до 200 и более бигхов земли⁵⁷.

Особое место в кредитовании помещиков занимали крупные сельские ростовщики, платившие подоходный налог, число которых в Бихаре составляло 2530. Эта группа обеспечивала общие кредитные потребности деревни и субсидировала торговлю, но «главные ссудные операции вела с помещиками». По оценке Банковского комитета, из 240 млн. рупий задолженности заминдаров Бихара 100 млн. приходилось на крупных сельских ростовщиков, 90 млн. — на долю городских банки-

⁵⁶ ВОРВЕС, vol. 1, pp. 21—22, 35; vol. 2, p. 15; vol. 3, p. 19.

⁵⁷ ВОРВЕС, vol. 3, pp. 158—159.

ров-шроффов и 50 млн. — на долю мелких ростовщиков⁵⁸. В целом 686 Schroffs и крупных городских ростовщиков Бихара вкладывали в кредитование сельского хозяйства 15% своего капитала, состоящего из 55 млн. рупий собственных и 20 млн. заемных средств. В Ориссе и Чхота-Нагпуре половина, а в Бихаре около 75% задолженности помещичьего класса приходилось на сельского ростовщика. Процентная ставка для помещиков достигала, как правило, 9—12 и не шла ни в какое сравнение с ростовщическими процентами для крестьян. Так, мальгузары в Центральных провинциях пользовались «хорошим кредитом» из относительно низкого процента — от 9% при закладе земли и другой недвижимости до 15% даже без дополнительного обеспечения, поскольку высокая стоимость земельной собственности и отчуждаемость земельных прав являлись достаточной гарантией для кредиторов.

Изучение задолженности помещичьего класса не подтверждает вывода Комиссии по сельскому хозяйству, что «крупные земельные собственники в Индии образуют наиболее легкую и доступную добычу ростовщиков»⁵⁹. Другой источник отмечает, что экономическое положение мальгузаров в целом не дает оснований для беспокойства⁶⁰. Так, в Бихаре и Ориссе и Центральных провинциях задолженность помещиков составляла соответственно 240 млн. рупий и 65,9 млн. из всего сельскохозяйственного долга в 1550 млн. и 364,4 млн. рупий, т. е. соответственно 15% и 18%⁶¹. В Бихаре и Ориссе около 65% обследованных Комитетом помещиков имели долги, причем 22% из них имели задолженность до 1 тыс. рупий и только 7% — более 13 тыс. рупий. В Центральных провинциях 45% мальгузаров вообще не имели долгов. Их задолженность составляла 52,5 млн. рупий, а долг помещикам составлял 39,2 млн. рупий, т. е. чистый долг равнялся 13,3 млн., или около 750 рупий на землевладельца. В то же время они получали свыше 6 млн. рупий ренты, не считая доходов с усадебных земель — в среднем 120 акров на семью⁶².

Таким образом, задолженность помещиков еще раз подчеркивает их тесную связь с представителями местного торгово-ростовщического капитала, совместную заинтересованность в ростовщической эксплуатации деревни. Однако надо учитывать, что часть денежных накоплений, полученных за счет земельной ренты и ростовщической эксплуатации, направлялась через городских ростовщиков в развитие промышленности и торговлю, что отражало процесс капиталистического развития помещичьего класса.

* * *

После первой мировой войны кооперативное движение стало расти более быстро, чем в довоенный период. Правда, оно затронуло только верхушку индийской деревни и развивалось неравномерно в различных провинциях Индии. Однако в ряде районов заминдарского землевладения кооперация росла довольно быстро. Часть крупных помещиков и тесно связанная с ними буржуазная интеллигенция, государственные чиновники являлись основными держателями привилегированных акций; из их числа в рабочий комитет, управлявший банками, обычно

⁵⁸ BOPBES, vol. 1, p. 35.

⁵⁹ RCAI, vol. 15, p. 461.

⁶⁰ CPBES, vol. 1, p. 121.

⁶¹ CPBES, vol. 1, pp. 104—105; BOPBES, vol. 1, pp. 48—50.

⁶² CPBES, vol. 1, p. 119.

избирались половина директоров, а также секретари и руководители кооперативных обществ, контролировавших деятельность банков и сельского кредита. Иногда же они становились основными вкладчиками кооперативных банков. Так, в Центральном кооперативном банке Бихара и Ориссы и Кооперативном банке г. Музафарпур — по существу обычных акционерных банках — эти три категории дали почти все вклады, причем на долю заминдаров приходилось 18 и 44% вкладов соответственно, а мелкие землевладельцы (agriculturalist) дали 8 и 11%⁶³.

Многие помещики, выступившие в качестве свидетелей перед Сельскохозяйственной и Банковской комиссиями, являлись директорами, почетными и действительными секретарями кооперативных банков и обществ. Заминдар Ранчи был ответственным секретарем Кооперативного банка Ранчи⁶⁴. Директорами Провинциального банка Бихара и Ориссы, а также Центрального кооперативного банка Хазарибага состояли главным образом адвокаты и заминдары. Из 15 директоров Кооперативного банка Ранагхата только 3 были из города, а остальные из сельских районов; его председателем являлся крупный помещик, частично сдававший землю в аренду, а частично арендовавший земли джамиат. Этот банк выплачивал 7% на вклады и одно время «из-за избытка денег» отказался принимать вклады⁶⁵.

В Центральном кооперативном банке Дели из 12 директоров 5 были из города, 4 представляли сельские общества и «оказывали некоторое влияние на общую политику», а 3 — происходили из сельских районов⁶⁶.

В центральных банках Чангал Раджа и Харшинрапура помещики играют такую существенную роль, заявил судья и сборщик налогов Дж. Пэдди в показаниях перед Сельскохозяйственной комиссией, что они «фактически выступают заминдарскими центральными банками», превратившимися в «машины по производству дивидендов»⁶⁷.

В поместьях крупных заминдаров кооперативные общества организовывались самими заминдарами и по существу были расширением сферы их ростовицической деятельности на новой основе. Так, заминдар поместья Багхи с доходом в 125 тыс. рупий в год Бабу Шьямна-нанд Сахай, почетный секретарь и управляющий Центрального банка г. Музафарпур, имел «несколько собственных кооперативных обществ»⁶⁸. Заминдар поместья Гохенпур (Северный Силхет, Ассам) Абдур Рахим Чоудхри организовал 25—30 кооперативных обществ; он же являлся председателем кооперативного общества в своем поместье, секретарем общества служил управляющий его заминдарства, а членами — «его арендаторы». Главной целью выдачи займов было приобретение семян, скота, выплата старых долгов. Интересно отметить, что он же стал ини-

⁶³ ВОРВЕС, vol. 1, pp. 125, 151; vol. 2, p. 269; vol. 3, p. 208. Вкладчиками «Банк Джаганатх» в г. Пури, связанного главным образом с торговцами, были заминдары и священники (pandas). (ВОРВЕС, vol. 3, p. 67).

⁶⁴ RCAI, vol. 13, p. 484.

⁶⁵ RCAI, vol. 13, p. 188; vol. 4, p. 194; ВОРВЕС, vol. 2, p. 788.

⁶⁶ СААВЕС, vol. 4, p. 302.

⁶⁷ «Материалы Королевской комиссии по сельскому хозяйству в Индии», стр. 154. Свидетель, выступавший перед Банковской комиссией по Ассаму, предсказывал, что «ипотечные банки станут впоследствии заминдарскими компаниями» (АВЕС, vol. 2, p. 184).

⁶⁸ ВОРВЕС, vol. 2, p. 180; vol. 3, p. 199.

циатором организации ипотечного банка «для тех, кто имеет постоянные права»⁶⁹.

Рост кредитной кооперации, какой бы узкой ни была сфера ее деятельности, усилившийся после первой мировой войны, составлял одну из форм концентрации капитала в индийской деревне и отражал стремление к созданию правильных капиталистических форм кредита. Именно здесь сталкивались и объединялись денежные накопления помещиков, зажиточных верхов деревни и ростовщиков.

Материалы Банковской и Сельскохозяйственной комиссий показывают, что рост кредитной кооперации привлек внимание представителей торгово-ростовщического капитала. Местные банкиры и ростовщики «проявляют тенденцию становиться главным агентом по предоставлению кредита мелким землевладельцам для расплаты с долгами»; с недавнего времени они «стали вкладывать деньги в центральные банки, становясь дольщиками и директорами»⁷⁰. Особенно активное участие, судя по материалам Банковских комитетов, принимали в организации кооперативных банков и обществ ростовщики в провинциях Ассам, Бенгалия и Дели. Так, адвокат П. К. Чакраварти, происходивший из силхетской семьи ростовщиков, стал секретарем Промышленного банка; его вложения в ссуды достигали 50 тыс. рупий ежегодно. Другой ростовщик из г. Силхет С. К. Дар, унаследовавший от отца капитал в 300 тыс. рупий, был секретарем сельского кооперативного общества, в котором «участвовали» еще три ростовщика⁷¹. Авторы отчета по Бенгалии отмечают: «В некоторых случаях мы обнаружили, что профессиональные ростовщики превратились в активных кооператоров и вложили основную часть своих вкладов в центральные банки», а в ряде районов ростовщики вложили все деньги в кооперативные общества и «активно используют кооперацию для расширения своей деятельности»⁷².

Разорение крестьянства в годы мирового экономического кризиса и отсутствие возможности свободно переводить капиталы в другие сферы экономики привели к сужению базы торгово-ростовщического капитала в деревне, т. е. к тому явлению, которое было отмечено Сельскохозяйственной комиссией как «замораживание» капитала сельского ростовщика⁷³. Этим можно объяснить заинтересованность и участие ростовщического капитала в кооперации.

Кооперативные банки и кредитные общества способствовали обогащению их организаторов — местных ростовщиков, адвокатов, помещиков — и усиливали разорение и дифференциацию крестьянства.

Однако в целом участие помещиков в сельской кооперации отражало начало процесса перерастания денежного капитала помещиков из «допотопных форм капитала», предшествующих капиталистическому способу производства, в банковский (денежный и ссудный) капитал, «образующий существенный элемент капиталистического способа производства»⁷⁴, т. е. тот же процесс капиталистического развития феодального помещика.

⁶⁹ АВЕС, vol. 2, p. 153.

⁷⁰ ВОРВЕС, vol. 1, pp. 133—138.

⁷¹ АВЕС, vol. 2, p. 87; vol. 1, p. 179.

⁷² ВРВЕС, vol. I, p. 136; RCAI., vol. 4, p. 163. «В провинции Дели кооперативные кредитные общества представляют собой простые ростовщические организации» (СААВЕС, vol. 4, p. 2).

⁷³ СВЕС, vol. 1, pt I, p. 81.

⁷⁴ См.: К. Маркс, *Капитал*, т. III, — К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 25, ч. II, стр. 142, 150.

Главной сферой деятельности индийских кооперативных банков было финансирование внутренней оптовой торговли, учет векселей, предоставление кредита и ссуд под всевозможные ценные бумаги и изредка финансирование торговли сельскохозяйственными продуктами, а также финансирование первичных сельских кооперативов по ставкам, мало чем отличавшимся от ростовщического процента. Производственное кредитование занимало очень незначительное место в их операциях. В то же время некоторая часть фондов центральных банков и кооперативных обществ использовалась помещиками для выплаты старых долгов, выкупа заложённых имений, для занятия ростовщичеством. Например, «Чхота Нагпур бэнкинг К^о» (Акционерный банк Хазарибага, основанный в 1883 г.) «большую часть дела вел с заминдарами и субвладельцами». Банк кредитовал заминдаров, поместьям которых угрожала опасность перейти в опеку: ссуды до 5 тыс. рупий предоставлялись из 18%, а выше 5 тыс. — из 12% годовых. Особенно охотно кредит банк давал помещикам, занимавшимся торговлей продуктами сельского хозяйства — владельцам зерновых складов⁷⁵. Предоставление долгосрочного кредита крупным заминдарами и владельцам земли, где были расположены шахты, «поглощало большую часть ресурсов банка». Крупнейшая ссуда, выданная заминдару в Хазарибаге, равнялась 30 тыс. рупий, в Ранчи — 20 тыс. Отделения этого банка в Дханбаде были связаны по преимуществу с земельными собственниками, на участках которых были расположены шахты; в Хазарибаге и Дальтонгандже — в основном с заминдарами, а в Гиридихе — с торговцами.

«Бэнк оф Бихар». (г. Патна) «примерно четверть дел вел с заминдарами». Банк владел домами стоимостью 60 тыс. рупий, приносящими 3% годовых, и землей на 60 тыс. рупий, «дающей очень мало», в то время как ставка процента при ссудах заминдарами под залог недвижимости равнялась 9⁷⁶.

Свидетели, выступавшие перед Комиссией и Банковским комитетом, — директора, секретари банков, регистраторы и инспектора кооперативных банков и обществ, адвокаты, судебные чиновники и заминдари — в один голос утверждали, что ссуды под залог земли были невыгодными, что «банки перегружены такими обязательствами», что «земельный капитал — источник потерь для банка и директора пытаются сделать все возможное, чтобы избавиться от земли, даже с убытками»⁷⁷.

Трудности реализации земельной собственности банками коренились в характере аграрных отношений и монополии помещичьего землевладения. Разбросанность, чересполосица, небольшие размеры крестьянских участков приводили к тому, что банки были вынуждены содержать специальный штат сборщиков налога⁷⁸, которые испытывали большие трудности в сдаче этих участков в аренду. Это увеличивало расходы и снижало прибыли по ссудным операциям. Существующее арендное законодательство давало помещику право на часть покупной цены, а арендаторы не имели права свободного отчуждения своих участков без его согласия. Акционерный банк г. Каттака (Орисса) «избегал доводить дело до реализации» заложенной земельной собственности крестьян не только из-за трудности в управлении, но и из-за трудности получить согласие заминдара на продажу заложенного банку участка его аренда-

⁷⁵ ВОРВЕС, vol. 2, pp. 61, 749—752.

⁷⁶ ВОРВЕС, vol. 3, pp. 86—88, 143; ОБЕС, vol. 2, p. 61.

⁷⁷ Ibid., pp. 64, 99.

⁷⁸ СВЕС, vol. 2, p. 39.

тора по Орисскому закону об аренде. Махараджа Чхота Нагпура часто осуществлял свое право отнимать землю у субвладельцев и сгонять арендаторов с земли, чем крайне затруднял оценку земли, и «права банка повисали в воздухе»⁷⁹.

Не меньшие трудности представляла реализация заложенной земли заминдаров. Пользуясь заинтересованностью английского империализма в укреплении и сохранении помещичьего землевладения — главной социальной опоры его господства в Индии, заминдары всячески затягивали решение дел в гражданских судах. Чтобы закончить дело против заминдара, иногда требовалось несколько лет⁸⁰. Кроме того, заложенное имение могло быть взято в опеку для ликвидации долгов.

Таким образом, индийские акционерные банки в некоторой степени обслуживали помещиков-заминдаров, особенно в тех районах, где последние играли большую роль в их организации. По данным доступных нам источников, кооперативные и ипотечные банки вели около четверти дел с землевладельцами. Однако в целом помещичий класс не участвовал в кооперативном движении, оставался паразитическим получателем земельной ренты, заинтересованным лишь в усилении феодальной эксплуатации. В то же время нельзя не отметить, что часть помещиков втягивалась в процесс развития капитализма и именно по этой линии углублялись их противоречия с английским империализмом⁸¹. Например, в требовании долгосрочного кредита их интересы совпадали с требованиями национальной буржуазии. Частный акционерный кредит был ограничен теми крупными землевладельцами, в основном плантаторами, которые располагали реальными рыночными ценностями. Английские акционерные и Имперский банки предоставляли ссуды только под залог сельскохозяйственной продукции.

* * *

Таким образом, ростовщический капитал играл двойственную роль в экономике колониальной страны. С одной стороны, экспроприация крестьянства вела к мобилизации земельной собственности в руках помещиков и закрепляла их монополию на землю и основанные на ней полуфеодальные методы эксплуатации. Безземельный крестьянин воссоединялся с землей и с другими средствами производства на еще худших условиях, в качестве полуфеодального издольщика, не превращаясь в свободного рабочего. Процесс раскрестьянивания происходил в медленных мучительных формах непролетарского обнищания. С другой стороны, «разорение владельцев имуществ», появление новых прослоек земельных собственников, подрывавших феодальную монополию помещиков, служили «мощным рычагом образования предпосылок промышленного капитала» и подготавливали необходимые условия капиталистического способа производства в деревне.

⁷⁹ ВОРВЕС, vol. 3, p. 5, 64, 89.

⁸⁰ Бенаресский банк в г. Бхагальпур вел одну тяжбу с 1916 по 1929 г. (ВОРВЕС, vol. 2, p. 504; vol. 3, p. 216).

⁸¹ Так, в робких жалобах почетного секретаря Бихарской ассоциации заминдаров на ухудшающееся положение «землевладельческих классов», на то, что «правительство сделало до сего времени очень мало для подъема землевладельцев и лендлордов», указывалось на недостаток кредита и денежных средств, поскольку ни Имперский, ни английские акционерные и обменные банки не финансировали заминдаров (RCAI, vol. 13, p. 487). Только 2 из 67 кооперативных банков Бихара имели кредит от Имперского банка, который был обеспечен крупнейшими заминдарами провинции: махараджами Дарбханга и Хатхва, а также раджами Назарганджа и Банаули (СВЕС, vol. 2, pp. 87—88).

Следует подчеркнуть, что накануне второй мировой войны эти процессы зашли достаточно далеко. В недрах аграрно-колониального строя произошли важные социально-экономические изменения, были накоплены необходимые предпосылки для роста широкой основы капитализма в сельском хозяйстве. Эти потенциальные возможности, сдерживаемые колониальным гнетом, могли привести (и действительно привели) к быстрому развитию капитализма, как только главное препятствие к такому развитию было ликвидировано.

Усиление торгово-ростовщической деятельности среди помещиков и зажиточных прослоек деревни, стлив денежных накоплений, полученных за счет торгово-ростовщической эксплуатации и земельной ренты, в кооперативные банки и общества были весьма важным условием капиталистического развития деревни, показывали возможное направление этого развития.

Процесс обуржуазивания феодальных помещиков был глубоко противоречивым. Заинтересованность индийской буржуазии и части помещиков в совместной торгово-ростовщической эксплуатации крестьянства, в развитии правильных форм кредита и национального предпринимательства возросла, что свидетельствовало о переплетении интересов и росте их противоречий с английским империализмом. Вместе с тем полуфеодальный характер аграрного строя, усиление торгово-ростовщической эксплуатации, помещичья монополия на землю мешали обуржуазиванию земельной собственности и широкой экспроприации крестьянства, мобилизации земли в руках банков, мешали быстрому становлению капиталистических форм производства в сельском хозяйстве.

А. М. Мельников

**КРЕСТЬЯНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В ИНДИИ
ПОСЛЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ
(1917—1922)**

Крестьянское движение в колониальной Индии отличалось рядом специфических особенностей. Британский империализм выступал в качестве главного врага крестьянства, как и всего народа Индии. Поэтому крестьянское движение было направлено прежде всего против империализма, против его политического и экономического гнета.

На ранней стадии развития освободительного движения крестьянство вело борьбу против колониального господства либо под руководством патриотически настроенных представителей феодально-помещичьего класса, либо стихийно, выдвигая предводителей из собственной среды. После национального восстания 1857—1859 гг. феодально-помещичий класс превратился в социальную опору колониального режима и стал его поддерживать. Возникшие буржуазно-помещичьи партии и общества и прежде всего образовавшийся в 1885 г. Индийский национальный конгресс долгое время оставались верхушечными организациями; они были слабо или совсем не связаны с народом. Поэтому крестьянское движение имело обособленный характер. Наиболее ярким примером стихийной борьбы был подъем крестьянского движения в 70-х годах XIX в. Крестьяне выступали за удовлетворение отдельных экономических требований, направленных против колониальных властей и ростовщиков. Требования, направленные на ограничение феодальной эксплуатации, играли сравнительно меньшую роль в общекрестьянской экономической борьбе. Эта борьба была не только стихийной, но и локальной, разобщенной, слабо связанной с освободительной борьбой других слоев народа; зачастую она, как и в период средневековья, облекалась в религиозную форму. Во время подъема национально-освободительного движения в 1905—1908 гг., когда мелкобуржуазные демократы развернули антиимпериалистическую агитацию не только в городе, но и в деревне, крестьянство стало делать первые шаги по пути совместной борьбы с другими слоями против политического гнета империализма. Несмотря на определенные слабости, объективно крестьянское движение в новое время отразило стремление крестьянства разрешить противоречия с империализмом в свою пользу.

После первой мировой войны и Октябрьской революции, открывшей новую эру в истории человечества, в частности в истории борьбы

колониальных народов за национальное и социальное освобождение, крестьянское движение в Индии вступило в новую фазу своего развития.

Положение крестьянства во время и после первой мировой войны. Политика колониальных властей в отношении крестьянства. Английские империалисты, стремясь возложить значительную часть военных расходов на плечи колониальной Индии, проводили здесь вербовку солдат в основном из среды крестьян Пенджаба (всего были завербованы 1,2 млн. человек), выкачивали сырье по ценам значительно ниже мировых, в частности продукцию сельского хозяйства (пшеницу, рис, шелк-сырец, джут и др.), широко использовали в своих целях индийскую промышленность. Добиваясь усиления эксплуатации Индии, они прибегли к финансовым махинациям: увеличили налог более чем на 50%, в том числе на такие товары широкого потребления, как соль, керосин, более чем удвоили бремя военных расходов¹, резко увеличили выпуск денег в обращение². Но особенно остро народное хозяйство Индии пострадало от нарушения сложившихся экономических связей. Резкое сокращение экспорта традиционных товаров сельскохозяйственного производства и импорта промышленных товаров образовало ножицы цен: цены на продукты сельского хозяйства, особенно на технические культуры, резко падали, в то время как на импортные товары неуклонно поднимались. На страну обрушились также и природные бедствия. Один неурожайный год следовал за другим. Несмотря на сокращение производства продовольствия, колониальные власти увеличили вывоз зерна. За 1913/14—1918/19 гг. было вывезено 5,2 млн. т продовольствия. Неурожай последнего года войны, когда было собрано на 25% меньше среднего урожая, вызвал в стране голод. Во время войны расширилась спекуляция зерном. Торговцы и ростовщики, используя трудности сбыта, связанные с неудовлетворительным состоянием транспорта, обирали крестьян. Усиление колониального гнета и стихийные бедствия резко ухудшили положение крестьянства. «Нарушение обычных экономических условий,— говорилось в официальном отчете колониальных властей за 1917/18 г.,— естественно, сказывалось и на аграрных беспорядках»³. Вспыхнувшая в 1918 г., во время голода, эпидемия инфлюэнцы унесла 12—13 млн. жителей. Особенно сильно пострадало от эпидемии голодающее население сельских районов.

Окончание первой мировой войны не принесло облегчения крестьянству. В 1920/21 г. страну вновь постиг неурожай. Началась спекуляция продовольствием, от которой больше всего страдала деревенская беднота. Заметно усилилось наступление на крестьянство со стороны помещиков. Последние повышали арендную плату, шире прибегали к применению бегара и взиманию феодальных поборов («назарана»), сгоняли арендаторов с земли, а освобожденную от арендаторов землю или сдавали в издольную аренду, или обрабатывали наемными рабочими. Рост колониального и феодального гнета толкал крестьян в кабалу к ростовщику. Стала резко расти ростовщическая задолженность крестьянства.

Усиление колониального ограбления и наступление феодально-помещичьего класса и торгово-ростовщического капитала, повлекшие за

¹ S. Panandikar, *Some aspects of economic consequences of the war for India*, Bombay, 1921, pp. 132, 133, 150, 156.

² *Ibid.*, p. 303.

³ «Statement exhibiting the moral and material progress and condition of India during the year 1917—1918», London, 1919, p. 87.

собой резкое ухудшение положения всего крестьянства и особенно его пролетарских к бедняцко-средняцких слоев, вызвали рост его недовольства и послужили непосредственной причиной подъема крестьянской борьбы после первой мировой войны. Рост недовольства крестьянства отмечал, в частности, и такой видный деятель крестьянского движения в Индии, как Карьянанд Шарма. Он писал, что в те годы «у помещиков возросло желание превратить земли крестьян в категорию „бакашт“. Они начали законно и незаконно отбирать у крестьян земли, находившиеся в их пользовании. В результате стали расти недовольство и возмущение произволом помещиков»⁴.

Рост недовольства крестьян усилением экономического гнета империализма и наступлением помещиков, торговцев и ростовщиков все заметнее стал проявляться в расширении стихийной крестьянской борьбы. Группа членов Конгресса во главе с Т. Пракашамом в отчете о положении на Малабаре во время восстания «Мопла» писала, что «аграрные конфликты на Малабаре между помещиками и арендаторами из-за непомерно высокой арендной платы и выселений хорошо известны»⁵. Джавахарлал Неру, говоря о положении в сельских районах Соединенных провинций, писал, что «крестьяне ряда районов Ауда в своем отчаянии дошли в то время до предела... Одной искры было достаточно, чтобы вспыхнул пожар»⁶.

Колониальные власти, понимая, что в стране сложилось «положение, чреватое самыми опасными возможностями внутренних беспорядков»⁷, разработали ряд мер политического, экономического и административного характера. В 1919 г. вошел в силу новый «Закон об управлении Индией, согласно которому в центре, а также в провинциях создавались законодательные собрания, избиравшиеся узкой прослойкой имущих классов, включая очень незначительную прослойку крестьянской верхушки (всего 3,2 млн. избирателей). Законодательные права этих собраний были крайне ограничены, однако они получили право, в частности, издавать законы по утверждению их губернатором провинции по вопросам арендных отношений и ростовщической задолженности. В провинциях часть второстепенных министерств была ответственна перед провинциальными собраниями.

В 1918 г. колониальные власти приняли закон о ростовщичестве, несколько ограничивший права ростовщиков, а в 1918—1920 гг. — законы о создании в ряде провинций «сельских панчаятов» — органов сельского самоуправления с крайне ограниченными правами.

Одновременно британская администрация разработала репрессивный «закон Раулетта», дававший местным властям неограниченные права на подавление освободительной борьбы народных масс Индии. Таким образом, английские империалисты стремились подавить всенародное недовольство путем частичных экономических и политических уступок, с одной стороны, и жесточайших репрессий — с другой. Эта

⁴ कार्यान्वयन शर्मा, बिहार के किसान आन्दोलन. (далее — Карьянанд Шарма, *Бихар ке किसान андолан*), — «All India Kisan sabha, Silver jubilee (18th session-Trichur) Souvenir, April 1961», Trichur, 1961, p. 129.

⁵ «Non-official report on the Malabar disturbances», — «Indian annual register, 1921—1922», vol. II. Calcutta, 1922, p. 825.

⁶ Дж. Неру, *Автобиография*, М., 1955, стр. 71.

⁷ «Statement exhibiting the moral and material progress and condition of India during the year 1919», London, 1920, p. 23.

политика оказала определенное влияние на некоторые общественные слои, поддерживавшие антиимпериалистическое движение, в том числе и на часть крестьянской верхушки, надевавшейся через законодательные собрания добиться для себя определенных выгод.

Борьба национальной буржуазии за крестьянство. Сатья грахи в Чампаране и Кхеда. Индийская национальная буржуазия, экономически окрепшая во время и после первой мировой войны, потребовала от британского империализма более существенных политических и экономических уступок, чем это давали конституционные реформы 1919 г. и экономические меры колониальных властей. Обострение противоречий с империализмом, с одной стороны, и нарастание массового недовольства и антиимпериалистического движения в стране — с другой, побудили национальную буржуазию занять более решительную позицию в антиимпериалистической борьбе и искать опоры в массах. Растет активность мелкобуржуазных националистов. Все эти сдвиги находят свое отражение в практической деятельности Ганди (1869—1947) в период конца первой мировой войны и сразу после ее окончания.

Выдвижение Ганди на положение наиболее авторитетного и влиятельного руководителя Конгресса и всего национально-освободительного движения произойдет позднее, в середине 20-х годов. Однако именно в рассматриваемый период, после возвращения в Индию из Южной Африки, Ганди впервые выступил в 1917—1918 гг. у себя на родине как руководитель крестьянских массовых выступлений, организовав сатьяграхи в Чампаране (Бихар) и в Кхеда (Гуджарат).

В округе Чампаран английские плантаторы, захватив земли крестьян, насильственно заставляли их выращивать индиго. Крестьяне не раз поднимали стихийные восстания, но их борьба неизменно жестоко подавлялась. Когда Ганди прибыл в Чампаран, «среди крестьян уже началось брожение»⁸. Под руководством Ганди было проведено детальное обследование положения в деревне, которое выявило потрясающую картину жестокости плантаторов и бесправия крестьян. Уже сам по себе факт обследования положения крестьян, проведенного Ганди и его помощниками (Р. Прасадом и другими), несмотря на угрозы и сопротивление местных колониальных властей, получил огромный отклик не только в округе Чампаран, но и во всей провинции. Местные власти вынуждены были пойти на удовлетворение некоторых крестьянских требований.

После этого Ганди, по его собственным словам, «с головой окунулся в сатьяграху в Кхеда»⁹, где крестьяне добились частичного удовлетворения своих требований — отсрочки в уплате земельного налога. Округ Кхеда постиг неурожай, крестьяне голодали и не могли уплатить поземельный налог. Однако главный итог сатьяграхи в Кхеда, по утверждению Ганди, состоял в том, что началось «пробуждение крестьян Гуджарата», что «крестьянин-паттидар осознал свою силу»¹⁰.

Сатьяграхи в Чампаране и Кхеда, проведенные под руководством Ганди, отчетливо характеризуют его отношение к вовлечению крестьянства в освободительное движение. Ганди не выдвинул перед участниками движения основного политического требования — уничтожения империалистического господства в стране, а добивался лишь удовлетво-

⁸ Раджендра Прасад, *Автобиография*, М., 1961, стр. 92.

⁹ М. К. Ганди, *Моя жизнь*, М., 1959, стр. 364.

¹⁰ Там же, стр. 368.

рения отдельных и частичных экономических требований. Ганди руководил выступлениями крестьян в тех районах, где можно было избежать классовых столкновений с помещиками-индийцами и направить борьбу крестьян против английских плантаторов и колониальных властей. Поддерживая отдельные частичные требования крестьян, Ганди и его соратники (Раджендра Прасад, Валлабхай Патель и другие) добивались вовлечения крестьянства прежде всего в антиимпериалистическое движение, стремились внести в крестьянскую среду национальное самосознание. В то же время они стремились удержать крестьянство от революционных массовых выступлений против империализма. Как правило, они отводили крестьянам роль пассивных участников выступлений или наблюдателей за деятельностью отдельных личностей. Нередко число участников массовых кампаний искусственно ограничивалось. Все это препятствовало формированию классового самосознания и тормозило расширение классовой борьбы крестьян.

Тем не менее выступления Ганди как политического деятеля имели первостепенное значение для всего дальнейшего хода крестьянского движения в Индии. Впервые в истории национально-освободительного движения Ганди поставил вопрос о вовлечении в борьбу против империализма народных масс на основе поддержки их частичных экономических требований. Но в то же время Ганди всегда стремился не допустить того, чтобы крестьянство выступило в антиимпериалистической борьбе в качестве самостоятельной политической силы. Вовлекая массы в борьбу против империализма, он в то же время стремился, чтобы они действовали только под руководством его класса — национальной буржуазии. Подход Ганди к вовлечению крестьян в антиимпериалистическое движение лег затем в основу политики Конгресса в отношении крестьянского движения.

Рост стихийной борьбы крестьянства в 1918—1920 гг. Вести о победе крестьян в Чампаране и Кхеда быстро распространились по всей стране и послужили началом нового подъема крестьянского движения. Рост стихийной борьбы в деревне происходил в условиях общего подъема национально-освободительного движения и усиления в этой борьбе роли рабочего класса. В 1918—1920 гг. забастовочная борьба распространилась по всей стране, во многих городах возникли первичные классовые организации рабочих — профсоюзы, которые в 1920 г. объединились во Всеиндийский конгресс профсоюзов. Массовая антиимпериалистическая борьба получила небывалый размах. По призыву Ганди в знак протеста против принятия репрессивного «закона Раулетта» в апреле 1919 г. был проведен всеобщий хартал по всей стране. Расстрел мирного митинга в г. Амритсаре 13 апреля 1919 г. вызвал волну протестов. Массовый размах приняло движение индийских мусульман против империалистов — так называемое халифатское движение. В обстановке начавшейся всеобщей массовой антиимпериалистической борьбы стало усиливаться и крестьянское движение.

Наиболее крупное антифеодальное выступление крестьян в 1918—1920 гг. произошло в Соединенных провинциях. После первой мировой войны наступление помещиков здесь было наиболее сильным. Взимание назарана (феодальных поборов), доходившего в провинции до 150 видов¹¹, бегар (принудительный труд), незаконное повышение ренты, спе-

¹¹ प्रणनाथ, भारतीय सम्पत्ति शस्त्र, कानपुर, १९२३, प० ७२१—७५६.
 Прана Натх, *Бхаратия сампатти шастра*, Канпур, 1923, стр. 721—756.

куляция продовольствием переполнили чашу терпения крестьян, они стихийно поднялись на борьбу. Движение началось в округе Партабгарх, затем распространилось на округа Рае-Барели, Файзабад, Мирут, Алигарх и др. Наибольшей силы оно достигло летом 1920 г. Крестьяне отказывались платить феодальные поборы, выполнять бегар, сопротивлялись сгону с земли. В январе 1921 г. в ряде районов Рае-Барели, Файзабада, Мирута и Алигарха произошли активные стихийные выступления; крестьяне громили склады с продовольствием, помещичьи усадьбы. Они выдвинули из своей среды руководителей движения. Особенно известен из них Балвант Джодхпуркар, которого больше знали под именем баба Рамачандра¹².

Колониальные власти, стремясь подавить борьбу крестьян силой, начали проводить политику жесточайших репрессий. Но аресты руководителей движения, а затем и тысячи активных участников, расстрелы массовых митингов и демонстраций, массовые избиения крестьян, террор и насилие, установленные в деревне, не могли сломить крестьян. Осенью 1920 г. крестьяне в Партабгархе добились освобождения своих руководителей. Одновременно колониальные власти пошли на уступки крестьянству. Они ограничили права помещиков сгонять арендаторов и летом 1920 г. спешно разработали законопроект об аренде, который в округах Ауда вошел в силу в 1921 г., а в округах Агры — в 1926 г. Новые законы об аренде предоставляли бесправным арендаторам, в основном бедным крестьянам, пожизненные права аренды. Однако эти статьи закона в условиях всевластия помещиков в деревне не имели сколько-нибудь заметного практического значения. Арендаторы получали право выкупать обрабатывавшуюся ими землю в частную собственность. Эти статьи закона, а также закон об аренде в целом предоставлял определенные экономические и правовые уступки главным образом крестьянской верхушке. Но еще большие уступки получали помещики, стремившиеся создать собственные капиталистические хозяйства. Помещик получал право сгонять любого арендатора, если он решил вести собственное хозяйство наемными рабочими, а освобожденные земли зачислялись в категорию «худкашт», а затем, через десять лет, в категорию «сир». После принятия закона об аренде стала быстро расти площадь под землями «худкашт» и «сир». Так, в округах Ауда площадь под землями «сир» возросла с 422 тыс. акров до 634 тыс. акров за 1921/22—1938/39 гг. В округе Агра площадь под землями «худкашт» расширилась с 293 тыс. акров в 1926/27 г. до 1,3 млн. акров в 1938/39 г.¹³ Освобожденная от крестьян земля или сдавалась снова в аренду, но на самых кабальных условиях бесправным арендаторам, или обрабатывалась наемными рабочими. Законы об аренде формально должны были удовлетворить частичные требования значительной части крестьянства, однако на деле они были больше всего выгодны буржуазным элементам в деревне. Колониальная администрация, несколько расширяя возможности для развития капитализма в условиях сохранения старых полуфеодальных отношений, стремилась нейтрализовать растущее недовольство колониальным режимом и феодальным гнетом как в среде патриотической части помещиков, участвовавших в освободительном движении, так и в среде крестьянства.

¹² A. N. Dewa, *Kisan movement in UP*, — «The socialism and national revolution», Bombay, 1946, p. 58—60.

¹³ B. R. Misra, *Land revenue policy in the UP*, Benares, 1942, p. 176.

Антифеодальная борьба крестьянства в 1918—1920 гг. заметно усилилась, особенно в Бихаре и Бенгалии, но крупных выступлений не произошло. Можно лишь отметить, что начавшееся в 1915 г. реформаторское движение отсталых племен в Чхотанагпуре (Бихар) — ораон и мунда — в 1919—1920 гг. заметно усилилось, превратившись фактически в антифеодальную и антиимпериалистическую борьбу. Одним из требований участников этого движения был отказ от уплаты налога чаукидари (налога на содержание деревенских сторожей) правительству и арендной платы помещикам¹⁴.

В рассматриваемые годы заметно усилилась экономическая борьба крестьян, развивавшаяся в основном под лозунгом предоставления им права пользоваться лесами для хозяйственных нужд. Наиболее сильной эта борьба была в Мадрасской провинции, особенно в районах Андхры. Крестьяне совершали порубки леса, нарушая законы. По данным колониальных властей, в 1920 г. было учтено около 24 тыс. таких нарушений¹⁵.

Борьба крестьянства за удовлетворение экономических требований в условиях колониальной Индии неизбежно приходила в столкновение с колониальным аппаратом угнетения и превращалась также в борьбу против империализма, за национальную независимость. Однако в рассматриваемые годы в Индии имели место и по преимуществу антиимпериалистические выступления крестьян, проходившие стихийно или под влиянием и руководством Конгресса.

К числу наиболее крупных антиимпериалистических выступлений в эти годы, проходивших независимо, хотя и под влиянием Конгресса, можно отнести движение «акали» в Пенджабе. Это движение, начавшееся в конце XIX в., было направлено против настоятелей сикхских храмов — махантов. По установившейся традиции доходы от сикхских храмов и от приписанных к ним больших участков земли должны были поступать на нужды всей общины. Но маханты, опираясь на поддержку колониальных властей, стали рассматривать себя как собственников храмовых земель, присваивать полученные с них доходы и доходы от храмов и тратить их на удовлетворение личных потребностей. Передать контроль над храмами и их доходами в руки сикхской общины — таково было требование участников движения «акали», представлявших все слои населения. Но основную массу участников движения составляли крестьяне. Движение «акали» в 1919 г. стало приобретать массовый характер. «Джатхи» — отряды добровольцев, состоявшие в основном из крестьян, приходили к махантам и добивались от них принятия выдвинутых требований. На съезде представителей сикхской общины в июле 1920 г. был создан Комитет по управлению храмами, который руководил борьбой против махантов и колониальных властей. Колонизаторы, решительно поддерживавшие махантов, стремились подавить движение силой. Так реформаторское движение «акали» стало превращаться в антиимпериалистическую борьбу¹⁶.

¹⁴ К. К. Datta, *History of the freedom movement in Bihar*, vol. I, Patna, 1957, pp. 332—333.

¹⁵ «Report of the administration of the Madras Presidency for the year 1921/22», Madras, 1923, p. 181.

¹⁶ Подробнее см.: Т. Ф. Девяткина, *Движение «акали» в период антиимпериалистической борьбы в Индии (1918—22 гг.)*. — «Краткие сообщения Института востоковедения АН СССР», вып. XXIII, 1957; Н. И. Семенова, *История сикхского движения в Индии*, М., 1963, стр. 49—70.

Борьба крестьян против политического гнета империалистов активизировалась по всей стране.

Основная масса крестьянских выступлений в 1918—1920 гг. проходила стихийно, охватывая отдельные районы страны. Крестьяне в большинстве случаев боролись за удовлетворение отдельных частных экономических требований. Экономические выступления крестьян были слабо или совсем не связаны с деятельностью Конгресса, они развивались в основном изолированно от освободительной борьбы других классов и слоев народа. «Аграрное движение, — писал Джавахарлал Неру о наиболее крупном крестьянском выступлении 1920 г., а именно о движении в Соединенных провинциях, — было совершенно независимым от Национального конгресса и не имело никакого отношения к начавшемуся движению несотрудничества»¹⁷. Такие крестьянские выступления, как движение «акали» или борьба племен ораон и мунда, проходили под религиозными лозунгами. Крестьянское движение в 1918—1920 гг. в основном продолжало сохранять черты, свойственные ему в предшествующий период.

Однако необходимо иметь в виду, что крестьянское движение развивалось в обстановке начинающегося подъема антиимпериалистической борьбы, усиления рабочего движения, расширения деятельности патриотических сил в деревне, стремившихся поднять крестьянство на борьбу против империализма под руководством Конгресса.

Расширение борьбы национальной буржуазии за крестьянство. Представители национальной буржуазии, наблюдая, как растет недовольство крестьянства и как оно все решительнее поднимается на борьбу, стали больше уделять внимания работе в деревне. Они стремились использовать крестьянское движение для борьбы против колониального господства и вместе с тем поставить его под свой контроль. Ввиду того, что Конгресс в 1918—1920 гг. продолжал оставаться в основном верхушечной организацией, слабо связанной с массовым движением, представители Конгресса, пытаясь распространить свое влияние в массах, начали создавать в деревне организации типа «кисан сабха» (крестьянских союзов) и сельских панчаятов. Особенно широко Конгресс развернул свою деятельность в Соединенных провинциях. Под влиянием успеха крестьянских сатьяграх в Чампаране и Кхеда отдельные деятели Конгресса в Соединенных провинциях во время прибытия туда вице-короля Монтею решили направить ему от имени крестьян меморандум. В феврале 1918 г. в г. Аллахабаде была созвана крестьянская конференция, на которой утвердили меморандум и приняли решение о создании «кисан сабха». Президентом крестьянского союза был избран Пурушоттамдас Тандон. Под меморандумом было собрано 11 тыс. подписей крестьян. Вице-король отказался принять крестьянскую депутацию, что «вызвало недовольство и усилило крестьянскую организацию». В результате деятельности членов Конгресса в провинции за короткий срок здесь было создано 700 ячеек крестьянского союза в 173 районах (тахсилах)¹⁸. «Кисан сабха» были созданы в Бихаре и других провинциях.

Важно отметить, что движение за создание «кисан сабха» в Соединенных провинциях было наиболее сильным как раз во время наибольшего размаха стихийной крестьянской антифеодальной борьбы в окру-

¹⁷ Дж. Неру, *Автобиография*, стр. 67.

¹⁸ Н. D. Malaviya, *Land reforms in India*, — AICC, New Delhi, 1955, p. 4.

гах Ауда. «Кисан сабха» выдвинула требования: ограничить сгон арендаторов с земли, запретить бегар, прекратить взимание незаконных поборов и др. В округе Аллахабад «кисан сабха» включилась в борьбу за удовлетворение крестьянских требований¹⁹. Однако руководители «кисан сабха», в частности его президент в 1920—1921 гг. Мотилал Неру, стремились не допустить превращения «кисан сабха» в органы активной крестьянской борьбы против помещиков и колониальных властей. В 1920 г. М. Неру опубликовал обращение к крестьянам, в котором призывал их относиться с любовью к помещикам, а жалобы крестьян на помещиков направлять ему — президенту «кисан сабха»²⁰. Крестьянские союзы в 1918—1920 гг. в Соединенных и других провинциях выступали преимущественно как органы вовлечения крестьянства в антиимпериалистическое движение на основе поддержки его частичных экономических и особенно антифеодальных требований.

Члены Конгресса создавали в деревнях панчаяты и использовали их как органы вовлечения крестьянства в антиимпериалистическое движение и как средство установления политического влияния Конгресса в деревне. В Соединенных провинциях и Бихаре таких панчаятов было создано по несколько тысяч²¹ в каждой провинции. Конгресс проводил в деревне огромную агитационно-пропагандистскую работу, широко распространяя среди крестьянства выдвинутые им и Ганди антиимпериалистические лозунги²².

В результате этой деятельности влияние Конгресса в деревне стало расти. Крестьяне все активнее втягивались в антиимпериалистическую борьбу под руководством Конгресса. Так, они участвовали в харталах, объявленных Ганди в апреле 1919 г. На сессии Конгресса, состоявшейся в декабре 1918 г. в г. Дели, работали 700 крестьян в качестве делегатов. Участвуя в антиимпериалистической борьбе, крестьяне все более осознавали, что империализм — главная причина их нищеты и бесправия, что без устранения иностранного господства невозможно добиться улучшения своего положения. Вовлечение крестьянства в общенациональную борьбу, формирование его национального самосознания проходило до того, как крестьянство создало свои классовые организации, до того, как рабочий класс развернул борьбу за руководство крестьянским движением. Поэтому идеология национальной буржуазии — национал-реформизм, принявший в Индии форму гандизма, стала пускать глубокие корни в крестьянской среде.

Отказ колониальных властей удовлетворить требования национальной буржуазии, с одной стороны, и нарастание массового движения, в частности крестьянского — с другой, требовали от руководства Конгресса выдвижения новой программы, создания новых организационных форм работы в массах, которые обеспечили бы подчинение массового движения контролю национальной буржуазии. Такая программа предусматривала достижение не «статуса доминиона», как бы-

¹⁹ A. N. Dewa, *Kisan movement in UP*, p. 59—60.

²⁰ «Harijan», Ahmedabad, 22.1.1938.

²¹ K. K. Datta, *History of the freedom movement in Bihar*, vol. I, app. XVIII, pp. 570—578; Дж. Неру, *Автобиография*, стр. 71.

²² यशपाल, सशस्त्र क्रान्ति की प्रमाणिक कहानी, लखनऊ, १९५६, पं ५८८—७५. (далее — Яшпад, *Сашастра кранти*, Лакнау, 1956, стр. 58—75); K. K. Datta, *History of the freedom movement in Bihar*, vol. I, p. 289—317; भारतीय राजनीति बेनेरेस, १९५५, पं १६०—१६१. Далее — Шри Рам Гопал, *Бхаратия раджанити*, стр. 290—291.

ло раньше, а «свараджа». Новые формы участия масс в антиимпериалистической борьбе — проведение кампании несотрудничества и выполнение конструктивной программы — были разработаны под руководством Ганди и приняты сначала на внеочередной (сентябрь 1920 г.), а затем на очередной (декабрь 1920 г.) сессиях Конгресса в Нагпуре. Был принят новый Устав Конгресса, который предусматривал создание постоянно действующих центральных (Рабочий комитет и Всеиндийский комитет Конгресса) и провинциальных органов партии, а также создание широкой сети низовых организаций, включая «создание комитетов Конгресса в каждой деревне или группе деревень»²³. Решения в Нагпуре положили начало превращению Конгресса в современную массовую политическую партию. Они предусматривали вовлечение масс в антиимпериалистическое движение, но в то же время они существенно ограничивали возможность участия в нем рабочих и крестьян и совершенно исключали возможность развертывания классовой борьбы трудящихся. Нагпурские решения отразили изменение политики Конгресса в отношении империализма и в то же время обострение противоречий национальной буржуазии с феодально-помещичьим классом. После провозглашения движения несотрудничества и кампании по выполнению конструктивной программы национальная буржуазия развернула широкое идейно-политическое наступление в деревне. Она стремилась добиться высвобождения крестьянства из-под влияния феодально-помещичьего класса, который во время движения несотрудничества стал на сторону колонизаторов и пытался вместе с колониальными властями удержать крестьянство от участия в руководимом Конгрессом антиимпериалистическом движении, политически изолировать его, привлечь на свою сторону и использовать для достижения своих целей. Обострение противоречий национальной буржуазии с феодально-помещичьим классом проявилось и в том, что руководство Конгресса не запрещало членам Конгресса участвовать в массовой антифеодальной борьбе.

Несмотря на ограничения, которые накладывали нагпурские решения на вовлечение крестьян в национально-освободительное движение, они приняли довольно активное участие в движении несотрудничества и в выполнении конструктивной программы. Крестьяне создавали отряды волонтеров, посещали многочисленные митинги, бойкотировали колониальные суды, делали денежные взносы в фонды Конгресса и других антиимпериалистических организаций. Получившие право голоса по закону 1919 г. крестьяне не явились на выборы в правительственные законодательные собрания, состоявшиеся в 1920 г. В движении несотрудничества приняли участие и «кисан сабха»²⁴. Крестьяне откликнулись на призыв Конгресса о проведении конструктивной программы, включавшей в себя распространение ручного прядения и ткачества, борьбу за гигиену в деревне, прекращение религиозно-общинной розни и установление единства между индусами и мусульманами, устранение неприкасаемости. Движение несотрудничества, как писал Неру, давало массам, включая крестьянство, «ощущение величайшего облегчения, избавления от громадного бремени, новое сознание свободы. Давивший их страх куда-то отступил, они распрямили спины и выше подняли головы»²⁵.

²³ К. К. Datta, *History of freedom movement in Bihar*, vol. I, p. 319.

²⁴ «Indian annual register, 1921—22», vol. I, p. 13.

²⁵ Дж. Неру, *Автобиография*, стр. 81.

Призыв Конгресса о проведении движения несотрудничества был обращен ко всем социальным слоям индийского общества, к помещикам и крестьянам в одинаковой мере. Однако в ходе кампании большинство помещиков, особенно крупных, решительно стали на сторону колониальных властей, в то время как крестьяне все заметнее вовлекались в антиколониальное движение. Поэтому антиимпериалистическое движение в условиях индийской деревни неизбежно перерастало в антифеодальное, за высвобождение крестьянства из-под идейно-политического влияния феодально-помещичьего класса. Так, эта тенденция все отчетливее проявлялась в деятельности некоторых местных комитетов Конгресса, в создаваемых ими «кисан сабха», «деревенских панчаятах» и т. д. «Кисан сабха», например, по утверждению отчета колониальных властей, развертывали «деятельность полубольшевистского характера», добивались заключения «коллективных договоров с местными помещиками и властями», с тем, чтобы «обеспечить лучшие условия владения землей и труда для своих членов»²⁶. Конгрессисты в деревне, как писал Х. Д. Малавия, «выступали в защиту крестьянской борьбы за удовлетворение непосредственных требований крестьян»²⁷. Эта борьба крестьянства, хотя она и велась более активно и последовательно, чем предусматривала официальная программа и политика руководства Конгресса, проходила в основном под его влиянием и руководством.

Расширение крестьянской борьбы во время движения несотрудничества. В ходе движения несотрудничества и выполнения конструктивной программы Конгресса крестьянское движение получило дальнейшее развитие.

Прежде всего крестьянство потребовало расширения форм борьбы против империализма, превращения движения несотрудничества, начатого Конгрессом, в массовую кампанию гражданского неповиновения, включая неуплату налогов и арендной платы, в которой могли бы принять активное участие самые широкие слои масс. Крестьяне в районах заминдари выступали при этом не только и, может быть, не столько против колониальных властей, сколько против местных помещиков. Как отмечал Яшпал, который во время движения несотрудничества вел работу в деревнях Соединенных провинций, «антиимпериалистическое движение принимало все более острые формы. Лозунги этого движения достигли деревни. Народ в деревнях требовал объявления „лаганбанди“ — кампании по неуплате земельного налога и арендной платы. Смысл этого требования для крестьян состоял в том, чтобы стать собственниками обрабатываемой ими земли»²⁸.

Во многих частях страны, в основном в районах райтавари, началась подготовка к проведению кампании гражданского неповиновения в форме неуплаты налогов. Такая подготовка велась в Бардоли (Гуджарат), Читтагонге (Бенгалия), во многих районах Южной Индии, в Бихаре и в некоторых районах Пенджаба, Центральных провинций и Ассама²⁹. По призыву провинциального комитета Конгресса Андхры в январе 1922 г. началась кампания по неуплате земельного налога в округе Гунтур. «Крестьяне всего округа разом поднялись на борьбу»³⁰.

²⁶ «Statement exhibiting the moral and material progress and condition of India during the year 1921», 1922, p. 199.

²⁷ H. D. Malaviya, *Land reforms in India*, p. 5.

²⁸ Яшпал, *Сашастра кранти*, стр. 67.

²⁹ «Indian annual register, 1921—1922», vol. 1, p. 303.

³⁰ Шри Рам Гопал, *Бхаратия раджанити*, стр. 291.

Под влиянием заявления Ганди о том, что в течение года, т. е. к 31 декабря 1921 г., в Индии будет установлен «сварадж», который крестьяне воспринимали как жизнь без уплаты налогов, феодальных поборов, принудительного труда и арендной платы, они во многих районах задерживали выплату арендной платы, налогов и процентов, отказывались выполнять бегар, оказывали сопротивление наступлению помещиков и колониальных властей.

Однако руководство Конгресса не пошло по пути расширения движения несотрудничества и национально-освободительной борьбы. По указанию Ганди кампания по неуплате налогов в округе Гунтур была прекращена. Затем последовало принятие в феврале 1922 г. известной бардолийской резолюции о прекращении движения несотрудничества.

Восстание «мопла». Одним из наиболее крупных антиимпериалистических крестьянских выступлений в период движения несотрудничества было восстание «мопла».

Основная причина восстания — политика колониальных властей в отношении крестьянства. На Малабаре помещики (известные под именем дженми) в прошлом не имели абсолютных прав собственности на землю, они не могли согнать арендаторов или повысить ренту. Колониальные власти, не посчитавшись с установившейся традицией, передали права собственности на землю помещикам, а последние стали произвольно повышать ренту, сгонять арендаторов. Крестьяне не раз поднимались на борьбу, и всякий раз эта борьба жестоко подавлялась. Антиимпериалистическая агитация, проводившаяся Конгрессом и Халифатским комитетом во время движения несотрудничества, пустила на Малабаре глубокие корни. Простой народ, особенно мусульманское население, состоявшее в деревне в основном из бедных бесправных арендаторов — верумпаттамдаров и сельскохозяйственных рабочих, воспринял эту агитацию как призыв к решительной вооруженной борьбе против «царства сатаны, за создание царства ислама». Начались столкновения крестьян с помещиками, одно из них, происшедшее в Ниламбаре, послужило поводом к восстанию.

Крестьяне Ниламбара, возмущенные попыткой помещика согнать их с земли, напали на дворец, разгромили его, сожгли документы. Вызванные на подавление волнений колониальные войска встретили сопротивление. В г. Тирувангади произошло вооруженное столкновение населения с войсками, переросшее в восстание, охватившее район двух талук — Эрнад и Валлуванад. На подавление восстания были брошены дополнительные войска. На Малабаре началась партизанская война крестьян против властей. Крестьяне проявили невиданный героизм и стойкость, но не смогли выстоять против регулярных войск. Большинство восставших ушло в горы и джунгли, в течение нескольких месяцев продолжая неравные бои. К концу 1921 г. борьба почти повсеместно была подавлена, колониальные власти жестоко расправились с восставшими.

Движение на Малабаре началось как общедемократическое, антиимпериалистическое, однако в ходе движения стала все больше и больше проявляться классовая неоднородность его участников. Так, от восстания отошли имущие слои, состоявшие в основном из индусов (помещики, торговцы, ростовщики, местные чиновники и состоятельные крестьяне)³¹. Некоторые из индусов помогали колониальным властям

³¹ «New age», 20.IV.1957.

подавлять восстание, что вызывало возмущение мусульманской бедноты. Наиболее стойкими и последовательными борцами были «мопла» — мусульманское население Малабара. Восстание приобрело религиозно-общинный характер, что явилось проявлением в своеобразной форме классовых противоречий в малабарской деревне, в частности классовых противоречий в крестьянской среде.

Как только разнеслась весть о восстании на Малабаре, Конгресс и Халифатский комитет попытались оказать влияние на характер восстания, ограничить его рамками антиимпериалистической борьбы и направить по ненасильственному пути. В районы восстания был направлен отряд членов Конгресса, который «успокаивал народ, создавал лиги мира»³² и т. п. Но эти попытки Конгресса не достигли цели.

Как антифеодальное выступление в имени Ниламбар на Малабаре послужило толчком к возникновению антиимпериалистического восстания «мопла», так и на основе борьбы против лесных законов в Андхре вспыхнуло крестьянское **восстание горных племен под руководством Аллур Ситарам Раджу**. Восстание началось после принятия бардольской резолюции и прекращения движения несотрудничества, однако оно явилось продолжением борьбы, начавшейся в рассматриваемый период. Когда колониальные власти попытались силой подавить борьбу крестьян горных районов за право пользоваться лесами для хозяйственных нужд, они встретили упорное сопротивление. Здесь началась настоящая партизанская вооруженная борьба. Крестьяне объявили установление свараджа во всем районе горных племен. Восстание продолжалось несколько лет. За время боев были убиты несколько тысяч человек, погиб и руководитель восстания — Ситарам Раджу³³. После подавления восстания колониальные власти полностью изолировали этот район, даже деятельность Конгресса была здесь запрещена. Восстание горных племен под руководством Ситарам Раджу — одна из ярких страниц в истории народа Андхры.

Движение «акали». Под влиянием общего подъема борьбы масс во время проведения кампании несотрудничества заметно усилилось движение «акали». Маханты, ободренные поддержкой колониальных властей, решили «оказать сильное сопротивление всем попыткам проведения реформ»³⁴, в результате чего борьба приняла довольно острый характер. В январе 1921 г. в храме Тари Таран, а в феврале того же года в храме Нанкана (близ Лахора) маханты учинили избиение участников движения «акали». В этой бесчеловечной бойне было убито около 200 человек³⁵. Кровавое злодеяние махантов потрясло всю страну. В Пенджабе колониальные власти начали репрессии, к ноябрю 1921 г. число арестованных «акали» достигло 5605. Участились случаи столкновений с полицией. Реформаторское движение «акали» явно «приобретало политический характер, направленное главным образом против правительственных мер»³⁶. Но, несмотря на репрессии, борьба продолжалась, и в августе 1922 г. в Гуру-ка-баг произошло новое кровавое столкновение. Движение «акали» в 1926 г. завершилось частичной победой; арестованные были освобождены, власти приняли Закон о

³² «Non-official report on the Malabar disturbances», — «Indian annual register, 1921—22», vol. II, p. 286.

³³ N. G. Ranga, *Revolutionary peasants*, New Delhi, 1949, pp. 44—45.

³⁴ Teja Singh, *Essays in Sikhism*, Amritsar, 1944, p. 194.

³⁵ «Indian annual register, 1921—22», vol. I, p. 14.

³⁶ *Ibid.*, p. 103.

храмах, носивший компромиссный характер. Все исторические сикхские храмы передавались под контроль избираемого комитета.

Движение «акали» по форме велось как реформаторское движение внутри сикхской общины, однако по существу оно было общедемократическим, направленным прежде всего против империализма. Вместе с тем выступление крестьян против махантов, фактически превратившихся в крупных феодалов, имело антифеодальные черты. Борьбой «акали» руководил в основном созданный в 1920 г. Комитет по управлению храмами, который состоял из последователей Конгресса. Ему удалось удержать борьбу крестьян-сикхов в рамках общедемократического антиимпериалистического движения, навязать им ненасильственные методы. Но в движении «акали» была и революционная струя, представленная левым крылом, опиравшимся в основном на крестьянство. Левые создали собственную организацию «Бабар акали» и резко критиковали руководителей движения за непоследовательность³⁷.

Экономическая борьба крестьянства. В период движения несотрудничества крестьянство расширило борьбу за улучшение своего положения, за ограничение феодальной и колониальной эксплуатации. Руководство Конгресса, как отмечалось выше, не поддержало экономических требований крестьянства, не включило их в программу движения несотрудничества. За принятием бардолийской резолюции последовало почти полное прекращение деятельности Конгресса в деревне и резкий спад массового антиимпериалистического движения. Помещики в районах распространения земельно-налоговых систем типа заминдари начали наступление на крестьянство. Как писал видный деятель крестьянского движения Карьянанд Шарма, они в Бихаре, как и в других районах, «осмелев, усилили эксплуатацию крестьян и расширили сгон арендаторов с земли»³⁸. В результате этого в некоторых частях страны, особенно в Соединенных провинциях и в Бихаре, уже после прекращения движения несотрудничества развернулось широкое антифеодальное движение.

В Соединенных провинциях в 1921—1923 гг. борьба крестьянства, известная как движение «эка», разгорелась с новой силой. Движение началось в округе Хардой, затем «быстро распространилось по всему Ауду»³⁹, но наиболее сильным оно было в округах Лакхнау, Ситапур, Барабанки, Кхери, Бахрайн и Сандила. Из Соединенных провинций оно вновь проникло в Бихар и Пенджаб⁴⁰.

Движение «эка» проходило более организованно, чем антифеодальные выступления в 1919—1920 гг., крестьяне выдвинули из своей среды более способных и авторитетных руководителей (в частности, Мадари Паси из касты «неприкасаемых», в прошлом деревенского сторожа, и Сахраби). создали собственную организацию — «эка сабха». Они требовали главным образом отмены незаконных феодальных поборов, которые были широко распространены в провинции. Так, по сообщению помощника коллектора в округе Рае-Барейли, один заминдар путем взимания незаконных поборов собрал с крестьян 9500 рупий вместо

³⁷ Подробнее см.: Т. Ф. Девяткина, *Движение «акали» в период антиимпериалистической борьбы в Индии...*; Н. И. Семенова, *История сикхского движения в Индии*, стр. 49—70.

³⁸ Карьянанд Шарма, *Бихар ке кисан андолян*.

³⁹ «The Bombay chronicle», Bombay, 21.III.1922.

⁴⁰ A. N. Dewa, *Kisan movement in UP*, pp. 60—61.

причитавшихся 7700 рупий. Другой заминдар собрал 45 тыс. вместо 32 тыс. рупий⁴¹.

Крестьяне собирались толпами в несколько сот или тысяч человек, во главе со своими руководителями направлялись к помещичьим усадьбам и требовали немедленного выполнения выдвинутых ими требований. Часто случались столкновения с наемниками помещика и полицией, но по сравнению с крестьянской борьбой 1918—1920 гг. таких столкновений в эти годы было меньше.

Движение «эка» не имело такого успеха, как движение 1920 г., которое заставило колониальные власти пойти на уступки, ограничить сгон арендаторов с земли и принять закон об аренде 1921 г. Оно достигло наибольшего размаха в феврале—марте 1922 г., т. е. как раз после принятия бардолийской резолюции об отмене движения несотрудничества и резкого спада массового антиимпериалистического движения. Колониальные власти на этот раз отказались пойти на какие-либо уступки. В районы движения они направляли отряды карательных войск. Однако, несмотря на это, движение продолжалось в 1922 и в 1923 гг.⁴²

В 1921 г. заметно усилилась экономическая борьба крестьян, направленная против колониальных властей. Например, движение крестьян Мадраской провинции против лесных законов резко обострилось и распространилось на новые районы. Наиболее сильным оно было в Андхре, в частности в округах Гунтур и Пальнад, а также в округе Южная Каннара. Колониальные власти отмечали, что в провинции имело место «всеобщее нарушение лесных законов» (в 1921 г. было отмечено 30 тыс. нарушений). Крестьяне нападали на лесных чиновников, которые серьезно ущемляли интересы крестьян. Колонизаторы вынуждены были заняться изучением вопроса и, как правило, удовлетворяли некоторые требования крестьян⁴³. Они передали 3200 кв. миль лесов из ведения лесного департамента сельским панчаятам⁴⁴. Во время движения несотрудничества борьба против лесных законов охватила также Пенджаб, Соединенные провинции и некоторые княжества.

Выступления крестьян за удовлетворение экономических требований были наиболее активны в районах заминдари. В районах райтвари крестьяне ожидали призыва Конгресса и готовились к проведению кампании неуплаты земельного налога во всеиндийском масштабе. Однако после отмены движения несотрудничества эта подготовка прекратилась.

Основные черты крестьянской борьбы в 1917—1922 гг. Бардолийская резолюция и принципы прекращения движения несотрудничества. Вышеприведенные факты свидетельствуют о том, что крестьянское движение в Индии во время подъема антиимпериалистической борьбы 1917—1922 гг. стихийно вышло за рамки официальной программы Конгресса. Так, в ряде случаев крестьяне стихийно выдвигали собственные экономические требования и решительно добивались их удовлетворения. Эти требования не предусматривали коренного преобразования

⁴¹ Ibid.

⁴² И. Хашимов, *Крестьянское движение «Эка» в Соединенных провинциях*, — «Краткие сообщения Института востоковедения АН СССР», вып. XV, 1955, стр. 59—64.

⁴³ «Report of the administration of the Madras Presidency for the year 1921/22», p. 39, 180—181; N. G. Ranga, *Revolutionary peasants*, pp. 44—45.

⁴⁴ «Statement exhibiting the moral and material progress and condition of India during the year 1926/27», p. 73.

земельных отношений. Они были направлены в основном на ограничение феодальной эксплуатации (снижение арендной платы, отмена на-зарана, бегара и т. п.), предоставление права пользоваться лесами для хозяйственных нужд, снижение земельного налога. Борьба против сгона с земли в рассматриваемые годы имела преимущественно антифеодальный характер. Помещики, сгоня арендаторов с земли, обычно сдавали ее новым арендаторам, но на более тяжелых условиях. Вместе с тем помещики все чаще и чаще обрабатывали землю, освобожденную от арендаторов, с помощью наемных рабочих. В этом проявлялось стремление помещичьего класса разрешить вопрос о полуфеодальной аренде за счет основной массы крестьянства. Борьба же крестьян против сгона с земли представляла собой борьбу за сохранение находившихся в их пользовании земель, против попыток помещиков произвести расчистку земли для помещичьего капитализма.

Руководство Конгресса хотя и выдвинуло требование о «сварадже», однако во время проведения движения несотрудничества добивалось фактически удовлетворения лишь частичных политических требований. Крестьяне принимали все более широкое участие в антиимпериалистической борьбе, стихийно отстаивая требования полной национальной независимости и изгнания империалистов из страны. Во время таких массовых выступлений, как восстание «мопла» или горных племен в Андхре, крестьяне не только добивались свержения империалистического господства, но и стихийно пытались установить собственную власть в форме «царства ислама» и «свараджа». Выступления такого рода были еще единичными, стихийными и, как правило, локальными.

В рассматриваемые годы Конгресс оказывал все более заметное влияние на стихийную борьбу крестьянства против империализма и подчинял ее собственному контролю. Необходимо признать, что в 1917—1922 гг. антиимпериалистическая борьба крестьян проходила в основном под влиянием и руководством Конгресса в форме движения несотрудничества и осуществления конструктивной программы. Антиимпериалистическая борьба в эти годы становилась общенациональной.

Руководство Конгресса стремилось ограничить активность крестьян в национальном освободительном движении только политической борьбой против империализма и придать экономической борьбе политический характер (включение в кампанию несотрудничества неуплаты земельного налога в округах Гунтур, Бардоли). Однако в ходе развертывания крестьянского движения наблюдалось тесное переплетение антиимпериалистической и антифеодальной борьбы, особенно во время таких крупных крестьянских восстаний, как восстание «мопла». Экономические нужды крестьян, особенно антифеодальные устремления, выступали в качестве непосредственной причины и движущей силы антиимпериалистических крестьянских восстаний. В то же время антиимпериалистические выступления в условиях индийской деревни неизбежно приобретали антифеодальную окраску. Это объяснялось, в частности, проимпериалистической позицией помещиков. В Бихаре, например, как отмечал Карьянанд Шарма, «феодально-помещичий класс — раджи, махараджи и заминдары — открыто выступил против движения несотрудничества 1920 г.»⁴⁵.

Руководство Конгресса добивалось того, чтобы антиимпериалистическое движение проходило только ненасильственными методами в фор-

⁴⁵ Карьянанд Шарма, *Бихар ке किसान андолан*, р. 130.

ме сатяграхи и выполнения конструктивной программы. Под влиянием деятельности Конгресса в деревне в 1917—1922 гг. стихийная борьба крестьянства стала преобразовываться в формы, которые выдвигала национальная буржуазия. В Соединенных провинциях, например, как отмечал Джавахарлал Неру, «особенно сильно сказывалось умиротворяющее влияние Конгресса, ибо всюду, где бы ни появлялся представитель Национального конгресса, он особенно подчеркивал новый принцип ненасилия. Быть может, крестьяне и не вполне понимали его суть, но все же он удерживал их от насильственных действий»⁴⁶.

Наконец, необходимо сказать о социальном составе участников антиимпериалистической борьбы рассматриваемых годов. В нагпурских решениях отмечалось, что движение несотрудничества должны будут начать «классы, которые до настоящего времени формировали и представляли общественное мнение», иными словами, национальная и мелкая буржуазия. Однако в развернувшемся движении участвовали самые широкие слои народа, оно стало превращаться в подлинно национальное. Рабочий класс и крестьянство были основными его участниками. Причем крестьянство выступало в качестве его основной движущей силы. Это видно, в частности, из того, что в 1921 г. из «127 тыс. заключенных около 100 тыс. являлись выходцами из сельской общины»⁴⁷, т. е. крестьянами.

Стремясь подчинить развернувшееся крестьянское движение своему влиянию, лидеры Конгресса совершали поездки по стране, уделяли основное внимание посещению сельских районов, создавали сеть низовых комитетов Конгресса и примыкавших к нему организаций (национальный корпус волонтеров, панчаяты, «кисан сабха», «сварадж сабха» и т. п.), направляли на работу в деревню тысячи конгрессистов. «„Иди в деревню“, — писал Джавахарлал Неру, — таков был лозунг тех дней, и мы прошагали немало миль по полям, посещая отдаленные деревни и выступая на крестьянских митингах»⁴⁸. Как отмечалось выше, Конгрессу удалось в рассматриваемые годы оказать существенное влияние на характер крестьянского движения.

Вместе с тем необходимо отметить, что многие члены Конгресса, которые пошли в деревню, присоединялись к крестьянам и выступали как выразители их требований о снижении арендной платы, уменьшении других непомерно высоких налогов и т. п. В этом проявились социальная неоднородность состава Конгресса и различный подход конгрессистов к вопросу о путях развития национально-освободительного движения и, в частности, к вопросу вовлечения в него крестьянства. Здесь можно видеть исходный пункт процесса образования внутри и вне Конгресса левонационалистических идейно-политических течений.

Выход массового антиимпериалистического движения за рамки кампании несотрудничества и конструктивной программы, все более решительное требование участников движения расширения антиимпериалистической, особенно крестьянской, борьбы и объявления кампании гражданского неповиновения, и прежде всего кампании по неуплате налогов, заставили руководство Конгресса принять решение о расширении борьбы и назначить Ганди его единственным руководителем. Ганди объявил о намерении начать гражданское неповиновение в фор-

⁴⁶ Дж. Неру, *Автобиография*, стр. 71.

⁴⁷ «Statement exhibiting the moral and material progress and condition of India during the year 1921», pp. 274—275.

⁴⁸ Дж. Неру, *Автобиография*, стр. 89.

ме неуплаты налогов правительству не по всей стране, а только в одной талуке Бардоли (округ Сурат в Гуджарате), где проживали всего 87 тыс. человек.

Проведение кампании в Бардоли Ганди назначил на ноябрь 1921 г., а затем перенес срок на первые числа февраля 1922 г. Он направился туда, чтобы на месте руководить борьбой крестьянства. Но на пути в Бардоли он узнал из газет о событиях в Чаури-Чаура — небольшой деревне на севере Соединенных провинций. В этой деревне крестьяне в ответ на репрессии (полиция учинила расстрел крестьян) загнали полицейских в здание участка и подожгли его; спорели 22 человека. Ганди немедленно созвал заседание Рабочего комитета Конгресса и настаивал на принятии решения о прекращении движения несотрудничества.

Ганди обосновывал принятие бардолийской резолюции тем, что события в Чаури-Чаура якобы свидетельствовали о том, что население страны не подготовлено к ненасильственным методам борьбы. Он опасался, что кампания гражданского неповиновения может выйти из-под контроля Конгресса, а призыв к неуплате налогов послужит сигналом для антипомещичьих выступлений арендаторов. «Конгрессистское движение не намерено посягать на законные права заминдаров»⁴⁹, отмечалось в бардолийской резолюции.

Таким образом, крестьянское движение в 1917—1922 гг., с одной стороны, сохранило ряд черт (особенно в 1917—1920 гг.), свойственных ему в предшествующий период, с другой — приобрело ряд новых черт, о которых говорилось выше. Возникли новые тенденции, свидетельствующие о том, что крестьянское движение стало теснее связываться с освободительной борьбой остальных слоев народа, выдвигаться на положение основной массовой силы национально-освободительной борьбы народов Индии.

⁴⁹ «Indian annual register 1921—22», vol. I, p. 307—308.

Ю. В. Ганковский

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ БЕНГАЛЬСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ В КОЛОНИАЛЬНУЮ ЭПОХУ

За последние годы в нашей стране и за рубежом опубликовано много трудов, посвященных различным аспектам истории национально-освободительной борьбы бенгальского народа против ига колонизаторов.

В этих трудах исследованы главные этапы национального движения бенгальцев; проанализированы позиции участвовавших в нем социальных сил; изучена их идеология; дана оценка роли основных политических партий и общественных организаций, возглавлявших это движение или борющихся с ним; определена роль национально-освободительной борьбы бенгальского народа в общеиндийском национально-освободительном движении¹.

Среди вопросов, которые нельзя еще признать окончательно решенными, важное место занимает вопрос о том, какие особенности бенгальского национального движения определили развитие в нем сепаратистских тенденций и настроений; в какой мере их возникновение связано с религиозно-общинными движениями, протекавшими в Индии, а в какой — со специфическими обстоятельствами социально-экономического, культурного и политического развития самой Бенгалии.

Исследованию некоторых аспектов этой важной проблемы и посвящена настоящая статья.

* * *

Первые национальные организации, представлявшие интересы формирующегося «среднего класса» и либеральных помещиков, возникли

¹ Обобщение результатов этих исследований дано в коллективных трудах: «Новая история Индии», М., 1961 и «Новейшая история Индии», М., 1959. Здесь же приведена основная библиография. Из работ, опубликованных после 1961 г., отметим за недостатком места лишь некоторые: Л. Р. Гордон-Полонская, *Мусульманские течения в общественной мысли Индии и Пакистана*, М., 1963; Э. Н. Комаров, *Рам Мохан Рай — просветитель и провозвестник национального движения в Индии*, — в кн.: «Общественно-политическая и философская мысль Индии», М., 1962, стр. 5—65; А. И. Левковский, *Особенности развития капитализма в Индии*, М., 1963; R. C. Majumdar, *History of the freedom movement in India*, vol. I—II, Calcutta, 1962—1963; Hafeez Malik, *Moslem nationalism in India and Pakistan*, Washington, 1963.

в Бенгалии еще в 70-х годах XIX в.² Крупнейшей из них была известная Индийская ассоциация, созданная в 1876 г., которая стремилась достигнуть политического единства всех бенгальцев без различия каст и верований³. Критику колониальных порядков Ассоциация и близкие ей националистические организации сочетали с активными выступлениями за предоставление народам Индии (и среди них бенгальскому народу) права на самоуправление и гражданских свобод. Они требовали снижения налогов. Вместе с тем Ассоциация призывала бенгальцев создавать собственные торговые и промышленные предприятия, банки, школы, колледжи и т. д.⁴

В руководстве националистических организаций преобладали индусы (наиболее видными их лидерами были А. М. Гхош, Сурендранатх Банерджи, Б. Ч. Пал), однако мусульманская часть растущей бенгальской буржуазии и интеллигенции в целом сочувственно относилась к их деятельности, а отдельные ее представители даже принимали в ней участие⁵.

К началу XX в. в бенгальском национальном движении оформилось радикально-демократическое крыло, связанное с мелкой буржуазией. Как указывали английские наблюдатели, в эту эпоху «ни в одном районе Индии» не существовало таких сильных чувств «местного патриотизма, как в Бенгалии». Бенгальцы «гордились своим языком, на котором говорило около 50 млн. человек, и своей передовой культурой... Они называли себя нацией и считали Калькутту... символом своего первенства среди всех народов Индии»⁶.

² Их появление было подготовлено протекавшей в 30—60-х годах XIX в. деятельностью Общества по развитию бенгальского языка, Общества землевладельцев, Бенгальского общества Британской Индии (последние два в 1851 г. слились в единую Ассоциацию Британской Индии), Общества патриотов, Национального общества и ряда других; сохраняя лояльность к английским колониальным властям, эти организации в то же время требовали проведения конституционных и административных реформ, в частности включения бенгальских представителей в местные законодательные органы (Подробнее см.: А. К. Majumdar, *Advent of independence*, Bombay, 1963, p. 40; J. Ch. Bagal, *Mile-stone of our freedom struggle*, — «The modern review», Calcutta, 1953, № 4; N. S. Bose, *The Indian awakening*, Calcutta, 1960, pp. 171—172).

³ См., например: S. Banerjee, *A nation in making*, Madras, 1925, pp. 40—43.

⁴ Подробнее см.: Э. Н. Комаров, *Из истории национально-освободительного движения и общественной мысли Бенгалии*, — «Национально-освободительное движение в Индии и деятельность Б. Г. Тилака», М., 1958; Н. Кабирдж, *Национально-освободительное движение в Бенгалии*, М., 1956, стр. 85—87, 93—95; V. Lovett, *A history of Indian nationalist movement*, London, 1921, pp. 21—43.

Мы не останавливаемся здесь на характеристике той исключительно важной роли, которую сыграла деятельность бенгальских националистов в формировании общендийского национально-освободительного движения. Весьма высокую оценку этой роли см. в кн.: Абул Калам Азад, *Индия добивается свободы*, М., 1961, стр. 37—38; Р. Прасад, *Автобиография*, М., 1961, стр. 44—54.

⁵ Как указывал Дж. Неру, «новая мусульманская буржуазия неизбежно проявляла все большее недовольство существующими условиями и вовлекалась в националистическое движение» (Дж. Неру, *Автобиография*, М., 1955, стр. 488). Даже самые умеренные ее лидеры, тесно связанные с феодальными элементами и обязанные своим благосостоянием службе в английском колониальном аппарате, стремились к тому, чтобы мусульмане из достоятельных слоев «меньше полагались на покровительство правительства и форсировали процесс самостоятельного развития» (из письма Амира Али Бадруддину Тайябджи от 5 января 1888 г.; «Source material for a history of the freedom movement», vol. II, Bombay, 1958, p. 65). Впрочем, до конца первой мировой войны участие бенгальцев-мусульман в активной антианглийской деятельности было ограниченным: это видно хотя бы из того, что 89% всех осужденных за политические «преступления» в конце XIX — начале XX в. были индусами высших каст (вычислено по данным, приведенным в кн.: В. В. Misra, *The Indian middle classes*, London, 1961, p. 395).

⁶ V. Chirol, *India*, London, 1926, p. 116.

В борьбе с растущим национальным движением колониальные власти широко использовали полицейские репрессии. Но главным их орудием к началу XX в. (т. е. к тому времени, когда окончательно оформилось организованное национально-освободительное движение) стало разжигание индусско-мусульманской розни, в чем они находили поддержку (часто, впрочем, оказываемую им непреднамеренно) со стороны правых помещичьих группировок и ортодоксальных религиозных деятелей обеих — и индусской и мусульманской — общин бенгальского общества.

Чтобы «разрушить и уничтожить национальную и политическую солидарность Бенгалии»⁷, не дать возможности бенгальским националистам «направить против британского правительства объединенную силу всей бенгальской нации»⁸, колониальные власти провели в октябре 1905 г. раздел Бенгалии на две провинции: восточную, с мусульманским большинством населения, куда были включены области Дакка, Читтагонг, Раджшахи (без Дарджилинга), а также Типпера и Ассам (столицей ее стал г. Дакка), и западную, где резко преобладали индусы и куда помимо населенных бенгальцами территорий входили Бихар и Орисса. По расчетам колонизаторов, раздел должен был породить «непримиримую рознь между индусами и мусульманами Бенгалии»⁹.

Однако эти расчеты не оправдались.

Лишь небольшая группа крупнейших землевладельцев-мусульман восточной части Бенгалии, выступавших под знаменем «сваджати» — «своя община», поддержала английскую политику раздела провинции¹⁰. Следует отметить, что они заняли такую позицию после серьезных колебаний, преодолению которых в немалой степени способствовала финансовая поддержка, оказанная английскими властями их лидеру, навабу Дакки Салимулла-хану¹¹. Сыграло свою роль и недовольство, испытываемое представителями имущей верхушки мусульманской части бенгальского общества в связи с тем, что ведущее место в торговой и предпринимательской деятельности, а также политической жизни занимали индусские прослойки помещиков и буржуазии. По расчетам этой группы, в новой провинции (Восточная Бенгалия и Ассам) им легче было бы одержать победу в конкурентной борьбе за должности на муниципальной и государственной службе, в предпринимательской деятельности и т. д.¹²

⁷ Из выступления депутата палаты общин Д. Мак Кензи Смитона в английском парламенте 26 февраля 1906 г. («The Parliamentary debates», 4th series, vol. 152, London, 1906, p. 838).

⁸ Из выступления вице-короля Индии Керзона в палате лордов английского парламента 30 июня 1908 г. (ibid., vol. 191, p. 511).

⁹ Абул Калам Азад, *Индия добывается свободы*, стр. 37. Схема раздела Бенгалии была выработана Керзоном еще в апреле 1902 г. и обнародована в ноябре 1903 г. Она сразу же встретила резкую оппозицию. За неполных два года (ноябрь 1903 — октябрь 1905 г.) в провинции состоялось около 2 тыс. митингов протеста, в каждом из которых участвовали тысячи бенгальцев — индусов и мусульман.

¹⁰ Подробнее см.: Ю. В. Ганковский, Л. Р. Гордон-Полонская, *История Пакистана*, М., 1961, стр. 28—38; Э. Н. Комаров, *Из истории национально-освободительного движения и общественной мысли Бенгалии*, стр. 242—268.

¹¹ А. К. Majumdar, *Advent of independence*, p. 32. См. также выступление государственного секретаря (министра) по делам Индии Дж. Морли в английском парламенте 18 июня 1907 г. («The Parliamentary debates», vol. 176, p. 318).

¹² Muin-ud-Din Ahmad Khan, *Muslim struggle for freedom in Bengal, Dacca*, 1960, p. 50; «The people of Pakistan: East Pakistan», Karachi, 1955, p. 4; «Struggle for independence, 1857—1947», Karachi, 1958.

Но не эти настроения определяли в первое десятилетие XX в. характер бенгальского национального движения. Политика Керзона «нанесла глубокую рану национальным чувствам» бенгальцев¹³. День раздела 16 октября 1905 г. стал для них днем национального траура. «Бенгалия не отнеслась с покорностью к этому мероприятию. Оно вызвало небывалый взрыв политического и революционного энтузиазма»¹⁴. Активизируют свою работу подпольные организации (такие, как «Онушилон» — «Деятельность»), стремящиеся свергнуть иго колонизаторов путем вооруженной борьбы¹⁵. Несомненное влияние на развитие бенгальского национального движения, главной силой которого были «мелкая буржуазия, безработные представители средних классов, бедные студенты и учителя»¹⁶, оказали вести о революции 1905 г. в России.

Массовое движение протеста из Бенгалии перекинулось в другие районы Индии (в каждом из них были, конечно, и свои специфические причины, побуждавшие местные националистические круги выступать против проводимой колонизаторами политики)¹⁷.

Лозунгом противников раздела стало требование объединения в границах одной административной единицы всего населения, говорящего на бенгальском языке.

Массовая борьба за создание единой бенгальской провинции, охватившая, как признавали даже руководители английской администрации, все слои бенгальского общества¹⁸, заставила колонизаторов отступить: в 1911 г. раздел Бенгалии был ликвидирован.

На характер бенгальского национального движения серьезное влияние оказали особенности социально-экономического, культурного и политического развития этой части полуострова в конце XIX — первые десятилетия XX в. Бенгальский национальный рынок был слабо связан с общендийским. Главные отрасли экономики Бенгалии ра-

¹³ V. Chirol, *India*, p. 116.

¹⁴ Абул Калам Азад, *Индия добивается свободы*, стр. 39—40; R. C. Majumdar, *History of the freedom movement in India*, vol. II, pp. 7—28.

¹⁵ Подробнее см.: R. C. Majumdar, *History of the freedom movement in India*, vol. II, pp. 267—298; S. Ch. Bose, *The Indian struggle*, London, 1935, p. 336.

¹⁶ Н. Кабирадж, *Национально-освободительное движение в Бенгалии*, стр. 90. См. также: Дж. Неру, *Открытие Индии*, М., 1955, стр. 380. По официальным данным, в Бенгалии в начале XX в. (до 1907 г.) студенты составляли 36% всех лиц, осужденных колонизаторами за антианглийскую политическую деятельность; учителя — 9%; торговцы и мелкие землевладельцы — 22; служащие (клерки и др.) — 11%; 26% осужденных были моложе 20 лет (вычислено по данным, приведенным в кн.: V. Chirol, *India*, pp. 120—121, 123—124; B. V. Misra, *The Indian middle classes*, p. 395).

¹⁷ Так, в Бихаре протесты против политики колонизаторов сочетались с требованием отделения Бихара от Бенгалии в самостоятельную провинцию (Подробнее см.: Р. Прасад, *Автобиография*, стр. 100—102). Аналогичная борьба, возглавляемая созданной в 1903 г. «Уткала юнион конференс», проходила в Ориссе. Эти движения заставили английские власти в 1912 г. выделить Бихар и ОриССу из состава Бенгалии.

¹⁸ По заявлению Г. Дж. Коттана, руководителя английской колониальной администрации в Ассаме, сделанному им в палате общин 26 февраля 1906 г., решение о разделе было встречено в Бенгалии «взрывом недовольства... почти в каждой деревне проходили митинги протеста — огромное большинство мусульман было абсолютно единодушно с индусами в их оппозиции разделу, а потому вызвать какую-либо сектантскую вражду по этому вопросу было невозможно (подчеркнуто нами. — Ю. Г.)... Волнение не ограничивалось образованной частью общества, им были охвачены все классы страны. Торговцы и земледельцы также были недовольны; агитация против раздела нашла путь к сердцу нации» («The Parliamentary debates», vol. 152, pp. 822—825). См. также выступление депутата палаты общин Дж. Д. Риса и др., *ibid.*, p. 832).

ботали на экспорт, были ориентированы не на другие районы Индии, а на Англию¹⁹.

Справедливо отмеченная А. М. Дьяковым «значительная хозяйственная, а как следствие и культурная оторванность от основных частей Индии»²⁰ способствовала постепенному формированию бенгальского сепаратизма, определила преобладание у некоторых идеологов бенгальского национального движения бенгальского национализма над общеиндийским. Если руководители бенгальских националистов в 70—80-х годах XIX в. (как это видно, например, из названия созданных ими организаций, таких, как Индийская ассоциация), как правило, не выделяли и тем более не отрывали себя и своих последователей от общеиндийского национально-освободительного движения, то в начале XX в. в их настроениях намечается несомненный перелом: на первое место выдвигаются Бенгалия и бенгальские интересы²¹.

Помимо указанных выше были и другие факторы, способствовавшие несомненной трансформации бенгальского национального движения, его идеологии и программных установок.

Вследствие неравномерности и своеобразия капиталистического развития различных районов полуострова бенгальские либеральные помещики, интеллигенты и буржуа ко второму десятилетию XX в. постепенно утратили доминирующие позиции, которые они занимали в руководстве общеиндийским национально-освободительным движением в предшествующие десятилетия, когда бенгальцы составляли, например, на съездах Всеиндийского национального конгресса до 55% всех делегатов²². Главное место в этом руководстве к концу первой мировой войны заняли деятели, представлявшие интересы преимущественно гуджаратской и марварийской буржуазии и не проявлявшие особой склонности защищать в общеиндийских национально-освободительных организациях специально бенгальские интересы. Это создавало почву для недовольства в Бенгалии деятельностью таких организаций, как Всеиндийский национальный конгресс (за его провинциальным филиалом с конца XIX в. шла основная масса бенгальских националистов)²³,

¹⁹ По официальным данным, в конце XIX — начале XX в. на иностранные рынки приходилось свыше 53% торгового оборота Бенгалии (см., например: «The Imperial gazetteer of India», vol. VII, Oxford, 1908, pp. 348—350). Аналогичная картина наблюдалась и в северо-западных областях Индии, включенных в 1947 г. в границы Западного Пакистана. Исследуя особенности экономического развития отдельных районов Британской Индии, О. Х. К. Спейт отмечал, что территории, составившие в 1947 г. Восточный и Западный Пакистан, до раздела «производили главным образом сырые материалы для рынков, лежащих за их пределами, и в этой связи их экономические интересы обнаруживали некоторые коренные расхождения с интересами индийских областей (подчеркнуто нами. — Ю. Г.); в целом картина и впрямь напоминала положение в Соединенных Штатах Америки перед гражданской войной» (О. Х. К. Спейт, *Индия и Пакистан*, М., 1957, стр. 325).

²⁰ А. М. Дьяков, *К вопросу о национальном составе населения Индии*, — «Ученые записки Тихоокеанского института АН СССР», т. I, М.—Л., 1947, стр. 293.

²¹ Вспоминая настроения бенгальских националистов в первые годы XX в., Ч. Р. Дас указывал: «Наш национализм был сконцентрирован на Бенгалии; мы никогда не обращались к чему-либо лежащему за пределами Бенгалии, но смотрели только на Бенгалию, мы упивались Бенгалией» (из выступления на митинге в Барисале 14 октября 1917 г.: Ch. R. Das, *India for Indians*, Madras, 1921, p. 60; см. также речи Ч. Р. Даса на митингах в Читтагонге 12 и 17 июня 1918 г., *ibid.*, pp. 122—123, 145).

²² V. Lovett, *A history of the Indian nationalist movement*, p. 37.

²³ См., например, выступления Т. К. Гхоша в 1935 г., в которых выражалось горькое сожаление, что «созданный бенгальцами Конгресс оказался неспособным что-либо сделать для Бенгалии в эти критические времена» («The Indian annual register, 1935», vol. I, Calcutta, 1936, p. 336).

способствовало формированию и росту местных узкобенгальских националистических партий и организаций.

Усилившаяся после первой мировой войны неравномерность экономического и социально-политического развития отдельных районов Индии приводила к изменениям в соотношении сил между различными этническими отрядами буржуазии и к обострению конкурентной борьбы между ними. По мере развития собственно бенгальского капитализма росли стремления бенгальской буржуазии установить безраздельный контроль на бенгальском национальном рынке, где она сталкивалась с конкуренцией марварийских и гуджаратских предпринимателей, издавна державших «в своих руках большую часть торговли» Бенгалии, кредитно-ростовщических операций и т. д.²⁴ Это также способствовало трансформации бенгальского национализма, формированию сепаратистских настроений и тенденций в бенгальском национальном движении.

Как известно, представители марварийских и гуджаратских торгово-ростовщических каст еще в доколониальный период играли важную роль в экономической жизни Бенгалии²⁵. О характере их деятельности и репутации, которую эта деятельность им принесла, пожалуй, лучше всего окажут бытовавшие в северной части полуострова поговорки: «у кого банья друг, тому не нужен враг», «туг грабит постороннего человека, а банья — друга»²⁶.

Развитие бенгальского внутреннего рынка и широкий размах в 1905—1911 гг. движения «свадеш», сопровождавшегося бойкотом английских товаров, «вдохнули новую жизнь в ручное ткачество», способствовали росту бенгальского ремесленного и мануфактурного, а также мелкого промышленного производства²⁷. Наблюдался определенный рост бенгальского предпринимательства и в сфере обращения. Процессы эти усилились во втором десятилетии XX в. Однако развитие бенгальского капитализма испытывало огромные трудности, вследствие того что все основные участки экономической жизни Бенгалии находились под контролем английских, а также марварийских и гуджаратских фирм, господствовавших в промышленности, банковском деле, экспортной и импортной торговле. Особую опасность для бенгальской национальной буржуазии представляло усилившееся после первой мировой войны стремление марварийских и гуджаратских дельцов овладеть внутренней розничной торговлей Бенгалии, ростовщическими операциями в деревне и небольших населенных пунктах городского типа, поставить под свой прямой контроль ремесленное и мануфактурное производство; иными словами, овладеть теми сферами предпринимательской деятельности, откуда растущая бенгальская буржуазия получала основную часть ее накоплений.

²⁴ «The Imperial gazetteer of India», vol. VII, p. 273.

²⁵ Подробнее см.: В. И. Павлов, *Формирование индийской буржуазии*, М., 1958, стр. 233—236; В. И. Павлов, *Очерк деятельности торговцев и ростовщиков в колониальной Индии*, — «Ученые записки Института востоковедения АН СССР», т. XII, М., 1955, стр. 124—126; А. И. Чичеров, *Экономическое развитие Индии перед английским завоеванием*, М., 1965, стр. 161—162; D. R. Gadgil, *Origins of the modern Indian business class*, New York, 1959, p. 21; В. В. Misra, *The Indian middle classes*, p. 24.

²⁶ W. Crooke, *Natives of Northern India*, London, 1907, p. 111.

²⁷ «Rahman's East Pakistan trade directory, 1955—56», Дacca, 1956, pp. 544—545. Подробнее см.: В. И. Павлов, *Некоторые черты формирования и развития бенгальской буржуазии*, — «Краткие сообщения Института востоковедения АН СССР», вып. 23, М., 1957, стр. 24—25; R. Mukherjee, *The foundations of Indian economics*, London, 1916, pp. 364—366.

Противоречия между бенгальской национальной буржуазией (а также бенгальскими помещиками, принимавшими участие в предпринимательской деятельности) и марварийскими и гуджаратскими фирмами, обосновавшимися в Бенгалии, особенно усилились в 30-х годах, когда многие представители верхушки бенгальских имущих классов обратились к промышленному прюндерству. На этом поприще они столкнулись с губительной конкуренцией марварийского семейства Гоэнка, глава которого Бадри Дас Гоэнка был президентом «Марвари ассошиэйшен» в Калькутте²⁸, руководил двумя десятками компаний, действовавших в текстильной и джутовой промышленности, импортно-экспортной торговле, страховом деле, был вице-президентом «Империэл бэнк оф Индия» и т. д.²⁹; марварийского семейства Бирла, возглавлявшегося Гханшиам Дасом Бирлой, который владел многими предприятиями текстильной, пищевой и других отраслей промышленности, вел широкие внешнеторговые операции, был крупным землевладельцем, имел значительные интересы в банковском, страховом и издательском деле, возглавлял Торговую палату Калькутты и был президентом Федерации торговых палат Индии³⁰; марварийского семейства Хайтан (тесно связанного с домом Бирлы), владевшего хлопчатобумажными фабриками и сахарными заводами, возглавлявшего Ассоциацию промышленников Бенгалии и Индийский национальный комитет Международной торговой палаты³¹, и других марварийских и гуджаратских дельцов.

Следует указать, что среди инонациональных дельцов, обосновавшихся в Бенгалии, были не только индусы, но и мусульмане — выходцы из Гуджарата, Кача, Катхиавара и Соединенных провинций.

Исследуя процесс трансформации, который бенгальское национальное движение претерпевало после первой мировой войны, следует учитывать важную особенность предпринимательской деятельности формирующейся бенгальской крупной буржуазии, отмеченную В. И. Павловым: принадлежавшие ей предприятия обычно не вступали в конкуренцию с английским импортом; более того, «ввиду тесных связей крупной бенгальской буржуазии с заминдарским землевладением и с английским капиталом ее борьба за место в промышленности и торговле нередко принимала форму конкуренции с другими, более сильными группами индийской буржуазии»³². Не случайно в 30-х годах одним из лозунгов бенгальского национального движения стало: «Бенгалия для бенгальцев! Вон марвари из Бенгалии!». Вместе с тем усилилось начавшееся еще в довоенные годы движение за ликвидацию искусственного административного деления страны, введенного колонизаторами, за объединение в границах единой Бенгалии всех территорий с бенгальским большинством населения путем включения в ее состав окру-

²⁸ «Марвари ассошиэйшен» была создана в Калькутте в 1898 г. группой ведущих бизнесменов-марвари для защиты интересов этой торгово-ростовщической касты в Бенгалии (подробнее см.: Н. В. Lamb, *The Indian business communities*, — «Pacific affairs», vol. 28, Richmond, 1955, № 2, p. 107).

²⁹ За заслуги перед английскими колониальными властями Б. Д. Гоэнка был награжден орденом Индийской империи и титулом «раи бахадур» («The Indian year book, 1943—44», Bombay, 1944, p. 973).

³⁰ Ibid., p. 943. О деятельности семейства Бирла см.: А. И. Левковский, *Особенности развития капитализма в Индии*, стр. 342—343.

³¹ «The Indian year book, 1943—44», p. 996.

³² В. И. Павлов, *Некоторые черты формирования и развития бенгальской буржуазии*, стр. 31, 34.

гов Бихара, а также Ассама, населенных бенгальцами³³. Это должно было не только привести к государственно-административному сплочению всей бенгальской национальной территории, но и обеспечить для бенгальской буржуазии создание условий к завоеванию ею собственного национального рынка.

Одним из факторов, который ослаблял интерес бенгальских «средних классов» (прежде всего интеллигенции) к пребыванию в составе единой Индии и питал сепаратистские настроения, был повсеместный рост антибенгальских настроений, наблюдавшийся в северных областях полуострова в годы после первой мировой войны.

В XIX в. бенгальцы «пользовались почти монопольным правом на замещение мелких должностей в правительственных учреждениях и их же посылали в северные провинции»³⁴. Это положение сохранялось отчасти и в начале XX в. По мере развития в Соединенных провинциях, Бихаре, Ориссе и других областях капиталистических отношений и формирования собственной (хиндустанской, бихарской, орисской и т. д.) интеллигенции представители последней начали требовать передачи им должностей, занимаемых бенгальцами³⁵. Антибенгальские настроения подогревались политикой английских властей. Наблюдались случаи дискриминации бенгальцев, например при приеме на государственную службу. Многие бенгальцы вынуждены были вернуться на родину.

Усилению сепаратистских тенденций в бенгальском национальном движении безусловно способствовали рост мелкой и средней (в значительной своей части мусульманской по вероисповеданию) бенгальской буржуазии; поворот к предпринимательской деятельности, прежде всего в сфере обращения, многочисленных мелких и средних помещиков — джотадаров³⁶, среди которых также преобладали мусульмане; увеличение численности и удельного веса мусульманской прослойки бенгальской буржуазной интеллигенции, заметно ускорившееся в 20-х и 30-х годах в связи с укреплением капиталистического уклада и постепенным изживанием пережиточных форм и традиций, восходящих к феодальной эпохе³⁷.

В то же время рост этих социальных сил в специфических условиях Бенгалии (и шире — северной части полуострова) способствовал развитию в бенгальском национальном движении коммуналистских тенденций, что оказало огромное влияние на судьбы как национального движения бенгальцев, так и мусульманского религиозно-общинного движения Индии.

Преобладание индусской по вероисповеданию буржуазии и интел-

³³ См.: N. Ch. Roy, *Federalism and linguistic states*, Calcutta, 1962, p. 169.

³⁴ Дж. Неру, *Открытие Индии*, стр. 341.

³⁵ Так, в Бихаре раздавались жалобы «особенно со стороны образованных жителей провинции, которым приходилось выдерживать конкуренцию бенгальцев в правительственных учреждениях и адвокатуре», что «бенгальцы занимают господствующее положение», и росли требования передать бихарцам удерживаемые бенгальцами места (Р. Прадас, *Автобиография*, стр. 514—515).

³⁶ Джотадары — помещики-посредники, не обладавшие правом собственности на землю.

³⁷ В XIX — начале XX в. кадры бенгальской интеллигенции пополнялись преимущественно представителями индусской части бенгальского общества, прежде всего выходцами из высших каст. Подробнее см.: «A history of the freedom movement», vol. II, Karachi, 1960, pp. 187, 204, 220—221; W. W. Hunter, *The Indian muslimans*, London, 1872, p. 169; B. B. Misra, *The Indian middle classes*, p. 402.

лигенции во всех сферах деловой активности³⁸ создавало в Бенгалии почву для возникновения и роста антииндусских настроений, причем не только в верхах мусульманской общины, но и среди сравнительно широких масс мусульман. Эти настроения питала конкурентная борьба за посты на государственной службе, в торговле и в других сферах экономической деятельности между вырвавшейся вперед индусской и отставшей мусульманской группами помещиков, буржуазии и интеллигенции. Более того, даже «аграрные конфликты — например, конфликт между индусскими заминдарами и мусульманскими арендаторами в Бенгалии — проявлялись как религиозно-общинные распри»³⁹. Возникновению и развитию антииндусских настроений (равно как и условий, их вызывающих) активно содействовала политика английских колонизаторов, для которых, как указывалось выше, раскол национально-освободительного движения путем разжигания индусско-мусульманской розни был основным средством сохранения власти над народами полу-континента⁴⁰.

Росту мусульманских религиозно-общинных настроений в огромной степени способствовала также безудержная антиисламская агитация шовинистических индусских организаций, прежде всего «Хинду махасабхи»⁴¹; пропаганда правых мусульманских организаций и партий; провокации колониальных властей, приводившие к индусско-мусульманским погромам, и т. д.

Преодолению антииндусских настроений мешали многие стороны деятельности общеиндийских национально-освободительных организаций (и их филиалов в Бенгалии), среди них и Индийского национального конгресса. Индустская религиозная оболочка идеологии Конгресса⁴²; резкое преобладание индусов в составе его руководящих органов; огромное влияние, которое оказывали на практическую деятельность организации (включая его бенгальский филиал) марварийско-гуджаратские, индусские по вероисповеданию, группировки крупной буржуазии; наконец, активная защита Конгрессом интересов крупной индусской буржуазии и заминдаров-индусов⁴³ — все это отталкивало от

³⁸ Даже в мусульманских районах Восточной Бенгалии индусам принадлежало свыше 80% недвижимой собственности в городах, земельных владений в деревне, должностей на муниципальной и государственной службе. Они же вели основную часть банковских, кредитно-ростовщических и экспортно-импортных операций, а также держали адвокатские конторы, медицинские и другие учреждения.

³⁹ Дж. Неру, *Автобиография*, стр. 157.

⁴⁰ Подробнее см.: А. М. Дьяков, *Национальная политика британского империализма в Индии*, — «Мировое хозяйство и мировая политика», М., 1939, № 12; А. М. Дьяков, *Национальный вопрос и английский империализм в Индии*, М., 1948; Ю. В. Ганковский, Л. Р. Гордон-Полонская, *История Пакистана*, раздел I.

⁴¹ Подробнее см.: К. Л. Гауба, *The consequences of Pakistan*, Lahore, 1946, p. 27; Hafeez Malik, *Moslem nationalism in India and Pakistan*, pp. 296—297.

⁴² Мусульман (особенно отсталые и политически неискушенные массы крестьян, ремесленников, мелких торговцев) «отталкивал неоспоримо сильный индусский религиозный уклон большей части пропаганды Конгресса» (Пальм Датт, *Индия сегодня*, М., 1948, стр. 485; см. также: Дж. Неру, *Открытие Индии*, стр. 377). Индустская окраска идеологии Конгресса «увеличивала разрыв между мусульманами и индусами», мешала участию мусульман в деятельности Конгресса (К. Sarwar Hasan, *The genesis of Pakistan*, Karachi, 1950, pp. 9—10). Конгресс «не вел борьбы за ликвидацию кастовых, провинциальных и религиозных ярлыков в общественной и политической жизни» (S. Sen, *The birth of Pakistan*, Calcutta, 1955, p. 196).

⁴³ См., например: О. Х. К. Спейт, *Индия и Пакистан*, стр. 184—185; Н. Mukerjee, *India struggles for freedom*, Bombay, 1948, pp. 173—174; W. C. Smith, *Modern Islam in India*, London, 1946, p. 251.

него не только бенгальских помещиков и предпринимателей — мусульман, но и пробуждавшиеся к политической активности мусульманские массы. В результате вскоре после первой мировой войны бенгальская провинциальная организация Индийского национального конгресса начала терять и в 30-е годы окончательно утратила свое положение единственной крупной политической партии Бенгалии, представлявшей все основные течения национального движения. Конгресс превратился (пусть даже против желания его лидеров) в организацию преимущественно индусскую, которая пользовалась влиянием прежде всего в индусской части бенгальского общества. Его массовую базу составляли индусские прослойки местной национальной буржуазии и интеллигенции, а также верхушка крестьян и ремесленников — индусов. Что же касается бенгальских мусульман, то лишь небольшая часть радикально настроенной интеллигенции поддерживала в 30-е годы (да и то с серьезными оговорками) бенгальский филиал Конгресса.

Следует отметить, что и в деятельности активно выступавших против власти английских колонизаторов революционных мелкобуржуазных организаций (таких, как Индийская республиканская армия Читтагонга, Северобенгальская ассоциация, связанных с общендийской Республиканской социалистической ассоциацией, а в определенной мере и с бенгальским филиалом Конгресса, возглавляемым С. Ч. Босом), представители мусульманской части бенгальского общества также принимали слабое участие⁴⁴.

Однако и Мусульманская лига, руководство которой находилось в руках крупных землевладельцев и богатой торгово-промышленной буржуазии тех провинций, где мусульмане составляли меньшинство населения (Соединенные провинции, Бомбейское президентство)⁴⁵, до начала второй мировой войны не пользовалась в Бенгалии большим влиянием⁴⁶. Среди других причин этому содействовали тесная связь руководства бенгальской организации Лиги с крайне правыми группировками местных помещиков-мусульман (лидером провинциальной Мусульманской лиги был наваб Дакки); требования общендийского руководства Лиги, чтобы единственным «национальным языком» мусульман полуострова был признан урду⁴⁷; резкое преобладание в

⁴⁴ Руководили этими радикальными мелкобуржуазными организациями индусы А. Чакраварти, Сурджая Сен, Г. Гхош, М. Датт, П. Ваддадар, С. Чаттерджи и др. Подробнее об их деятельности см.: Л. Р. Гордон-Полонская, *Деятельность мелкобуржуазных террористических организаций*, — «Краткие сообщения Института востоковедения АН СССР», вып. 23, М., 1957, стр. 82—97.

⁴⁵ «В руководстве Мусульманской лиги преобладали землевладельцы и титулованное дворянство» (Khalid Bin Sayeed, *Pakistan*, Karachi, 1960, p. 233). В годы второй мировой войны земельные магнаты составляли крупнейшую по численности группу в Совете Лиги (им принадлежало 163 из 503, или 32% всех мест). Следующей за ними по численности группой были адвокаты, т. е. выходцы из тех же землевладельческих, а также торгово-ростовщических кругов (145 мест, или 29%). В Совете Лиги представителям провинций с мусульманским большинством населения принадлежало 258, или 51% всех мест; но в Рабочем комитете, самом важном органе Лиги, фактически направившем всю ее деятельность, главенствовали представители провинций с мусульманским меньшинством: им принадлежало 13 мест из 23 (или 59%), они же держали в руках важнейшие руководящие посты — президента и секретаря Лиги и председателя Комитета действий (ibid., pp. 223—224; Sh. Ansari, *Pakistan*, Lahore, 1945, p. 62; «Struggle for independence, 1857—1947», app. V, p. 33).

⁴⁶ William R. Smith, *Nationalism and reform in India*, New Haven, 1938, p. 358.

⁴⁷ Khalid Bin Sayeed, *Pakistan*, p. 227; «National language for India», Allahabad, 1941.

общеиндийских руководящих органах Лиги небенгальцев⁴⁸. Безоговорочно поддерживали Лигу лишь немногочисленные богатые помещики-мусульмане и обосновавшиеся в Калькутте дельцы-небенгальцы, выходцы из Северной и Западной Индии.

Не нужно думать, что руководящие деятели бенгальского национального движения — индусы и мусульмане — не видели опасности для единства Бенгалии в развитии религиозно-общинных настроений, что все они поголовно были заражены коммуналистскими предрассудками и интересы имущей верхушки своей общины ставили выше национально-единства; что они, наконец, не делали попыток во имя достижения этого единства преодолеть существовавшие противоречия, в частности, учесть и сгладить взаимные претензии.

Так, уже в 1914—1918 гг., выступая с требованиями создания единой Бенгальской провинции, которая должна была пользоваться широкими правами в области внутреннего самоуправления, лидеры движения «Гомрула»⁴⁹ (а ими были и индусы и мусульмане, в том числе Ч. Р. Дас и А. К. Фазлуд Хак) призывали бенгальцев отбросить общинные предрассудки, с тем чтобы в совместной борьбе добиться «автономии для бенгальской нации»⁵⁰. В 1924 г. Ч. Р. Дас для обеспечения индусско-мусульманского единства выступил с предложением гарантировать мусульманской общине значительную часть постов в государственных и общественных учреждениях⁵¹.

О том, что в борьбе за политическую свободу «неотъемлемым условием успеха является индусско-мусульманское единство и оно должно быть достигнуто», говорили и писали и другие бенгальские деятели, например, С. Ч. Бос, Р. Прадхан⁵². Число подобных примеров легко умножить.

Рост бенгальской мелкой и средней буржуазии, сталкивавшейся при любой попытке организовать и расширить свою предпринимательскую деятельность с губительной конкуренцией богатых инациональных (марварийских и гуджаратских) предпринимателей, неспособность общеиндийских партий (включая Индийский национальный конгресс) достаточно полно учесть в своей практической деятельности интересы этих социальных прослоек бенгальского общества создавали объективную основу для развития сепаратистских тенденций в бенгальском национальном движении и появления политических организаций, отражавших эти тенденции. В то же время перечисленные выше обстоятельства способствовали тому, что бенгальский сепаратизм оказался

⁴⁸ Представителям Бенгалии, где проживала треть мусульман полуострова, принадлежало лишь 20% мест в руководящих органах Лиги. Подробнее см.: Sh. Ansari, *Pakistan*, p. 62.

⁴⁹ «Гомрула» (англ. — home rule) — «самоуправление».

⁵⁰ Ch. R. Das, *India for Indians*, p. 63—64.

⁵¹ Подробнее см.: V. Chirol, *India*, p. 291. Предложение Ч. Р. Даса, однако, было отвергнуто большинством тех деятелей Конгресса, которые представляли в нем марварийско-гуджаратские группы крупной буржуазии и мало беспокоились о единстве бенгальского национального движения; тем более что интересы растущих мусульманских прослоек бенгальской национальной буржуазии и интеллигенции были во многих случаях противоположны устремлениям этой крупной буржуазии и представлявших ее деятелей.

⁵² «Достижение этого единства явится большим проявлением силы нашего национального духа, чем индивидуальные действия или движение гражданского неповиновения» (R. G. Pradhan, *The present political situation*, — «The modern review», 1934, № 1, p. 6). См. также: S. Ch. Bose, *Crossroads*, Bombay, 1962, pp. 265—266, 290, 292—293, 322—323.

окрашенным в мусульманские религиозные-общинные тона. Огромную роль сыграла живучесть религиозных форм идеологии, унаследованных от предшествующих формаций⁵³, поддерживаемых и консервируемых к тому же английскими колониальными властями (системой избирательных курий, учебных заведений, просветительных организаций, войсковых подразделений, муниципальных и правительственных учреждений, построенных по религиозно-общинному принципу).

В этих условиях в середине 30-х годов одной из наиболее влиятельных политических партий Бенгалии становится «Никхил Бангла проджа кришок шомити» (Всебенгальская крестьянская партия, обычно называемая «Проджа кришок» или «Проджа парти» — Крестьянская партия). Основатель ее — один из старейших политических деятелей Бенгалии Абул Касем Фазлул Хак (род. в 1873 г.), ранее долгие годы сотрудничавший с Индийским национальным конгрессом. Важную роль в руководстве партии играл известный бенгальский поэт М. Музаммул Хак.

Программные установки партии отражали интересы помещиков-джотадаров, мелкой и средней бенгальской буржуазии, а также интеллигенции и верхушки крестьянства. «Проджа парти» требовала отмены системы постоянного заминдари; ограничения крупного помещичьего землевладения; снижения и облегчения ростовщической задолженности, лежавшей тяжелым бременем на крестьянах, мелких торговцах; поощрения предпринимательской деятельности мелкой и средней буржуазии, защиты интересов бенгальской интеллигенции⁵⁴. Эта программа обеспечила «Проджа парти» симпатии сравнительно широких кругов бенгальского общества. В практической политической деятельности партия пользовалась постоянной поддержкой Бенгальской ассоциации джотадаров и райтов, созданной и руководимой адвокатом Кабируддином Ахмадом, выходцем из землевладельческих кругов. Партии сочувствовали и оказывали значительную поддержку также бенгальские торговцы и предприниматели (причем не только мусульмане, но и индусы, с которыми у А. К. Фазлул Хака были личные деловые связи)⁵⁵.

Главный удар в своей агитации и пропаганде «Проджа парти» направила против богатых помещиков-заминдаров, индусов по религии, и крупной индусской буржуазии. Проповедь бенгальского национализма она соединяла с призывами к мусульманскому единству и защите интересов мусульманской общины. Не случайно М. Музаммул Хак был основателем Бенгальской мусульманской литературной академии, а Кабируддин Ахмад — одним из руководителей Мусульманской ассоциации Калькутты. Поэтому деятельность «Проджа парти» и примыкавших к ней организаций способствовала укреплению среди мусуль-

⁵³ «Новый национализм в Индии, как и повсюду на Востоке, был неизбежно религиозным национализмом» (Дж. Неру, *Автобиография*, стр. 33). Как указывал по аналогичному поводу Ф. Энгельс: «Экономическое положение, это — базис, но на ход исторической борьбы оказывают влияние и во многих случаях определяют преимущественно форму ее различные моменты надстройки... политические, юридические, философские теории, религиозные воззрения и их дальнейшее развитие в систему догм» (Ф. Энгельс, *Письмо Иосифу Блоху от 21—22 сентября 1890 г.*, — К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 1, т. XXVIII, стр. 245).

⁵⁴ См.: Sh. Ansari, *Pakistan*, pp. 60—62.

⁵⁵ В 40-е годы А. К. Фазлул Хак был патроном Калькуттской торговой палаты, руководимой такими представителями бенгальского бизнеса, как Нанда Лал Чаттерджи, П. Сасмал и др. («Thaker's trade directory, 1946—47», Calcutta, 1947, p. 9).

ман-бенгальцев религиозно-общинных настроений (что объективно вносило известные элементы раскола в бенгальское национальное движение)⁵⁶.

На выборах в законодательные органы Бенгалии, проходивших в 1937 г., «Проджа парти» по числу собранных голосов оказалась на одном из первых мест⁵⁷. Это дало возможность ее лидеру А. К. Фазлулу Хаку при поддержке местного филиала Мусульманской лиги и ряда небольших мусульманских партий сформировать и возглавить правительство Бенгалии, которое оставалось у власти до марта 1943 г. (хотя термин «у власти» следует, конечно, ставить в кавычки, когда речь идет о стране, находившейся под господством колонизаторов).

Заключение парламентской коалиции с Мусульманской лигой вызвало серьезные разногласия в «Проджа парти», и группа левых деятелей этой организации даже оставила ее ряды, основав собственную так называемую Независимую крестьянскую партию. В целом, однако, за время пребывания правительства А. К. Фазлула Хака у власти бенгальские националисты укрепили свои позиции в общественной и политической жизни Бенгалии. Этому в немалой степени способствовало введение в 1938 г. по их настоянию Бенгальского закона об аренде, который отменил ряд поборов, взимавшихся заминдарами; снизил размер процента, выплачиваемого, арендаторами в случае задолженности с внесением арендной платы; расширил права некоторых категорий арендаторов на выкуп обрабатываемых ими участков⁵⁸. Этот закон вместе с другими мерами (такими, как назначение в ноябре 1938 г. Комиссии по земельному налогообложению, рекомендовавшей отмену системы постоянного заминдари и замену ее системой раятвари) упрочил авторитет «Проджа парти» и ее лидеров среди бенгальских крестьян.

В то же время приняв закон о том, что в правительственных учреждениях Бенгалии половина мест должна быть занята представителями мусульманской общины, националисты упрочили свое положение в кругах бенгальской мусульманской интеллигенции.

Сближению бенгальских националистов с Мусульманской лигой в значительной степени способствовали изменения, внесенные руководителями этой организации в ее программные установки и практическую деятельность после провала Лиги на выборах 1937 г.⁵⁹ Успех левых сил, рост влияния Коммунистической партии Индии, подъем рабочего, крестьянского, национального движения поставили перед руководителями Мусульманской лиги задачу выработать более гибкую тактику,

⁵⁶ Для формирования религиозно-общинных настроений среди мусульман-бенгальцев особенно много сделали Абдул Латиф (1828—1893), Амир Али (1847—1929) и ряд деятелей бенгальского просвещения, группировавшихся вокруг Мусульманского общества в Калькутте (основано в 1863 г.), Мусульманской ассоциации (основана в 1877 г.), Общества защиты мусульман (действовало с 1901 г.) и др. Подробнее см.: Л. Р. Гордон-Полонская, *Мусульманские течения в общественной мысли Индии и Пакистана*, стр. 110—112, 143—148.

⁵⁷ Из 250 мест в Законодательном собрании Бенгалии Индийский национальный конгресс получил 50, Мусульманская лига — 40, «Проджа парти» — 38. Остальные места достались мелким политическим группировкам и независимым.

⁵⁸ Подробнее о Бенгальском законе об аренде 1938 г. см.: С. М. Ахтар, *Экономика Пакистана*, М., 1957, стр. 110—121, 128.

⁵⁹ В 1937 г. Мусульманская лига получила лишь 21,6% мест в провинциальных законодательных собраниях Индии, предоставленных мусульманской курии.

разработать такую программу, которая могла бы привлечь на сторону Лиги симпатии широких масс мусульман⁶⁰.

В октябре 1937 г. на сессии в Лакхнау были приняты новый устав и новая программа Мусульманской лиги: ее основной целью была провозглашена борьба за создание «полностью независимой Индийской федерации, состоящей из свободных демократических государств»; права и интересы мусульманской общины должна была гарантировать конституция федерации. В программу Лиги был включен ряд пунктов, отвечающих интересам крестьян, ремесленников, интеллигенции, мелкой буржуазии⁶¹. Укреплению авторитета Мусульманской лиги способствовала также антиимпериалистическая позиция, занятая ею по ряду международных вопросов (протесты против английской политики в палестинском вопросе, против действий британского правительства в Египте и итальянских колонизаторов в Триполи и др.)⁶².

Отход радикально настроенной мусульманской интеллигенции Бенгалии от Конгресса несомненно связан также с недостаточно четкой и последовательной позицией, которую Конгресс занимал в национальном вопросе. Дойдя до признания существования в Индии различных этно-лингвистических комплексов и их права на автономию (отсюда организация в 1921 г. «конгрессовских провинций»), Конгресс не сумел сделать следующего шага — признать национальный характер этих комплексов и их право на самоопределение. Эта позиция Конгресса способствовала отходу от него ряда крайних националистических группировок.

Оценивая сейчас, когда прошли почти три десятилетия со времени описываемых на этих страницах событий, результаты сближения бенгальских националистов с Мусульманской лигой, следует признать, что это сближение оказалось более выгодным для руководящей группировки Лиги и стоящих за ее спиной социальных сил, чем для националистов Бенгалии. Последние надеялись использовать в своих целях авторитет и влияние этой общеиндийской организации, быть может, даже возглавить ее. Этого не случилось. Наоборот, союз «Проджа партии» и близких ей организаций с Мусульманской лигой дал руководству последней возможность использовать национальное движение основных масс бенгальского народа для достижения целей, которые во многих случаях были весьма далеки от его подлинных интересов. В то же время коалиция с Мусульманской лигой, усилив религиозно-общинную направленность идеологии и деятельности националистических организаций, опиравшихся на мусульманские слои бенгальской мелкой и средней буржуазии, интеллигенции и небогатых помещиков, способствовала фактическому расколу бенгальского национального движения. Эта

⁶⁰ Сущность этой тактики с предельной откровенностью изложена в письме Ага-хана III к Фазл Хусейну (лидеру панджабской партии юнионистов): «во всех провинциях (и в особенности в Бенгалии) мы постоянно должны требовать, чтобы основная тяжесть налогов была переложена на высшие и средние классы, а косвенные налоги, бремя которых обычно ложится на бедняков, были максимально снижены. В связи с этим нам нужно в каждой провинции создать партию, выдвигающую экономические требования, с полусоциалистической программой, стоящую на принципах федерализма» (Цит. по кн.: D. R. Gadgil, *The federal problem in India*, Poona, 1946, p. 93). Подробнее см. Ю. В. Ганковский, Л. Р. Гордон-Полонская, *История Пакистана*, стр. 66, 73—78.

⁶¹ «Struggle for independence, 1857—1947»; W. C. Smith, *Modern Islam in India*, p. 250.

⁶² Подробнее см.: M. Ahmad, *Pakistan and the Middle East*, Karachi, 1948.

коалиция воздвигла трудно преодолимые преграды на путях становления единства в борьбе за независимость (к которому стремились прогрессивные деятели Бенгалии) между радикальными группировками, имевшимися в различных религиозных общинах. Она укрепила зревшие в бенгальском национальном движении сепаратистские тенденции.

Насколько можно судить по имеющимся материалам, впервые идея создания независимого мусульманского бенгальского государства — «Банг-и ислам» — была выдвинута в кругах бенгальских националистов-мусульман в 1934 г.⁶³ Эта идея не получила тогда в Бенгалии широкой поддержки. Она была, однако, подхвачена рядом идеологов мусульманского религиозно-общинного движения и развита в выдвигаемых ими проектах будущего конституционного устройства Британской Индии. Из них наиболее важен проект профессоров Алигархского мусульманского университета — Сайеда Зафарул Хасана и М. Афзаль Хусейна Кадри (1939 г.). По их схеме Британская Индия «должна была быть разделена на три полностью независимых суверенных государства»: Пакистан (который включал в свои границы мусульманские районы северо-западной Индии), Бенгалию и Хиндустан. В независимую Бенгалию включалась территория Бенгальской провинции (без дистриктов Ховра, Миднапур и Дарджилинг), а также область Силхет провинции Ассам и дистрикт Пурнеа провинции Бихар⁶⁴. Выдвигались также проекты образования независимого бенгальского мусульманского государства в составе всей Бенгалии и всего Ассама (схема Рахмат Али Чоудхури)⁶⁵; только Восточной Бенгалии и Ассама как части Индийской федерации (проект Сайеда Абдул Латифа)⁶⁶; Бенгалии (без одного-двух западных дистриктов), Ассама и всех северо-восточных княжеств, включая Сикким, опять-таки в состав Индийской федерации (схема Сикандар Хаят-хана)⁶⁷. Все эти, а также некоторые другие проекты рассматривались специальным комитетом, назначенным руководством Мусульманской лиги. В составе комитета были и бенгальцы.

В марте 1940 г. на сессии Мусульманской лиги в Лахоре была принята резолюция, которая провозглашала основной целью Лиги борьбу за создание независимых мусульманских государств: одного на северо-западе и другого на северо-востоке полуострова. Эта резолюция, внесенная А. К. Фазлул Хаком, была впоследствии названа «Пакистанской»⁶⁸.

На что рассчитывали бенгальские националисты, группировавшиеся вокруг А. К. Фазлул Хака и его сподвижников, выдвинув требование создания независимого мусульманского государства на северо-востоке Индии? Для них было ясно, что в Индии единой и неделимой господствовал бы в политической сфере Индийский национальный конгресс, а в экономической — крупная марварийско-гуджаратская буржуазия. В этих условиях осуществление требований, выдвигаемых поддерживающими «Проджа парти» социальными прослойками бенгальского об-

⁶³ Muin-ud-Din Ahmad Khan, *Muslim struggle for freedom in Bengal*, p. 69.

⁶⁴ «Speeches and documents on the Indian constitution, 1921—47», vol. II, London, 1957, pp. 462—464.

⁶⁵ R. A. Choudhury, *Pakistan*, Cambridge, 1947, pp. 247, 253.

⁶⁶ «Speeches and documents on the Indian constitution, 1921—47», vol. II, p. 444. Подробнее см.: S. Abdul Latif, *The Muslim problem of India*, Bombay, 1939, pp. 30—50.

⁶⁷ «Speeches and documents on the Indian constitution, 1921—47», vol. II, pp. 455—457.

⁶⁸ Полный текст Лахорской резолюции, принятой 23 марта 1940 г., см.: «Struggle for independence, 1857—1947».

щества, было бы маловероятным. В случае образования независимого бенгальского государства положение, по их расчетам, было бы иным: политическая власть оказалась бы у них в руках, и это дало бы им возможность провести ряд социальных реформ и прежде всего сломить губительную конкуренцию богатой интонациональной буржуазии и лишить богатых заминдаров-индусов монополии собственности на землю.

Дополнительным аргументом, обусловившим их поддержку Лахорской резолюции, было то, что она не только не предусматривала раздела Бенгалии, а требовала включения в состав единой независимой Бенгалии всего или почти всего Ассама. Таким образом, при проведении ее в жизнь было бы создано большое и сильное государство площадью 350 тыс. кв. км с населением, равным приблизительно 70 млн.

В руководящих кругах Индийского национального конгресса требование раздела Индии и выделения из ее состава независимых мусульманских государств не сразу было оценено со всей серьезностью, которой это требование заслуживало. Существовала тенденция расценивать его всего лишь как пропагандистский маневр, предпринятый с целью добиться от Конгресса уступок для имущей верхушки мусульманской общины, получить для провинций с мусульманским большинством населения особый статус в рамках единой Индийской федерации или конфедерации⁶⁹. Вместе с тем некоторые правые лидеры Конгресса истолковали Лахорскую резолюцию как призыв к разделу Бенгалии и Панджаба⁷⁰.

Необходимо особо отметить, что до апреля 1946 г., т. е. в течение шести лет, официальным лозунгом Мусульманской лиги была борьба за создание двух независимых мусульманских государств⁷¹. Лишь в апреле 1946 г. на конференции депутатов, представлявших Мусульманскую лигу и примыкавшие к ней организации в законодательных органах Британской Индии, было впервые принято официальное решение о том, что целью Лиги является «создание *единого независимого* (подчеркнуто нами. — Ю. Г.) мусульманского государства»⁷². Это заявление встретило резкую оппозицию левых лидеров бенгальского национального движения, присутствовавших на конференции, которые отстаивали идею создания независимой мусульманской Бенгалии⁷³. В связи с этим руководящие деятели Мусульманской лиги в своих публичных заявлениях начали усиленно подчеркивать высказывавшуюся ими и ранее мысль, что в независимом Пакистане «провинциям будет предоставлена полная автономия»⁷⁴.

Требование образования независимой мусульманской Бенгалии, равно как и независимого мусульманского государства на северо-запа-

⁶⁹ Влияние этих представлений можно обнаружить даже в исследованиях индийских авторов, изданных в самое последнее время. См. например: S. Gupta, *India and regional integration in Asia*, Bombay, 1964, p. 107.

⁷⁰ Подробнее см.: S. Sen, *The birth of Pakistan*, p. 143.

⁷¹ См., например, такие издания, пропагандирующие идею создания независимого Пакистана, как El Hamsa, *Pakistan*, Lahore, 1941, где в границы этого государства включены только мусульманские районы северо-западной части полуострова (ibid., pp. 24, 108—110; map. p. 109), а Бенгалия, включая Ассам, выделена в самостоятельное государственное образование (map. p. 117).

⁷² Цит. по кн.: Khalid Bin Sayeed, *Pakistan*, p. 125.

⁷³ Ibid., p. 123.

⁷⁴ A. B. Rajput, *Muslim League yesterday and today*, Lahore, 1948, p. 75. См. также: Пальм Датт, *Индия сегодня*, стр. 489.

де полуоконтинента отражало, хотя и «в очень запутанной форме, чаяния и надежды масс»⁷⁵. В националистические организации, стоящие на платформе Лахорской резолюции, хлынули тысячи молодых интеллигентов-мусульман, выходцев из мелкобуржуазных кругов, ремесленников, торговцев, арендаторов. Многие из них были «заражены социалистическими идеями»⁷⁶ и имели тесные контакты с массами. Их борьба за проведение неотложных социальных реформ, за улучшение материальных условий жизни трудящихся, активные выступления против колониальной и феодально-ростовщической эксплуатации, за независимость Бенгалии способствовали быстрому росту численности и влияния Мусульманской лиги и блокирующихся с ней партий⁷⁷.

В результате на выборах в Законодательную ассамблею Бенгалии, проходивших в начале 1946 г., Мусульманская лига и ее союзники получили большинство мест, что дало им возможность сформировать правительство, возглавляемое Х. Ш. Сухраварди (1946—1947).

Конечно, в рядах сторонников создания независимого мусульманского государства, действовавших в Бенгалии, не было единства. Различные социальные прослойки, участвовавшие в движении за образование этого государства, добивались осуществления часто противоположных целей.

Правый фланг движения составляла узкая, ничтожная по численности, но сильная своим богатством и влиянием группа крупных мусульманских помещиков-бенгальцев и блокировавшаяся с ними верхушка мусульманских богословов. Термин «бенгальские националисты» может быть применен к ним с весьма существенными оговорками, поскольку многие деятели этой группы унаследовали характерные для идеологов «сваджати» религиозно-общинные предрассудки и являлись сторонниками теории «двух наций». Их лидером был Ходжа Назимуддин (1894—1964), выходец из знатного феодального рода навабов Дакки, член Рабочего комитета Всеиндийской мусульманской лиги в 1937—1947 гг., занимавший в кабинете А. К. Фазлул Хака пост министра внутренних дел, а позднее (1943—1946) возглавивший бенгальское правительство. Британские власти за особые заслуги удостоили его почетным званием командора ордена Индийской империи. Основной целью представляемых Ходжей Назимуддином и его окружением социальных сил было сохранение в неприкосновенности их привилегий. Стремясь укрепить свое положение, они не жалели усилий для разжигания религиозных предрассудков в отсталых слоях бенгальского общества, с тем чтобы отвлечь трудящихся-мусульман от борьбы за удовлетворение их насущных потребностей. После 1946 г. эта группа деятелей поддержала идею создания единого государства мусульман Индии — Пакистана, надеясь занять в нем господствующее положение. Кроме того, они опасались также, что в независимом Бенгальском государстве их оттеснят от власти радикально настроенные лидеры, представлявшие интересы средних слоев.

Такою же позицию заняли немногочисленные богатые купцы и предприниматели — мусульмане, действовавшие в Бенгалии. Создание независимого мусульманского государства обещало открыть им новые перспективы в борьбе с захватившим лучшие позиции и численно

⁷⁵ Пальм Датт, *Индия сегодня*, стр. 478.

⁷⁶ Khalid Bin Sayeed, *Pakistan*, p. 224.

⁷⁷ По утверждению руководства Мусульманской лиги Бенгалии, в ее рядах в конце 1944 г. насчитывались 500 тыс. членов.

превосходящим противником — индусскими конкурентами. Лидером этой социальной прослойки была группа мусульманских предпринимателей Калькутты. Основную тон задавали «говорящие на урду небенгалцы»⁷⁸, которым национальные интересы бенгальцев были чужды. Руководящее положение среди них занимали такие деятели, как Хаджи Абдуссарар Абдурразак, выходец из семьи Якуба Сетха Лохани из Кача, переселившегося в Калькутту из Бомбея в конце XIX в. Х. А. Абдурразак был одним из организаторов Мусульманской торговой палаты Калькутты⁷⁹. Вице-президентом этой палаты и одновременно членом Законодательной ассамблеи провинции был М. Науман, крупный бизнесмен, отец которого переселился в Калькутту из Патны⁸⁰. Большое влияние имели выходцы из Северной и Западной Индии: Испахани, Адамджи, Каримбхон.

Мусульманская часть средней и мелкой бенгальской буржуазии, либеральных помещиков и радикальной интеллигенции связывала с созданием суверенного мусульманского государства достижение национальной независимости, ликвидацию феодальных пережитков, социальные реформы, избавление от конкуренции *английских и инациональных (марварийских и гуджаратских)* фирм. Лидеры этих кругов (наиболее видные из них: Абул Хашим, генеральный секретарь бенгальского филиала Мусульманской лиги; проф. Нафис Ахмад; Ахмад Назируддин, депутат Законодательной ассамблеи) стремились добиться взаимопонимания с верхушкой немусульманской части бенгальского общества, наладить с ней сотрудничество во имя борьбы за независимость Бенгалии. Они активно выступали против группы крайне правых деятелей, руководимых Ходжой Назимуддином, и до последнего момента в целом негативно относились к идее создания единого государства мусульман Индии. Некоторые из них призывали к использованию «великого советского опыта, особенно опыта экономических преобразований в когда-то отсталых среднеазиатских республиках — Таджикистане, Узбекистане, Туркмении и Киргизии»⁸¹.

Что же касается трудящихся мусульман — рядовых участников движения — крестьян, ремесленников, рабочих, то они связывали с созданием независимой Бенгалии избавление от феодально-ростовщической и капиталистической эксплуатации, искренне веря, что мусульманское государство будет построено, как их заверяли националистические лидеры, «на справедливом отношении к человеку в лучших традициях ислама»⁸². Они надеялись, что его создание приведет к решению аграрного вопроса, достигшего небывалой остроты в годы второй мировой войны⁸³, избавит их от нищеты и голода. Укреплению этих

⁷⁸ Из выступления Абу Хусейна Саркара в Законодательной ассамблее Калькутты. Цит. по кн.: Khalid Bin Sayeed, *Pakistan*, p. 227.

⁷⁹ «The Indian year book, 1943—44», p. 928.

⁸⁰ Ibid., p. 1028.

⁸¹ Nafis Ahmad, *The basis of Pakistan*, Calcutta, 1947, pp. 171—172.

⁸² Ibid., p. 172.

⁸³ Разразившийся в Бенгалии в 1943 г. голод, основную ответственность за который несли колониальные власти и спекулянты-перекупщики (см.: К. Ч. Гхош, *Голод в Бенгалии*, М., 1951, стр. 139—140, 144), не только унес тысячи жизней, но и привел к тому, что из 6,5 млн. крестьянских семей 260 тыс. были вынуждены полностью продать свою землю и превратиться в безземельных батраков, лишенных всех средств к существованию; 650 тыс. семей продали часть земли; 670 тыс. заложили свои участки. В результате 420 тыс. акров земель перешло от крестьян к помещикам-абсентеистам, проживавшим постоянно в городах; 290 тыс. акров земли захватили зажиточные крестьяне и помещики (B. Ch. Sinha, *Rack and ruin*, — «The modern review», vol. 80, Calcutta, 1946,

настроений способствовали отдельные меры прогрессивного характера, принятые в 40-х годах правительствами Мусульманской лиги — «Проджа парти» в результате настойчивых требований левых деятелей этих организаций (такие, как освобождение политических заключенных; включение представителей общественности в состав государственных комиссий, ведавших распределением продуктов питания; борьба с коррупцией; отмена запретов на издание ряда органов печати).

В Бенгалии существовали также националистические группировки, лидеры которых выступали за создание единого и независимого бенгальского государства в рамках суверенной Индийской федерации. Видным руководителем одной из них, входившей в Индийский национальный конгресс, был Абу Хусейн Саркар. Существовали и независимые организации (например, «Муслим маджлис» — Мусульманское собрание), стоявшие на тех же позициях. Однако большого влияния они не имели.

Коалиция с Мусульманской лигой и религиозно-общинная форма, которую приняло движение за независимость Бенгалии, как было отмечено выше, ослабляя и раскалывая это движение, давали возможность его противникам провоцировать и разжигать кровавые индуско-мусульманские столкновения. Левые лидеры националистов и даже отдельные наиболее дальновидные руководители правого крыла бенгальского филиала Мусульманской лиги, «Проджа парти» и других организаций, выступавших за независимость Бенгалии, учитывали опасность религиозно-общинных распрей. Они пытались поэтому достичь соглашения и даже установить сотрудничество с представителями других, прежде всего индуской, общин и постоянно подчеркивали, что их целью является не господство и не преобладание мусульманской общины, а лишь достижение для нее равноправного положения. Левые лидеры доказывали, что равноправие мусульман отвечает интересам всей бенгальской нации, обеспечивая ее единство и монолитность. В публичных выступлениях они выражали уважение к деятелям бенгальской культуры — индусам, отмечая, что их наследие является общим достоянием всех бенгальцев — и индусов и мусульман⁸⁴. Когда возникла угроза японского вторжения в северо-восточную Индию, националистические лидеры выдвинули идею создания сотысячной бенгальской армии для отражения агрессии; 50% ее солдат должны были быть индусами и 50% мусульманами⁸⁵. А. К. Фазлул Хак писал в августе 1942 г. в связи с этим губернатору Бенгалии Дж. Герберту: «Существует настойчивое требование, чтобы эта армия была создана теперь же; народ Бенгалии не удовлетворит никакие отговорки; это

№ 2, p. 115). В конце войны во многих районах Бенгалии свыше 70% крестьян жили на грани голодной смерти (K. Mukerjee, *Some aspects of socio-economic consequences, of the Bengal famine of 1943*, — «The modern review», vol. 80, 1946, № 2, p. 144).

⁸⁴ Важно отметить, что подобные же настроения характерны для бенгальских националистов и после 1947 г.: выступая в Учредительном собрании Пакистана в сентябре 1955 г., бенгалец Нурул Рахман заявил: бенгальцы — индусы и мусульмане — «имеют общую литературу, искусство и архитектуру, наша культура — едина, и мы все гордимся тем, что у нас есть такие поэты, как Рабиндранат Тагор и Назрул Ислам. Мы храним в нашей памяти героические свершения таких героев, как Мир Мардан и Раджа Мохан Лал, которые в битве при Плесси отдали свою жизнь за нашу независимость» («Constituent assembly of Pakistan debates», vol. I, Karachi, 1955, № 15, p. 429).

⁸⁵ В то же время ряд бенгальских лидеров считали возможным пойти на сотрудничество с Японией (среди других — Субхас Чандра Бос), полагая, что это даст им возможность покончить с британским колониальным игром.

национальное требование (подчеркнуто нами. — Ю. Г.), которое должно быть немедленно принято»⁸⁶. Таким образом, бенгальские националисты-мусульмане пытались выступать от имени всей бенгальской нации, а не только от ее мусульманской части.

В коалиционное правительство, возглавляемое А. К. Фазлул Хаком, были введены министры-немусульмане. Им были отданы посты министра финансов (Налини Ранджан Саркер), налогов (Биджой Прасад Синг Рой), связи и общественных работ (Сришчанда Нанди), акцизов и лесов (Прасанна Деб Райжут), сельскохозяйственной кооперации (Маканда Бехари Муллик). Из 11 членов кабинета 5 были немусульманами.

Надо признать, что не было недостатка в попытках наладить сотрудничество и со стороны бенгальских националистов-индусов, лидеры которых Сарат Чандра Бос, П. Гхош, Кирон Шанкар Рой, С. П. Мукерджи и другие также отстаивали идею создания единой и неделимой Бенгалии с включением в ее границы всех территорий, населенных бенгальцами.

Однако попытки сохранить единство бенгальского национального движения, облекая его при этом в религиозно-общинные одежды, провозглашая его основной, конечной целью создания независимого мусульманского государства, оказались тщетными. В один из самых ответственных моментов истории Бенгалии и всей Индии, когда после двух веков колониального угнетения перед страной открылись, наконец, реальные перспективы восстановления ее государственного суверенитета, это движение оказалось расколотым. Конечным результатом этого раскола стал раздел Бенгалии.

Агитация за раздел Бенгалии началась вскоре после окончания второй мировой войны. Кто же организовал ее и руководил ею? В интересах каких социальных прослоек, имевшихся в Бенгалии, велась эта агитация, и почему они стремились к разделу страны?

Основной социальной силой, выступавшей за раздел Бенгалии, когда в результате победы Мусульманской лиги и ее союзников на выборах и образования правительства Х. Ш. Сухраварди стало ясным, что Бенгалию не удастся удержать в составе Индийского союза, были богатые инонациональные предприниматели — индусы, выходцы из марварийских и гуджаратских торгово-ростовщических каст, захватившие в предшествующие десятилетия сильные позиции в экономике провинции, прежде всего в Калькутте и прилегающих районах. Самоопределение Бенгалии в виде независимого государства или включения Бенгалии в состав Пакистана наносило серьезный ущерб их интересам не только потому, что они оказались бы поставленными в менее выгодные условия в конкурентной борьбе со своими соперниками — бенгальской национальной буржуазией и мусульманскими дельцами из других районов Индии, обосновавшимися в Бенгалии. Не менее важным для них было и то, что многие принадлежащие им предприятия находились за пределами Бенгалии, в Северной и Западной Индии. В случае раздела Бенгалии все они оказались бы в границах одного государства — Индийского союза. Конечно, раздел Бенгалии наносил марварийским

⁸⁶ Fazlul Huq, *Moslem prime minister of Bengal*, New York, [S. a.], p. 6. Это требование до крайности обострило отношения А. К. Фазлул Хака с британскими властями и стоило ему поста главного министра: губернатор заставил А. К. Фазлул Хака в марте 1943 г. подать в отставку (*ibid.*, p. 1), в Бенгалии было сформировано правительство во главе с Ходжой Назимуддином.

предпринимателям (особенно тем из них, кто вложил свои капиталы в джутовую промышленность) определенный ущерб, однако этот ущерб не шел ни в какое сравнение с теми потерями, которыми грозило им государственное обособление всей провинции.

Постепенно к признанию желательности и даже необходимости раздела Бенгалии склонились и верхушечные слои класса помещиков — заминдары и джотадары — индусы. Бурный рост крестьянского движения в послевоенные годы⁸⁷; опасения, что правительство Мусульманской лиги — «Проджа парти» и стоящие за ними круги могут пойти после предоставления Индии независимости на серьезное ущемление их привилегий для укрепления собственного положения и предотвращения аграрной революции побудили их примкнуть к сторонникам раздела Бенгалии. Таким образом, классовые интересы, стремление сохранить в неприкосновенности хотя бы часть своих привилегий (как это не раз бывало в истории) побудили одну из прослоек имущей верхушки бенгальского общества, которая в 1905—1911 гг. выступала за единство Бенгалии, занять в новых условиях противоположную позицию.

Политической кампанией за раздел Бенгалии руководили «Хинду махасабха» и правые круги бенгальского филиала Индийского национального конгресса, вдохновляемые и поддерживаемые Бенгальской национальной торговой палатой, Торговой палатой марвари, «Марвари ассошиэйшен», «Вайшья сабха» и другими торгово-промышленными объединениями и коммуналистскими организациями, выражавшими и защищавшими интересы прежде всего марварийских и гуджаратских дельцов, но также и отдельных групп землевладельцев и предпринимателей — бенгальцев, исповедовавших индуизм.

В своей агитации они широко использовали общинные беспорядки в Калькутте, Ноакхали, Типпера и других районах, спровоцированные полицейскими агентами и реакционными деятелями обеих — индусской и мусульманской — общин летом и осенью 1946 г., заявляя, что правительство Х. Ш. Сухраварди не приняло надлежащих мер для их предотвращения и ликвидации⁸⁸. Использовался также тот факт, что в кабинете Х. Ш. Сухраварди преобладали мусульмане (единственным министром-немусульманином в этом правительстве был представитель низших — неприкасаемых — каст Джогендра Натх Мандал). Развертыванию кампании за раздел безусловно способствовали отдельные мероприятия, проведенные правительствами Мусульманской лиги — «Проджа парти» в 1937—1947 гг. в интересах верхушки мусульманской общины. Их умело использовали для укрепления своих позиций такие реакционные организации, как «Хинду махасабха»⁸⁹. Так, принятый кабинетом А. К. Фазлул Хака закон, по которому половина мест в правительственных учреждениях Бенгалии должна была быть занята мусульманами, истолковывался как угроза поголовного изгнания индусов с государственной службы (хотя и через восемь лет после введения

⁸⁷ Характеристику крестьянского движения, развернувшегося в Бенгалии в 1946—1947 гг. под лозунгом снижения выплачиваемой помещикам ренты до одной трети («тебхага») урожая, см.: А. М. Дьяков, *Индия во время и после второй мировой войны*, М., 1952, стр. 99—100.

⁸⁸ Н. К. Sarkar, *A plea for separation of West Bengal*, — «The modern review», vol. 81, 1947, № 2, p. 147.

⁸⁹ См. об этом, например, в письме С. Ч. Боса вице-королю Индии лорду Линлитгоу от 29 декабря 1940 г. (S. Ch. Bose, *Crossroads*, pp. 356—359).

этого закона в действие индусы занимали 70—75% мест в государственных учреждениях)⁹⁰.

Успеху агитации за раздел способствовала кампания экономического бойкота индусов, развернутая среди широких масс мусульман некоторыми лидерами мусульманского религиозно-общинного движения (начало ее относится к 1938 г.)⁹¹. Эта кампания нанесла ущерб не только марварийским и гуджаратским дельцам — индусам, но и индусской прослойке бенгальской буржуазии, что толкнуло многих ее представителей в объятия сторонников раздела.

Среди бенгальских интеллигентов-индусов вызывали недовольство не только коммуналистская окраска отдельных административных мер, принимаемых правительствами Мусульманской лиги — «Проджа парти», но и призывы органов печати, выступавших за независимость Бенгалии или за выделение ее из Индии в составе Пакистана, к замене значительного слоя лексики бенгальского языка, санскритской по происхождению, но прочно вошедшей в его словарь, арабскими и персидскими словами.

Что же касается бенгальских мелких буржуа, ремесленников, крестьян и рабочих — индусов по вероисповеданию, то индусско-мусульманские погромы и коммуналистская агитация привели к серьезному обострению религиозно-общинных настроений в их среде, что безусловно было на руку сторонникам раздела Бенгалии. Сказалась также слабость революционных сил, не пользовавшихся достаточно широким влиянием среди масс бенгальских трудящихся.

Опираясь на «теорию двух наций», вдохновители и организаторы кампании за раздел указывали, что индусы Бенгалии имеют такое же право на самоопределение и создание собственной провинции в составе Индийской федерации, как и мусульмане полуострова на создание собственного государства⁹². Требуя выделения западных округов Бенгалии и образования провинции Гауд (или Гаур, Гауда), где индусы будут составлять 70% населения, они доказывали, что «раздел Бенгалии — единственное безболезненное решение проблемы. В противном случае неминуема гражданская война»⁹³. Оказывая давление на мусульманскую часть бенгальского общества угрозой гражданской войны, они в то же время убеждали бенгальцев-индусов, что в неразделенной Бенгалии «смерть или порабощение будут для них единственной альтернативой»⁹⁴.

⁹⁰ Следует отметить, что после отмены в 1912 г. раздела Бенгалии численность чиновников-мусульман медленно, но неуклонно росла. В 1912 г. мусульмане занимали в наиболее важных правительственных учреждениях Бенгалии 3,7% должностей, преимущественно низших; в 1946/47 г. — 30% (вычислено по данным, приведенным в кн.: «Thaker's Indian directory, 1912», Calcutta, 1912, pp. 118—120; 1946—47, pp. 26—27). Эти изменения связаны прежде всего с приобретением бенгальцев-мусульман к европейскому образованию, разрыванием ими предпринимательской деятельности и формированием из их среды буржуазной интеллигенции.

⁹¹ «The Indian annual register, 1938», vol. II, Calcutta, 1939, p. 356.

⁹² «The Remedy», — «The modern review», vol. 81, 1947, № 2, p. 87; «Joint electorates or separation», — «The modern review», vol. 81, 1947, № 2, p. 88.

⁹³ Н. К. Sarkar, *A plea for separation of West Bengal*, p. 148. Гауда (Гаур, Гауд) — раннефеодальное государство, существовавшее в Бенгалии в VI—VII вв. н. э. Ядром этого государства были территории современных округов Муршидабад и Малда в Западной Бенгалии.

⁹⁴ «The future of Congress in Bengal», — «The modern review», vol. 81, 1947, № 2, p. 86. Своеобразная «проба сил» произошла в муниципалитете Калькутты в апреле 1947 г. Большинство муниципалитета, представлявшее интересы марварийско-гуджаратских дельцов, приняло резолюцию за раздел Бенгалии.

Когда было опубликовано заявление английского правительства от 3 июня 1947 г. (так называемый «план Маунтбэттена», вошедший в историю как Закон о независимости Индии), пятый и шестой параграфы которого предусматривали, что Законодательной ассамблее Бенгалии (а также Пенджаба) будет «предоставляться право решить путем голосования, должна ли данная провинция быть разделена или нет» между Индией и Пакистаном⁹⁵, против раздела выступили фактически только бенгальские националисты-мусульмане, потребовавшие, чтобы план Маунтбэттена был отвергнут. Однако руководящие органы Индийского национального конгресса и Мусульманской лиги приняли этот план; тем самым раздел был предрешен⁹⁶.

20 июня 1947 г. Законодательная ассамблея Бенгалии, разделившись на две части: представителей округов с мусульманским большинством населения и представителей округов с индусским большинством, провела голосование. Депутаты от первой группы округов 106 голосами против 35 отвергли раздел. Депутаты от второй группы округов (среди них преобладали индусы — члены Индийского национального конгресса и «Хинду махасабхи», следовавшие при голосовании указаниям руководства своих партий) 58 голосами против 21 высказались за раздел Бенгалии⁹⁷. Это и решило судьбу страны, поскольку, согласно Закону о независимости Индии, «если простое большинство внутри каждой группы решит в пользу раздела, раздел будет совершен». Таким образом, решение о разделе было принято голосами 93 депутатов из 220 (или 42,3% участвовавших в голосовании). Когда результаты голосования стали известны, представители округов с мусульманским большинством населения высказались (107 голосами против 34) за присоединение к Пакистанскому Учредительному собранию, т. е. за включение Восточной Бенгалии в состав Пакистана⁹⁸.

Вопрос о государственной принадлежности населенного бенгальцами Силхетского округа Ассама был решен референдумом. Так как

⁹⁵ Русский перевод текста Заявления английского правительства от 3 июня 1947 г. см. в приложении к кн.: Абул Калам Азад, *Индия добывается свободы*, стр. 341—347.

⁹⁶ Исследование основных проблем, связанных с историей раздела Индии (включая раздел Бенгалии и Пенджаба) и образованием Пакистана, а также всесторонний анализ политики английского империализма в Британской Индии, направленной на раскол страны, дан в трудах советских востоковедов В. В. Балабушевича, Л. Р. Гордон-Полонской, А. М. Дьякова и И. М. Рейснера. Основные из них: В. В. Балабушевич, *К вопросу о Пакистане*, Ташкент, 1943; Л. Р. Гордон-Полонская, *Мусульманские течения в общественной мысли Индии и Пакистана*; А. М. Дьяков, *Индия во время и после второй мировой войны*; А. М. Дьяков, *Послевоенный подъем антиимпериалистического движения. Достижение Индией независимости*, — в кн.: «Новейшая история Индии», М., 1959, стр. 429—473; И. М. Рейснер, *Индия*, — в кн.: «Новая история стран зарубежного Востока», т. II, М., 1952, стр. 247—300. См. также: Ю. В. Ганковский, Л. Р. Гордон-Полонская, *История Пакистана*, раздел I.

⁹⁷ Подробнее см.: S. Sen, *The birth of Pakistan*, p. 176.

⁹⁸ Согласно параграфу 4 Закона о независимости Индии, депутаты округов с мусульманским большинством населения могли голосовать только за то, чтобы «их конституция была разработана: а) существующим Учредительным собранием (т. е. Учредительным собранием Индии. — Ю. Г.) или б) заново созданным отдельным Учредительным собранием...» (имеется в виду Учредительное собрание Пакистана. — Ю. Г.). Никакого иного решения (например, решения о создании Учредительного собрания Восточной Бенгалии) они по условиям параграфа 8 этого же закона принять не могли, так как в случае принятия решения о разделе (а оно уже было принято голосами депутатов Законодательного собрания Бенгалии, представлявших индусские по большинству населения округа! — Ю. Г.) каждая группа Законодательного собрания от имени населения представляемой ею территории «должна сделать выбор между двумя (подчеркнуто нами. — Ю. Г.) возможностями, предложенными выше, в параграфе 4».

среди бенгальцев этого округа преобладали мусульмане, выходцы из различных районов Восточной Бенгалии (прежде всего из Майменсингха), среди которых большим влиянием пользовалась Ассамская организация Мусульманской лиги⁹⁹, руководимая популярным прогрессивным деятелем мауланой А. Х. Бхашани, свыше 70% лиц, обладавших правом голоса, высказались за присоединение к Пакистану.

Хотя «подлинные проблемы, вставшие перед страной, носили не религиозно-общинный, а экономический характер»¹⁰⁰, раскол бенгальского национального движения на коммуналистские фракции помог силам, заинтересованным в разделе Бенгалии, осуществить их планы. Этот же раскол, усилив сепаратистские тенденции в бенгальском движении, содействовал государственному обособлению Восточной Бенгалии в составе Пакистана. Бенгальским националистам, стоящим на сепаратистских позициях, удалось ценой раздела добиться выделения большей части Бенгалии из состава Индии. Они надеялись, что это откроет для бенгальской национальной буржуазии и связанных с капиталистическим предпринимательством помещиков возможности производительного использования имеющихся у них накоплений; защитит их деятельность от губительной конкуренции инационального (марварийско-гуджаратского) и иностранного капитала; поможет завоевать внутренний рынок, занять ведущие позиции в торговле, промышленности, банковском деле, на государственной службе. Стремление к претворению этих надежд в жизнь стало основой, на которой вскоре после создания Пакистана в восточной провинции этого государства вновь развернулось бенгальское национальное движение.

⁹⁹ Lal Bahadur, *The Muslim league*, Agra, 1954, pp. 325—326.

¹⁰⁰ Абул Калам Азад, *Индия добивается свободы*, стр. 265.

В. И. Казаков

БОРЬБА НАРОДА КАННАРА ЗА СОЗДАНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО ШТАТА

В независимой Индии решение национального вопроса на демократических началах стало необходимым условием социально-политического прогресса страны, ликвидации колониального наследия в этой области. Движение приобрело форму борьбы за реорганизацию административного устройства, оставленного англичанами, и создание провинций на основе этнической и лингвистической общности населения. Значительный вклад в нее внес народ каннара, населяющий часть юга страны.

В колониальный период 15 млн. каннарцев были искусственно разделены на 19 административных единиц, большинство из которых были княжествами. Каннарское национальное движение, начавшееся в последней четверти XIX в. и добивавшееся объединения своих территорий в пределах провинции Объединенный Карнатак (Екикарана Карнатака), носило антиимпериалистический характер и было направлено против феодальных порядков. Его целью было обеспечение наиболее благоприятных условий для социально-экономического, политического и культурного развития складывающейся каннарской нации. Борьба каннарцев была составной частью общеиндийского национально-освободительного движения, в немалой степени зависела от его успехов и способствовала его усилению.

Руководителем каннарского движения была местная формировавшаяся буржуазия и интеллигенция. Объединение всех каннарских территорий в отдельную административную единицу, свободную от феодальных пут, колониальной эксплуатации и пользующуюся самоуправлением, отвечало бы условиям свободного капиталистического развития, привело бы к созданию демократических институтов, в чем было заинтересовано подавляющее большинство населения.

Профессор Б. М. Срикантия, которого считают отцом каннарского ренессанса, писал: «В конце прошлого столетия и в течение первого десятилетия XX в. новые идеи создали брожение в сердцах людей, всколыхнули каннарский патриотизм. Новый национальный дух, идеалы социальных реформ, экономический прогресс, конгрессиистское движение за политические свободы и независимость, вид карты объединенной провинции Карнатак, являющейся равноправной административной единицей свободной Индии, наполнили воздух новыми звуками, новыми

усилиями. Началась борьба за объединение и величие народа Карнатака, за его право выражать свои мысли на родном языке...»¹.

В 1914 г. возникло историческое научно-исследовательское общество Карнатака, в 1915 г. — «Карнатака сахитья паришад» (Литературная академия Карнатака), а в следующем году — националистическая буржуазная организация «Карнатака сабха» (Карнатакский объединительный союз), возглавившая движение за создание национальной провинции. Однако прошло немало времени, прежде чем «Карнатака сабха» окончательно оформилась, выработала свою программу, установила связи с аналогичными организациями в других национальных районах и с некоторыми общеиндийскими партиями. Лишь в 1924 г. «Карнатака сабха» провела свою первую конференцию, одобrivшую программу борьбы за создание Объединенного Карнатака².

В 1918 г. «Карнатака сабха» обратилась с петицией к Индийскому национальному конгрессу, в которой просила реорганизовать конгрессистские провинции на лингвистической основе. Конгресс сначала отказался от проведения такой реформы, мотивируя это тем, что движение за национальные провинции будут отвлекать от борьбы за независимость³. Под влиянием развернутой «Карнатака сабха» агитации на Нагпурскую сессию Конгресса в 1920 г. явились почти 800 делегатов от Карнатака, потребовавшие поддержать их борьбу за Объединенный Карнатак. Движение каннара и других народов Индии заставило Конгресс реорганизовать свои провинции с учетом границ расселения крупнейших индийских народов. Однако Карнатакский провинциальный комитет Конгресса официально стал поддерживать движение за создание национальной провинции каннара только с 1925 г.⁴.

На первых порах под лозунгом «Екикарана Карнатака» понималось лишь выделение каннарских районов из состава «британских» провинций и образование новой административной единицы по типу Бомбея и Мадраса. С 1929 г. в каннарском движении усиливается антифеодалная направленность, его участники стали требовать ликвидации княжеств и объединения всех территорий каннара⁵.

Служащие, ремесленники, отчасти крестьяне неоднократно демонстрировали свое стремление к созданию национальной провинции во время разного рода празднеств, юбилеев и т. д. С 1937 г. 10 октября ежегодно отмечалось как «День Карнатака». Во многих районах были созданы каннарские сангхи (союзы).

¹ Стремление широких слоев населения к созданию национальной провинции особенно ярко проявлялось в периоды подъема антифеодалной и национально-освободительной борьбы, в канун второй мировой войны и после ее окончания. Но в колониальный период каннарское движение все же не приняло массового характера. Такие буржуазные организации, как «Карнатака сабха», Палата торговли Карнатака, «Карнатака сахитья паришад», Карнатакский провинциальный комитет Конгресса, не предприняли необходимых действий для вовлечения широких масс населения в национальное движение, ограничиваясь глав-

¹ B. M. Srikantia, *Mysore census report*, [S. 1.], 1941, p. 82.

² I. M. Muthanna, *History of Karnataka*, Mysore, 1962, p. 356.

³ «Linguistic provinces and the Karnatak problem, a Detailed statement by the Karnatak provincial Congress committee and the Karnatak Ekikaran Mahasamiti», Hubli, 1948, p. 23.

⁴ I. M. Muthanna, *History of Karnataka*, p. 339.

⁵ *Ibid.*, p. 355.

ным образом созывами конференций и принятием на них соответствующих резолюций, а каннарские коммунисты длительное время недооценивали значения борьбы за национальную провинцию.

Английские колонизаторы не провели реорганизации административного деления. Одной из основных причин этого было опасение, что реформа приведет к сплочению демократических сил, к росту национально-освободительного движения.

Завоевание Индией независимости дало возможность успешнее вести борьбу за решение национального вопроса, за ликвидацию феодальных пережитков.

Возглавлявший национально-освободительное движение Индийский национальный конгресс неоднократно заверял южные народы страны, что после прихода к власти он создаст для них национальные провинции. Среди каннара было широко распространено убеждение в том, что Карнатак будет создан сразу же после изгнания английских колонизаторов и сформирования конгрессистского правительства. Но Конгресс не выполнил обещания. Он стал уверять, что в интересах укрепления единства и безопасности страны следует отложить реорганизацию штатов.

В результате антифеодальной борьбы в 1947—1948 гг. 14 княжеств с каннарским населением было ликвидировано, их территории вошли в состав Бомбейской провинции. Однако и после этого народ каннара был разделен на пять частей между Бомбеем, Мадрасом, Хайдарабадом, Майсуром и Кургом, границы которых тормозили установление тесных экономических связей между различными каннарскими районами, а вместе с тем оказывали отрицательное влияние на политическую жизнь, развитие культуры, языка и пр.

В указанных районах каннара были в меньшинстве: в Хайдарабаде они составляли 10,5% населения, в Мадрасе — 6%, в Бомбее — меньше 20%⁶.

Народ каннара подвергался дискриминации и эксплуатации в экономической области. После 1947 г. английский капитал продолжал играть важную роль в ряде отраслей каннарской экономики. Например, руководство Коларскими золотоносными приисками оставалось в руках Джона Тэйлора⁷. Более сильная тамильская и гуджаратско-марварийская буржуазия продолжала проникать и действовать в Карнатаке, и каннарская буржуазия не могла с ними успешно конкурировать. Поскольку не было национальной провинции, она не имела возможности использовать для своей защиты государственный аппарат.

Администрация в Бомбее состояла из маратхов и гуджаратцев, в Мадрасе — из тамиллов. В каждой из административных единиц налога платило все население, однако государственные ассигнования на развитие каннарских районов были непропорциональны их вкладу в бюджеты провинций, т. е. администрация княжеств и провинций использовала поступления от каннара для развития районов национального большинства.

В маратхских районах строились гидротехнические сооружения, а в соседних каннарских, еще более нуждавшихся в воде, этого не предпринималось. Такое же положение наблюдалось в строительстве дорог. В 1956 г. в Майсуре, где каннара были в большинстве, на 100 кв. миль

⁶ «Linguistic provinces and the Karnatak problem...», p. 21.

⁷ «Mysore Dasara Exhibition, Official Handbook and guide», Bangalore, 1948, p. 87.

приходилось 36,7 мили дорог, в каннарских районах Мадраса — 26 миль, Бомбея — 21,6, Хайдарабада — 8,3 мили⁸.

Ко времени завоевания независимости промышленность в каннарских районах была развита очень слабо, хотя сырьевые материалы были в изобилии. Например, Северный Карнатук выращивает ряд лучших индийских сортов хлопчатника. Он дает треть всего хлопка штата Бомбей. Но в каннарских районах имелись только 3 текстильные фабрики из 200, расположенных в Бомбее.

По условиям предварительного соглашения электростанция Джок на границе с соседними маратхами одну половину электроэнергии должна была направить в маратхскую часть Бомбея, а другую — в каннарские районы Дхарвар и Канара, но последние даже десять лет спустя (в 1956 г.) едва ли получали ее десятую часть⁹.

Мальнад — богатейший каннарский район, где имеются в изобилии лесные ресурсы с ценными породами деревьев, минеральное сырье, источники энергии. Центральное правительство создавало специальные комитеты и неоднократно проводило обследования, но провинции и княжества не могли договориться между собой о промышленном развитии Мальнада, а каждому из них в отдельности решение такой проблемы было не под силу.

Население и особенно буржуазия каннара не раз протестовали против экономической дискриминации. Такие протесты особенно настойчиво прозвучали на Мальнадской конференции в апреле 1954 г., на которой присутствовали около 1400 каннарских торговцев, предпринимателей, представителей торговых палат, общественно-политических деятелей. Участники конференции потребовали создания Объединенного Карнатака¹⁰, однако положение не изменилось.

Народ каннара подвергался дискриминации и в других сферах. Там, где он был в меньшинстве, ему грозила ассимиляция со стороны маратхов, телугу, тамиллов. Каннарцам приходилось испытывать значительные трудности при обращении в административные учреждения, поскольку руководящие посты были заняты представителями национального большинства, которое не понимало их языка. По признанию одного из специальных комитетов Бомбейского правительства, каннарская часть провинции по сравнению с ее другими национальными районами имела наименьшее число школ, колледжей и т. д.¹¹.

Несмотря на демонстрации протеста в феврале 1954 г., правительство Бомбея решило распространить на каннарские районы дистрикта Бидар, где каннара составляют 80% населения, положение о том, что языком судопроизводства должен быть маратхи¹².

В Хайдарабаде, где господствовал феодальный режим низама, официальным языком княжества был объявлен урду, руководящие должности в княжестве могли занимать лишь мусульмане, а так как каннара по религии — индусы, то они такого права лишались.

⁸ «Mysindia», 17.XI.1960.

⁹ «Memorandum submitted to States reorganisation commission by the Praja socialist parties of Mysore state, South Kanara and Bombay Karnatak on the formation of Karnatak province», [S. 1.], 195- p. 14.

¹⁰ «Mysore Dasara souvenir», Bangalore, 1962, pp. 45—48.

¹¹ «Memorandum for United Karnataka state submitted to the States reorganisation commission by Karnataka Pradesh congress committee as adopted in the All Karnataka representative convention held at Davangere on 28-th and 29 May 1954», Bangalore, 1954, p. 23.

¹² «Deccan herald», 1.III.1954.

Дискриминация в социально-экономической и культурной областях служила тормозом для распространения образования и развития культуры.

Таким образом, после 1947 г. демократические права народа каннара продолжали ущемляться и многие из прогрессивных положений Конституции 1950 г. существовали для каннара лишь на бумаге. Каннарцы вынуждены были уйти с конференции президентов панчаятов штата Мадрас в 1954 г., так как для них не делали перевода с тамили на каннара и обратно. По этой же причине 12 каннарских представителей в Законодательном собрании штата не могли принимать равноправное с тамилами участие в его работе¹³.

Плодами завоеванной народами Индии политической независимости воспользовалась в первую очередь буржуазия. Но не все ее национальные отряды получили одинаковые условия для оказания влияния на государственный аппарат. В этом отношении возможности каннарской буржуазии оставались весьма ограниченными. Но она надеялась исправить положение в результате создания Объединенного Карнатака и поэтому продолжала выступать за реорганизацию административного деления и образование национального штата.

В 1947—1950 гг. каннарское движение достигло значительного подъема. По массовости борьбы впереди всех каннарских районов был Северный Карнаток, где мелкие княжества одно за другим включались в состав Бомбейской провинции, кроме того, в соседней с каннара Теллингане разворачивалось крестьянское восстание. Особенно активное участие в движении стали принимать крестьяне, средние городские слои и учащаяся молодежь. В резолюции молодежной конференции, состоявшейся в Давангере 28 июня 1949 г., говорилось: «Конференция решительно заявляет, что, если новая конституция не предусмотрит создание провинции Карнаток, она будет полностью отвергнута народом каннара, как не выражающая демократической воли народа»¹⁴.

3 декабря 1949 г. на заседании в Хубли Карнатакский комитет Конгресса призвал всех каннара выйти из законодательных органов в провинциях и центре в знак протеста против задержки создания Карнатака¹⁵. Решения в Хубли вызвали большое беспокойство в центральных органах Конгресса. Однако сами руководители конгрессистов в Карнатаке испугались реакции, вызванной их решением, и не подкрепили его столь же решительными действиями. В их среде произошел раскол. Большая группа членов Карнатакской провинциальной организации Конгресса вышла из рядов Национального конгресса и создала новую партию «Екикаран Пакш», которая стала призывать вести более решительную борьбу за создание Карнатака, в чем ее поддержало большинство каннара Бомбея, Мадраса, Курга, Хайдарабада и Майсура.

Вместе с тем в 1947—1950 гг., в период подъема антифеодалной борьбы и движения за создание Карнатака, в Майсуре активизировались силы, заинтересованные в сохранении княжества. Сторонники махараджи стали стремиться использовать Майсурскую организацию Конгресса для защиты феодального режима. С этой целью они выступили за ее отделение от Карнатакской провинциальной организации, предоставление конгрессистам Майсура прав отдельной провинциальной ор-

¹³ «Deccan herald», 16.V.1954.

¹⁴ «Karnataka youth conferences», Dharwar, 1950, p. 17.

¹⁵ «Memorandum for United Karnataka state...», p. 12.

ганизации. В январе 1950 г. это требование было удовлетворено, что означало усиление позиций руководства Майсурского комитета Конгресса, его веса при обсуждении и решении общеиндийских проблем. Руководство Майсурской организации Конгресса во главе с К. Ханумантхайей использовало новые права прежде всего в борьбе за укрепление позиций майсурского махараджи и сохранение княжества.

Махараджа и руководство конгрессистов Майсура пытались использовать каннарское национальное движение для расширения княжества. Используя стремление каннара к объединению, они призывали население и организации соседних каннарских территорий бороться за присоединение к Майсуру. В то же время они заявляли не только о своем стремлении сохранить телугские территории, но призывали тамиллов и телугу присоединиться к Майсуру. Махараджа и главный министр совершили агитационные поездки по соседним каннарским районам.

На собрании в Хубли 4 февраля 1954 г. главный министр Майсура Ханумантхайей говорил: «Я предлагаю слияние соседних районов с Майсуром. Это самый короткий путь к успеху. Если при реорганизации штатов принимать во внимание только язык, то Майсур должен быть разделен и из него выделены телугские и тамильские районы. Никто не согласится с этим, и это невозможно. Как и в случае с Беллари¹⁶, Бомбейский Карнатак и Хайдарабадские дистрикты могут быть слиты с Майсуром. Эта процедура — самая легкая... Нет силы на земле, которая могла бы стать на пути могучего стремления народа к единству Карнатака»¹⁷.

Под влиянием обещаний руководства Конгресса создать новые провинции после всеобщих выборов в каннарском движении в 1951—1952 гг. наблюдался некоторый спад. Новый подъем, начавшийся в конце 1952 г., продолжался до 1956 г. Его начало было связано с движением телугу за создание своего национального штата (Андхра Прадеш) и решением правительства об образовании Андхры. Телугу продемонстрировали, что можно добиться победы.

Между каннара и телугу имеется много общего, существуют тесные связи между их организациями, поэтому в каннарских районах внимательно следили за андхрским национальным движением. Еще в январе 1948 г. каннарские члены законодательных собраний в меморандуме Рабочему комитету Конгресса отмечали, что «провинция Карнатак должна быть создана одновременно с Андхрой». Президент Конгресса Раджендра Прасад заверял, что «нет и не может быть намерения проводить дискриминацию Карнатака»¹⁸. Однако в 1953 г. правительство приняло решение лишь о создании штата Андхра, что было воспринято в Карнатаке как дискриминация каннара.

Кампании в поддержку требования создать Карнатак начинают проходить с массовым участием средних городских слоев и отчасти крестьянства. Демонстрация в Хубли в апреле 1953 г., проходившая перед началом сессии Карнатакского комитета Конгресса под лозунгом «Екикарана Карнатака», насчитывала около 50 тыс. человек¹⁹. Для ее разгона полиция открывала огонь. Под меморандумом крестьян в Законодательное собрание Майсура, в котором среди экономических тре-

¹⁶ Семь каннарских районов Беллари были присоединены к Майсуру в 1953 г.

¹⁷ «Documents of the formation of United Karnataka state», Mysore, 1956, p. 11.

¹⁸ «Memorandum submitted to States reorganisation commission by the Praja socialist parties...», pp. 12—13.

¹⁹ «New age», w., 28.X.1956.

бований было требование о создании объединенного каннарского штата, имелось свыше 20 тыс. подписей²⁰.

По примеру видного телугского общественно-политического деятеля Поти Шрирамулу, один из каннарских деятелей Шанкар Говда Патиль провел в Хубли длительную голодовку, требуя создания Объединенного Карнатака. В августе 1953 г., после двухмесячной подготовки, началась кампания неповиновения, поддержанная организациями всех частей Карнатака²¹. Ее участники заявляли, что не прекратят кампании до тех пор, пока Объединенный Карнаток не будет создан. За 1953 г. были арестованы около 500 человек²². Поддержка борьбы всеми оппозиционными партиями, включая коммунистов, проведение ими совместных конференций свидетельствовали о возможности возникновения в каннарских районах единого национального фронта.

Усиление борьбы различных индийских народов за создание национальных штатов заставило центральное правительство в декабре 1953 г. образовать Комиссию для рассмотрения вопроса о реорганизации административного устройства.

Однако в Карнатаке к новой комиссии отнеслись с большим недоверием. Еще в сентябре, во время встречи делегации каннарских членов парламента с премьер-министром, ее руководитель президент Карнатакского комитета Конгресса С. Ниджалингаппа расценивал появившийся план создания упомянутой комиссии как «один из маневров с целью задержать принятие окончательного решения». Это мнение нашло отражение в решениях конгрессистской конференции Карнатака в февралю 1954 г.²³ В 1954—1955 гг. в каннарских районах, особенно в городах, продолжают проходить митинги, демонстрации, конференции организаций, требовавшие создания Карнатака.

В 1953—1956 гг. обострилась борьба между сторонниками и противниками Объединенного Карнатака. Законодательное собрание, правительство, руководство конгрессистской организации раскололись на две примерно равные группы и не смогли выработать никаких меморандумов для подачи Комиссии по реорганизации штатов. Подъем национального каннарского движения в каждой из административных единиц показал бесперспективность борьбы за расширение Майсура. Поэтому сторонники сохранения Майсура стали стремиться не к расширению, а к сохранению хотя бы того, что было в их руках. С 1953 г. они выдвинули два равнозначных по содержанию лозунга: «Майсур — для майсурцев» и создание двух Карнатаков (т. е. создание Северного Карнатака и сохранение старого Майсура).

Силы противников создания Объединенного Карнатака были неоднородны. Махараджа Майсура с его окружением и помещики рассматривали реорганизацию штатов как шаг к окончательной ликвидации княжеств. Помещики опасались также, что на Майсур будет распространено более прогрессивное аграрное (в частности, арендное) законодательство бомбейской части Карнатака. Феодалов поддерживала южномайсурская буржуазия, считавшая, что в результате объединения к власти придет более многочисленная северокарнарская буржуазия.

²⁰ «New age», w. 27.III.1954.

²¹ «New age», w. 7.XII.1953.

²² «Memorandum submitted to States reorganisation commission by the Praja socialist parties...», p. 3.

²³ «Resolutions passed at the Congress convention held at Hubli on 4/2 1954», Resolution № 2.

которая будет стремиться направлять ассигнования в первую очередь на развитие своих районов.

Сохранение Майсура отвечало также интересам некоторых политических деятелей, видевших в этом возможность сохранить свое влиятельное положение. По подсчетам бывшего президента конгрессистского комитета княжества Вирана Говдха, майсурцы могли рассчитывать на получение лишь 76 мест в новом законодательном собрании, в то время как каннарцы других районов — 80²⁴.

Наиболее активными лидерами оппозиции были члены правительства Майсура — конгрессисты А. Г. Рамачандра Рао, Т. Чанниах, Кадидал Манджаппа.

Противники Объединенного Карнатака использовали исполнительные органы власти Майсура, Майсурскую организацию Конгресса для защиты своих интересов. Так, в разгар борьбы (1955 г.) главный министр Ханумантхайя обратился к служащим, численность которых достигала 1 млн., с призывом не участвовать в «лингвистических спорах». «Если вы так поступите, вы окажете большую услугу стране»²⁵.

Помещики призывали крестьян поддержать их в борьбе против Карнатака и пытались порой говорить от их имени. Например, председатель законодательной ассамблеи Майсура крупный помещик К. Лаккаппа заявлял, что 99,5% его избирательного округа в Ченнараяпатна и 85% населения дистрикта Хассан выступают против создания каннарского штата²⁶.

Противники создания Объединенного Карнатака раздували межкастовые разногласия и стремились использовать их в борьбе за сохранение Майсура. Если господствующей общиной Майсура были ваккалиги, составлявшие 29% населения, то самой крупной общиной Северного Карнатака были лингаяты (или вирасайва) — 35—40% населения. В Объединенном Карнатаке лингаятов должно было быть свыше 20%, ваккалигов — 13—14%, хариджанов — 17—18%²⁷, таким образом, ваккалиги теряли положение господствующей общины.

Лингаяты и ваккалиги не являются однородными общинами. Большую часть ваккалигов составляют крестьяне, есть среди них также ремесленники, торговцы, служащие. Во главе ваккалигов стоит каста бхунтов, главным образом крупные помещики. К числу ваккалигов относились многие лица из руководства Майсура (Ханумантхайя, Гундаппа Говда, Кадидал Манджаппа и др.). Махараджа был тесно связан с ваккалигскими банками.

70—80% лингаятов, проживающих в сельской местности, — малоземельные крестьяне. Касты банаджигга, джангама, шеттару, араджия, численность которых достигает 100 тыс. человек (из 3293 тыс. лингаятов по оценке на 1960 г.²⁸), являются более развитыми. К этим кастам относятся многие мелкие и средние буржуа Северного Карнатака. Таким образом, существовало соперничество между высшими кастами двух религиозно-кастовых общин, однако эти касты выступали от имени всех членов своих общин. Майсурская оппозиция запугивала вакка-

²⁴ «Deccan herald», 9.XI.1955.

²⁵ «On bilingual states, speeches by shri K. Hanumanthaya, Chief Minister, Mysore, 1956», Bangalore, 1956, p. 2.

²⁶ «Deccan herald», 16.X.1955.

²⁷ «Report of the States reorganisation commission, Government of India Press», New Delhi, 1955, p. 91.

²⁸ «Mysore backwards classes. Report», 1962, p. 35.

лигов тем, что лингяты будут угнетать ваккалигов, заставят их отказаться от своих религиозных верований, обрядов и пр. Ассоциация лингятов штата Майсур выступала за создание Объединенного Карнатака, а Ваккалигарский союз — против.

В проводившейся пропагандистской кампании противники Объединенного Карнатака стремились воздействовать на собственнические интересы людей, угрожали ухудшением и без того трудных материальных условий жизни в случае создания национального штата. «Мы платили гораздо больше налогов, чем в Карнатаке, поэтому мы развиты. Сейчас Карнатак придет на готовое»²⁹.

Этот тезис получил наиболее полное обоснование в докладе Комитета Сешадри в 1954 г. Подготовленный лицами, тесно связанными с феодальным режимом, он приводил в основном сравнительные экономические данные. Доклад показывал, что в то время как Северный Карнатак был отсталым районом в экономическом и культурном отношении, Майсур был хорошо развит «благодаря усилиям махараджей и диванов». Основной вывод был следующим: «Не в интересах майсурцев брать под свое покровительство территории, в экономическом отношении отставшие от Майсура»³⁰.

Майсурская оппозиция имела союзников в лице части кургской и мангалурской буржуазии и помещиков, которые также энергично вступили в последний этап борьбы (1952—1956) против создания Объединенного Карнатака и требовали предоставления их районам автономии. Торговая палата Мангалура в 1954 г. направила свой меморандум Комиссии по реорганизации штатов с просьбой создать отдельный штат Мангалур или Тулувару³¹, где преобладающее положение было бы за тулу, чей язык власти считают диалектом каннара. Однако движения тулу и кургов за создание отдельных штатов не были массовыми, а в среде их буржуазии по этому вопросу не было единства.

9 октября 1955 г. Комиссия по реорганизации штатов, уступая демократическому движению народа каннара, рекомендовала создать Объединенный Карнатак. Учитывая исторические и национальные особенности Курга, она предлагала создать для него отдельный дистрикт в новом штате. Подавляющее большинство каннара приветствовали рекомендации. Панчаяты, муниципалитеты, общественные организации принимали резолюции, одобрявшие намерение создать национальный каннарский штат. Комитет управляющих палаты торговли Карнатака был «счастлив» узнать о рекомендациях Комиссии³².

500 представителей различных частей территории каннара на специальной сессии Конгрессистского комитета Карнатака с большим энтузиазмом приветствовали доклад Комиссии³³. Законодательная ассамблея Майсура 57 голосами при 35 воздержавшихся одобрила предложение о создании Карнатака³⁴.

Хотя организация ваккалигов выступила против создания Объединенного Карнатака, однако другие кастовые объединения Майсура —

²⁹ «Mysore legislative council. Extracts of debates on the States reorganisation commission report, November 1955—December 1955, pt I, pt II», Bangalore, 1955, p. 174.

³⁰ «Report of fact finding committee (States reorganisation)», Bangalore, 1954, p. 133.

³¹ «Lok Sabha debates», vol. 34, New Delhi, 1959, September, № 29—30, p. 7547.

³² «Hindu», 8.XII.1955.

³³ «Hindu», 4.XI.1955, p. 2.

³⁴ «Documents of the formation of United Karnataka state», p. 56.

Общемайсурская конференция хариджанов, Общемайсурская конференция курубаров, лингаяты — одобрили рекомендации Комиссии³⁵.

Однако сторонники создания двух каннарских штатов не успокоились. Они имели влияние среди учащейся молодежи Майсура и организовали ее выступления. В демонстрации в Мандии участвовали 300 студентов; в Майсуре — 200, Хассане — 200 и т. д.³⁶. Большую часть из 2 тыс. подписей, поставленных под меморандумом протеста от г. Майсура, составляли подписи торговцев, ремесленников, интеллигенции³⁷.

Сторонники сохранения Майсура предприняли последние усилия в своем оплоте — в Мандии. Там 1 января 1956 г. состоялся съезд Конвента, выступавшего против создания Объединенного Карнатака. Силы оппозиции на нем были представлены наиболее полно: крупные помещики, часть ваккалигской буржуазии, представители администрации. Принятая резолюция осуждала доклад Комиссии как наносящий ущерб интересам майсурцев, требовала сохранить Майсур, призывала обеспечить интересы раджпрамукха. Но оппозиция была не настолько сильна, чтобы сорвать борьбу каннара за образование единого национального штата. Хотя последние резолюции еще не были приняты, неизбежность создания Объединенного Карнатака становилась все более очевидной.

В этих условиях те, кто выступал за сохранение Майсура, поддерживали планы создания многонациональных штатов, интенсивно обсуждавшиеся в стране с конца января по март 1956 г. Свое предпочтение они отдавали созданию Дакшина Прадеш, состоящего из Майсура, Траванкур-Кочина, Мадраса, или объединению Майсура либо с Траванкур-Кочином, либо с Мадрасом. При этом имелось в виду, что в новой административной единице каждый район будет иметь некоторую автономию. Главный министр Майсура Ханумантхайя и раджпрамукх официально заявили о своем согласии с этими планами³⁸.

Поддержка некоторой частью майсурцев, в частности майсурским руководством, создания многонациональных штатов объяснялась стремлением сохранить то благоприятное положение, которое было у них в Майсуре и которого они могли лишиться в случае прихода к власти в Объединенном Карнатаке лингаятской североканнарской буржуазии. Часть южномайсурской буржуазии поддерживала образование Дакшина Прадеш, потому что экономически была тесно связана с Мадрасом. Феодалам Майсура импонировал союз с феодалами Траванкур-Кочина. Со своей стороны, тамильская буржуазия всячески поддерживала образование многонационального южноиндийского штата, поскольку и в малайяльских и каннарских районах она имела сильные экономические позиции³⁹. Однако боязнь тамильского господства отталкивала большую часть майсурской буржуазии от поддержки планов объединения с Мадрасом.

Демократическая общественность Индии считала предложения об

³⁵ «Deccan herald», 9.XI.1955.

³⁶ «Deccan herald», 11.X.1955, p. 1.

³⁷ «Hindu», 7.X.1955, p. 1; см. также «Documents of the formation of United Karnataka state», p. 64.

³⁸ «Documents of the formation of United Karnataka state», p. 73.

³⁹ Только в городе Бангалуре действовало свыше 3500 тамильских торговцев и ростовщиков. К. N. Venkatarayappa, *Bangalore (A socio-ecological study)*, sociology series, Bombay, 1957, № 6, pp. 32—33.

образовании многонациональных штатов реакционными. Их принятие могло ухудшить отношения между индийскими народами, усугубить национальную рознь. Мощные демонстрации протеста прошли в Западной Бенгалии, Бихаре, Махараштре, Гуджарате, Андхре, Мадраसे, Керале.

Большинство населения Майсура требовало создания национального штата. На множестве собраний и конференций различных организаций принимались резолюции, осуждавшие предложения об образовании многонациональных провинций. По инициативе коммунистов день 18 марта был объявлен днем протеста против этих предложений. В результате Майсурская ассамблея также высказалась против образования Дакшина Прадеш⁴⁰. Реакция была вынуждена отказаться от своих планов. После этого на повестку дня снова встало предложение Комиссии по реорганизации штатов о создании Объединенного Карнатака.

В канун принятия окончательных решений разгорелись споры по двум вопросам: о названии будущего каннарского штата и о его конституционном главе (губернаторе).

Представители северных районов, демократическая общественность каннара требовали назвать штат в соответствии с исторической традицией — Карнатаком. Руководство Майсура настаивало на том, чтобы распространить название княжества на всю каннарскую территорию. Ханумантхайя доказывал, что это необходимо для того, чтобы «не дать возможности телугу и другим народам думать, что штат будет принадлежать только каннара»⁴¹. Уже после одобрения законопроекта о создании каннарского штата оппозиции удалось добиться принятия специальной резолюции: «Ассамблея и Совет считают, что при существующей обстановке в Индии для быстрого развития различных районов и для обеспечения ее единства и безопасности желательно, тогда когда это будет наиболее удобно, создать многонациональные штаты с региональными советами для каждого лингвистического района»⁴². Ханумантхайя и другие деятели пытались трактовать это решение как стремление каннара к объединению с другими народами. Спустя семь лет генеральный секретарь Конгресса К. К. Шах, используя эту резолюцию, предложил объединить Кералу с Майсуром⁴³. Правым удалось также добиться назначения бывшего раджпрамукха Майсура губернатором нового штата; тем самым феодальные круги сохранили возможность оказывать влияние на политику нового правительства. Общественность каннара продолжает бороться за наиболее последовательное решение этих вопросов. Острые споры продолжают разгораться между правительствами Майсура и Махараштры из-за ряда пограничных районов. Однако основная цель борьбы каннара — создание национального штата Объединенный Карнатак — в ноябре 1956 г. была достигнута. Демократическое движение народа каннара за свои национальные права завершилось победой.

В новом штате Майсур каннарцы составляют большинство. Вме-

⁴⁰ «New age», w. 22.IV.1956.

⁴¹ «The Mysore legislative assembly debates, vol. XIII, Seventh session of the Legislative assembly, 1955», Bangalore, 1957, p. 1525.

⁴² «Documents of the formation of United Karnataka state», p. 76.

⁴³ «Deccan herald», 9.II.1963. Ханумантхайя в настоящее время требует присоединить Гоа к территории штата Майсур, хотя в национальном отношении между ними мало общего («Times of India», 7.III.1963).

сте с тем в нем есть несколько национальных меньшинств. На границе с Махараштрой проживает большое число маратхов, в городах — около 600 тыс. хиндустани, среди которых много мусульман, на западе штата — тулу и курги. В новом штате национальным меньшинствам не уделяется должного внимания. Хиндустани, говорящие на языке урду, жалуются на проявления национальной дискриминации: не выпускается нужного количества учебников, не хватает школ и пр.

Вначале району Курга были предоставлены права дистрикта, однако уже в мае 1959 г. Комитет под председательством А. Д. Горвалы, созданный для изучения административной системы Майсура, предложил сократить число дистриктов с 19 до 16, в частности за счет упразднения дистрикта Кург⁴⁴. Образование штата Майсур оказало влияние на разные стороны жизни народа каннара. Важнейшим социально-политическим последствием этой реформы явилась ликвидация остатков крупных княжеств на каннарской территории.

Добившись создания национального штата, местная национальная буржуазия стремится осуществить такие мероприятия, которые обеспечили бы создание наиболее благоприятных условий для ее предпринимательской деятельности. Сразу же были национализированы Коларские прииски, где английский капитал сыграл значительную роль. Правительство штата решило сделать основной упор на развитие мелкой промышленности, включая ее современные отрасли. В течение грядущего десятилетия оно намерено вложить в нее 104,7 млн. рупий⁴⁵. Используя государственный аппарат, каннарская буржуазия настаивает на предоставлении ей соответствующего места на общендийском рынке и т. д. Но не все группы каннарской буржуазии в одинаковой степени выиграли от образования национального штата.

Североканнарская буржуазия впервые получила возможность оказывать существенное влияние на государственный аппарат. Ее представители заняли влиятельное положение в исполнительных и законодательных органах штата. Почти половина министерских портфелей (внутренних дел, финансов, образования) перешла к представителям Бомбейского Карнатака. Представитель Северного Карнатака Ниджалингаппа стал главным министром. В то же время майсурцы не были полностью отстранены от управления штатом. Сложившаяся коалиция северной и майсурской буржуазии стремится обеспечить прежде всего собственные интересы, не уделяя достаточного внимания другим районам (Хайдарабадский Карнатак, Мангалур и пр.). Несмотря на обоснованные петиции мангалурской буржуазии, нынешнее правительство не уделяет должного внимания осуществлению ряда проектов в ее районе (строительство железной дороги и др.), хотя претворение их в жизнь способствовало бы более быстрому развитию ресурсов Западного Карнатака. Газета «Таймс оф Индия» возлагает значительную часть вины за это «на правительство штата, поскольку оно относится с безразличием»⁴⁶ к развитию некоторых районов Карнатака.

В новом штате различные группы буржуазии продолжают использовать в своей конкурентной борьбе религиозно-общинное и межкасто-

⁴⁴ G. S. Halappa, *Studies in State administration*, — «Reorganisation of Mysore state. A review», Dharwar, 195—, p. 649.

⁴⁵ «Mysore, 1951—1961, A bird's eye-view of progress achieved during the last ten years», Bangalore, 1961, p. 82.

⁴⁶ «Times of India», 1.XII.1962.

вое соперничество (в частности между лингаятами и ваккалигами) Поскольку касты, отнесенные к категории «отсталых» и «более отсталых», получают некоторые льготы: резервированный процент мест на государственной службе, при сдаче конкурсных экзаменов на замещение различных должностей и другие, наиболее привилегированные касты обеих общин добиваются отнесения лингаятов и ваккалигов к категории «отсталых», что позволит ведущим кастам обеих общин распределить между собой дополнительное число мест в государственном аппарате.

Демократические силы каннара выступают против использования кастовых предрассудков в политической и экономической борьбе. После создания национального штата молодежные, женские, рабочие, крестьянские организации, организации интеллигенции и другие провели перестройку своих аппаратов и стали выступать от имени соответствующих социальных групп всего Майсура. Ликвидация раскола в демократических каннарских организациях будет служить залогом усиления борьбы за интересы трудящихся.

Создание каннарского штата открыло более благоприятные возможности для развития каннарской культуры и языка. Таким образом, реформа 1956 г. стала важной вехой в истории народа каннара. Она положила начало новому этапу в развитии каннарской нации.

Л. И. Юревич

НАГАЛЕНД

(к истории создания нового штата Индии)

В декабре 1963 г. на карте Индии появился новый, шестнадцатый, штат — Нагаленд («Земля нага»). Решение о его создании было принято в августе 1960 г. Нагаленд расположен на крайнем северо-востоке Индии и граничит на западе со штатом Ассам, на юге — с Манипулом — территорией, управляемой из центра, на востоке — с Бирмой и на севере — с Северо-Восточной пограничной областью (NEFA), подчиняющейся через губернатора Ассама центральному правительству. Территория Нагаленда — 6366 кв. миль, население — 369,2 тыс.¹, административный центр — Кохима.

Образование Нагаленда — результат борьбы народностей нага за создание своего штата, одно из звеньев реорганизации административного деления независимой Индии. После достижения Индией суверенитета усилились национальные движения отдельных народов страны, одной из наиболее широких и распространенных форм которых стала борьба за переустройство на национальной основе прежнего искусственного, навязанного английскими колонизаторами административного деления. Характерно, что после завоевания страной независимости эта борьба охватила не только крупные и развитые народы, которые и в колониальный период добивались создания однородных в национальном отношении административных единиц (так называемых лингвистических провинций), но и малые народности и племена, только после 1947 г. выступившие с требованиями предоставить им широкую автономию, признать их языки равноправными с языками основных народов Индии т. д.

Оживление борьбы отдельных народов было тесно связано с достижением Индией независимости и вытекающими отсюда процессами: развитием капитализма, введением буржуазных демократических свобод, оживлением политической жизни, ростом влияния одних народов (более развитых) на другие.

Именно под давлением этого массового движения за развитие национальных языков и культуры, за национальное самоопределение, за объединение в пределах одной административной единицы, за ликвидацию такого пережитка колониализма, как княжества, правящие круги Индии были вынуждены перестроить административное деление

¹ «India. A reference annual 1963», New Delhi, 1963, p. 396.

страны². Эта реформа проводилась поэтапно. В 1947—1950 гг. были ликвидированы многие княжества, ограничивалась власть князей, оставшиеся княжества получали статус штатов. В 1953 г. был создан первый штат по лингвистическому (или национальному) признаку — Андхра Прадеш. В 1956 г. в стране была проведена реорганизация штатов; большинство из них создавались по национальному принципу, княжества окончательно ликвидировались. Наконец, весной 1960 г. двуязычный штат Бомбей был разделен на два национальных штата — Махараштра и Гуджарат, а в конце того же года правительство приняло решение об образовании штата Нагаланд.

Численность нага, по переписи 1951 г., 290 тыс. (они живут также и в Манипуре). Нага не представляют собой единой народности, а состоят из различных племен (или этнических групп), достигших разной степени экономического и культурного развития. Наиболее развитой, сплоченной и вместе с тем воинственной группой являются ангами (23 тыс.)³; самая многочисленная группа — коньяк (63 тыс.), за ней следуют ао (50 тыс.), сема (48 тыс.) и др.⁴. По этническому признаку нага относятся к ассамо-бирманской группе. Отдельные племена говорят на различных диалектах ассамо-бирманской языковой группы, между собой они объясняются на ломаном ассамском или английском языках.

Что касается религии, то у нага господствуют анимистические и тотемистические верования. Нага поклоняются различным духам, обожают природу (деревья, реки, горы); особым предметом поклонения служат камни. Многочисленные религиозные обряды сопровождаются массовыми танцами, песнями и пиршествами⁵. После подчинения Ассам английскими колонизаторами в начале XIX в. среди нага начали активно действовать христианские, главным образом баптистские миссионеры. В настоящее время среди этих племен насчитываются несколько десятков тысяч баптистов, однако у них сохраняются и свои самобытные религиозные представления.

Различные группы нага находятся на разных ступенях классовых отношений; но у всех нага (правда, в неодинаковой степени) сильны пережитки родо-племенного строя (прежде всего экзогамия)⁶. Сохранилось деление на племена, а внутри них — на экзогамные родовые группы. Одни племена выбирают своих вождей, у других власть вождей

² Подробнее о реорганизации административного деления Индии см.: Л. И. Юревич, *Борьба народов Индии за реорганизацию штатов на языковой основе*, — «Вопросы истории стран Востока», М., 1958; Т. Ф. Девяткина, А. М. Дьяков, *Создание штатов по лингвистическому принципу и ликвидация княжеств*, — сб. ст. «Независимая Индия», М., 1958; Л. В. Шапошников, *Борьба народов Индии за национальное самоопределение и реорганизацию штатов (1950—1956)*, — «Индия и Афганистан. Очерки истории и экономики», М., 1958; Т. Ф. Девяткина, *Ликвидация княжеств в современной Индии*, М., 1961.

³ Именно ангами наиболее часто по сравнению с другими племенами нага выступали против ахомских правителей Ассам и против английских колонизаторов.

⁴ V. Elwin, *Nagaland*, Shillong, 1961, p. 5.

⁵ Более подробную этнографическую и социально-экономическую характеристику нага см. в кн.: «Народы Южной Азии», М., 1963, стр. 483—495. См. также ст.: Б. А. Калягин, *Хозяйственный уклад и формы собственности племен нага*, — «Народы Азии и Африки», 1965, № 1.

⁶ Одним из пережитков является и охота за человеческими черепами. Ее нага объясняют так: если мужчина принес череп убитого в свою деревню, это придает деревне силу. Черепа служат главным украшением нага-мужчин. В последнее время в связи с развитием народностей нага, а также в результате борьбы властей с этим первобытным обычаем он постепенно изживается (последний случай зарегистрирован в 1958 г.).

передается по наследству. Большую роль в общественной жизни играют выборные советы старейшин.

Основное занятие нага — подсечно-огневое или террасное земледелие, они возделывают главным образом рис и просо. Пахотная земля, как правило, находится в собственности семьи или отдельных лиц; пастбища, леса и пустоши составляют собственность деревенской общины. У некоторых наиболее отсталых групп сохраняется не только общинное владение землей, но и совместная ее обработка.

Помимо земледелия нага занимаются охотой, рыбной ловлей и собирательством. Из ремесел распространены плетение (циновок, корзины и др.) и ткачество.

Некоторые исследователи выводят слово «нага» от санскритского «гора», объясняя это географическими условиями территории, на которой живут нага⁷. Другие считают, что оно происходит от «нок» — «народ» на местных диалектах; третьи производят название «нага» от слова «змея»⁸. Сами нага называют себя племенными названиями⁹.

Полагают, что ассамские и другие горные племена упоминаются еще в Ведах под названием «кираты», но более или менее последовательную историю нага можно проследить лишь с XIII в. В начале XIII в. ахомский¹⁰ вождь Сукхапа, пришедший из Бирмы, подчинил нага и другие племена Ассама. Однако нага сохраняли известную самостоятельность и в течение XVI—XVII вв. поднимали несколько восстаний против ахомских правителей Ассама¹¹.

После завоевания Ассама английскими колонизаторами в 1824—1826 г. нага попали под власть англичан. В административном отношении ответственность за управление районами, населенными нага, сначала была возложена на князя Манипура, а затем на губернатора Бенгалии. С образованием в 1874 г. самостоятельной провинции Ассам территория нага вошла в состав этой провинции на правах особого дистрикта с центром в Кохиме и стала подчиняться английскому губернатору Ассама. Власть племенных вождей и советов сохранялась, однако нага не раз выступали за свою полную свободу. Так, в 1867 г. они атаковали помещение для караула в деревне Джелати; в 1881 г. ангами убили в деревне Кхонома английского комиссара дистрикта. нага и 35 человек из его отряда, а затем осадили Кохиму. Лишь прибывшие подкрепления, предоставленные англичанам раджой Манипура, дали возможность колонизаторам снять осаду¹².

У английских властей существовали две точки зрения относительно взаимоотношений с нага и формы их подчинения. Одни считали необходимым установить на границе с Бирмой такую же администрацию, как и во всей Индии, и выполнить в отношении нага «цивилизаторскую миссию белого человека». Другие полагали, что держать в повиновении горные народы очень дорого и трудно и поэтому надо предоставить их самим себе. Районы расселения племен были объявлены сначала «отсталой территорией», а в 1928 г. (по предложению английской комиссии Саймона) «исключенной территорией», т. е. исключен-

⁷ V. Elwin, *Nagaland*, p. 4; «India's North-East frontier in nineteenth century», London, 1962, p. 26.

⁸ E. Gait, *A history of Assam*, Calcutta, 1963, p. 366.

⁹ V. Elwin, *Nagaland*, p. 4; «India's North-East frontier in nineteenth century», p. 27.

¹⁰ А х о м ы — группа тайской народности шан.

¹¹ V. Elwin, *Nagaland*, p. 18; E. Gait, *A history of Assam*, pp. 78, 97.

¹² V. Elwin, *Nagaland*, p. 25; E. Gait, *A history of Assam*, p. 368.

ной из общих принципов управления. Так или иначе, за время своего господства в Индии английские колонизаторы сделали очень мало для развития нага (так же как и для других индийских племен). Первая школа и больница были открыты в дистрикте нага лишь в 1866 г., спустя сорок лет после подчинения Ассама.

Что касается политического аспекта английской политики в этом районе (впрочем, как и в других районах, населенных племенами и малыми народностями), то она была направлена на изоляцию населения этих районов от остальных народов Индии (отсюда и политика «исключенных округов»), на сохранение британского контроля над малыми народностями и племенами.

Многие английские чиновники утверждали, что «отсталые округа» необходимо сохранить под непосредственным британским контролем, что их нельзя передавать в управление провинциальных властей (частично состоящих из индийцев), так как население этих округов станет жертвой эксплуатации со стороны более развитых индийских народов, и т. п. Раздавались и такие провокационные заявления: «Цивилизация уничтожит племена, поэтому британский контроль — лучший выход для них», «Несправедливо передавать эти народы в руки тех, кто будет их эксплуатировать»¹³ (имелись в виду остальные индийцы).

Эти рассуждения просачивались к нага, создавая у них представление, что после ухода англичан при независимом индийском правительстве их доля будет не из лучших, они попадут под власть более развитых, стремящихся эксплуатировать их, народов Индии. Это представление как результат английской политики сыграло немаловажную роль в движении, которое развернулось среди нага после 1947 г.

Первые признаки политического движения у нага появились в 1915—1918 гг., когда в Кохиме и Мококчунге была основана организация Клуб нага¹⁴. Это была умеренная верхушечная организация, состоявшая из глав деревень и правительственных чиновников. Когда комиссия Саймона (комиссия по выработке индийской конституции) посетила в 1929 г. Кохиму, Клуб нага обратился к ней с меморандумом, в котором просил не распространять подготавливавшуюся конституцию на территории, населенные нага, чтобы их не могли «эксплуатировать жители равнин». Руководители Клуба заявили, что они предпочитают власть англичан власти «какого-нибудь бенгальца»¹⁵.

В апреле 1945 г. у нага возникла иного характера организация; она выдвинула требования, приближавшиеся к буржуазным. Сначала организация была названа Племенной совет дистрикта нага, а в 1946 г. переименована в Национальный совет нага. Национальный совет заявил, что его цель заключается в объединении нага, в борьбе за социальный прогресс, в достижении автономии районов нага в пределах провинции Ассам, а также в возмещении убытков, причиненных этим районам второй мировой войной¹⁶. В течение нескольких лет Национальный

¹³ V. Elwin, *Nagaland*, p. 39.

¹⁴ «Royal Central Asian journal», vol. 50, pt 1, January 1963, p. 32.

¹⁵ V. Elwin, *Nagaland*, p. 50. Следует учитывать, что в XIX — начале XX в. в слабо заселенный Ассам стали переселяться бенгальцы. Более развитая бенгальская интеллигенция заняла здесь предназначенные для индийцев должности в государственном аппарате. Этим объяснялись трения между бенгальской и ассамской буржуазией и некоторая антибенгальская направленность национального движения в Ассаме.

¹⁶ Во время войны воинственные и хорошо знавшие горную местность племена нага поддерживали военные усилия Англии против японских войск, действовавших на границе Бирмы и Индии.

совет издавал газету, название которой — «Нация нага» («Naga nation»), так же как и цели Национального совета, свидетельствовали о консолидации народностей нага, об их стремлении к самоопределению. В то время не было и речи об отделении районов нага от Индии.

Однако летом 1947 г. позиция Национального совета нага изменилась. В июне этого года в обстановке, когда английские колонизаторы, вынужденные предоставить Индии независимость, всячески разжигали сепаратизм отдельных групп населения (прежде всего верхушки мусльманской общины и князей), Национальный совет нага направил англо-индийскому правительству ультиматум, в котором говорилось, что после достижения Индией независимости горные районы, населенные нага, должны перестать быть частью Индии¹⁷. На возникновение этого требования повлияли неоднократные высказывания английских чиновников и христианских миссионеров о том, что районы нага не являются органической частью Индии, а также появившиеся во время и после второй мировой войны конкретные планы государственных деятелей Англии об особом положении районов нага (Нагаленда)¹⁸.

У членов Национального совета нага не было единого мнения и ясного представления о будущем Нагаленда. Небольшая группа мыслила превратить Нагаленд в мандатное государство под контролем английского правительства. Другая группа хотела, чтобы Нагаленд был самостоятельным государством.

Но большинство членов Национального совета считало нереальным выделение районов нага из Индии и представляло себе Нагаленд как штат в составе Индии. Наибольшим влиянием среди нага в тот период пользовалась группа, добивавшаяся превращения Нагаленда в отдельное государство.

В 1947 г. Кохиму посетил губернатор Ассам Акбар Хайдари. От имени правительства независимой Индии он вел переговоры с вождями нага. В результате было заключено соглашение (так называемое соглашение Хайдари), признававшее за нага право «развиваться согласно собственным желаниям». Все касающиеся нага законы, принятые ассамскими властями или центральными органами власти, не могли вводиться в действие без одобрения Национальным советом нага. Этот совет стал отвечать за сбор налогов и их расходование. Ответственность за соблюдение соглашения возлагалась на губернатора Ассам как представителя центрального правительства Индии. Наиболее существенной частью соглашения была ст. 9, где говорилось, что по истечении десяти лет Национальный совет нага должен будет решить, следует ли продлить данное соглашение или необходимо заключить новое. Впоследствии Национальный совет стал интерпретировать эту статью, как якобы предоставляющую нага право требовать полного отделения от Индии.

Правящие круги Индии считали нецелесообразным согласиться на создание отдельного государства Нагаленда, населенного отсталыми народностями, на небольшой территории почти без коммуникаций, школ, больницы. Такое государство, полагало индийское правительство, неминуемо попало бы под контроль империалистов, стремившихся в тот пе-

¹⁷ V. Elwin, *Nagaland*, p. 51.

¹⁸ Так, один из английских колониальных деятелей Р. Куплэнд еще в 1942 г. выдвинул предложение о выделении Нагаленда в особый район, ответственность за управление которым несут Индия, Бирма и Англия. Нага отвергли это предложение (V. Elwin, *Nagaland*, p. 51).

риод окружить Индию зависимыми от Запада государствами и поэтому проявлявших интерес к движению за образование Нагаленда.

С первых же дней независимости правительство Индии стало уделять внимание развитию малых народностей. При этом оно исходило из высказывания своего первого премьер-министра Дж. Неру о том, что малые народности должны чувствовать себя в независимой Индии не как «бедные родственники», которым покровительствуют более развитые народы, а как равноправные граждане¹⁹. Индийское правительство считало необходимым добиться единения малых народностей с остальным населением страны; оно также обещало уважать обычаи и культуру этих народностей. Дж. Неру неоднократно предостерегал от «администрирования» в районах племен и малых народностей, указывая на необходимость их развития и создания кадров для управления из среды самих племен²⁰.

Был отменен термин «исключенные округа»; вместе с тем были составлены особые списки отсталых племен и низших каст (эти племена и касты стали именоваться регистрируемыми — *scheduled*). В конституцию Индии были включены два приложения: одно (пятое) — относительно управления всеми племенами и другое (шестое) — специально касающееся управления племенами Ассама. В соответствии с этими приложениями в районах расселения малых народностей создавались племенные, окружные и районные советы. В их ведение передавались внутренние вопросы, связанные с использованием земель, управлением лесами, назначением вождей племен, наследованием имущества и т. д.

Однако конституция Индии предусматривает только два вида административных единиц — штаты и территории центрального подчинения — и не предусматривает создания самоуправляющихся единиц с определенной автономией, входящих в состав крупных штатов²¹, что вызывает недовольство многих народностей, к которым относились и нага.

Положение в районах нага начало становиться напряженным с 1950 г. В Национальном совете руководящее положение заняли крайние сепаратистские элементы, возглавляемые уроженцем Нагаленда Запао Ангами Физо. Движение за отделение Нагаленда от Индии они обосновывали тем, что нага якобы не являются индийцами, территория племен была завоевана англичанами и с их уходом из Индии Нагаленд должен стать независимым. Эти сепаратистские силы широко использовали демагогию, заявляя, что все нага равны между собой, у них отсутствует кастовое деление, они не платят налогов, а с подчинением индийскому правительству все эти преимущества будут ликвидированы и положение нага ухудшится. Физо и его окружение запугивали нага тем, что в случае сохранения Нагаленда в составе Индии индийские власти

¹⁹ V. Elwin, *Nagaland*, p. 91; «Behar herald», Patna, 23.II.1963, p. 249.

²⁰ Индийский автор Дж. М. Кауль пишет о том, что в Индии существуют три точки зрения относительно проблемы племен. Некоторые ученые склоняются к тому, чтобы оставить малые народности на данном уровне развития, для того чтобы иметь возможность изучать первобытнообщинный строй и его разложение «в натуре». Сторонники другой точки зрения считают, что племена надо полностью ассимилировать с большинством населения тех штатов, на территории которых они проживают. Представители третьей, наиболее разумной, по мнению Кауля, точки зрения выступают за интеграцию (т. е. единение племен со всем народом Индии), которая не означала бы полного поглощения племен, а дала бы им возможность развивать свою культуру (J. M. Kaul, *Problems of national integration*, New Delhi, 1963, pp. 103—104).

²¹ Подробнее см.: А. М. Дьяков, *Национальный вопрос в современной Индии*, М., 1963, стр. 83—89.

обратят нага в индуизм, запретят им убивать коров и употреблять в пищу мясо²². Из-за низкого уровня развития и слабых связей с Индией нага верили этим утверждениям и поддерживали лозунги Физо и его сторонников, особенно на первом этапе движения.

Нага бойкотировали первые (1952) и вторые (1957) всеобщие выборы, проводившиеся в Индии, все национальные праздники и официальные церемонии, отказывались повиноваться властям; дети перестали посещать школы, созданные на территории нага правительством независимой Индии.

Физо выезжал за границу (в Англию и США), стремясь заручиться поддержкой, получить деньги и оружие, он пытался апеллировать к Организации Объединенных Наций. В то же время американские миссионеры-баптисты внушали нага, что между ними и остальными индийцами нет ничего общего. Индийские газеты и многие авторы писали о том, что не только миссионеры, но и некоторые официальные круги империалистических держав поддерживали сепаратистское течение в движении нага, как они поддерживали всякое движение, ослаблявшее Индию²³. В 50—60-е годы районы нага особенно часто стали посещать иностранцы под видом туристов, врачей, миссионеров и т. д.

В 1953 г. начались вооруженные выступления нага за образование Нагаленда, особенно усилившиеся в 1955 г. Нага использовали оружие, оставшееся у них после второй мировой войны, а также захваченное во время налетов на полицейские участки. К началу 1956 г. отряды мятежников, по одним источникам, насчитывали 5 тыс. человек, а по другим — 15 тыс.²⁴.

В марте 1956 г. мятежники создали так называемое федеративное правительство во главе с Физо, которое выступило с путаной демагогической программой. Оно заявило, что Нагаленд будет представлять собой народную суверенную республику; в торговле, промышленности и транспорте будет преобладать частная инициатива; просвещение будет находиться в руках народа. Провозглашалась свобода религии, племенная демократия; Физо обещал, что земля будет принадлежать народу и она не будет облагаться налогами.

Эти демагогические обещания привели к тому, что часть нага поверила Физо и поддерживала борьбу за независимый Нагаленд.

В течение 1953—1955 гг. на территории Нагаленда пылали административные здания, школы, больницы, сторонники Физо нападали на полицейские участки, убивали правительственных чиновников. Мятежники выступали не только против властей и воинских частей, но и против нага, отказывавшихся поддерживать Физо и начатые им насильственные действия. С такими нага сторонники Физо расправлялись особенно жестоко (широко практиковалось похищение и зверское убийство людей). Нага были буквально терроризированы Физо и его окружением.

Сложившееся в горных районах расселения нага положение заставило индийское правительство ввести туда воинские части под командованием генерала Тимайи. Вопрос о волнениях нага не раз обсуждался в индийском парламенте. Выступавшие депутаты говорили, что нужно создать особый штат Нагаленд, но прежде мятежники должны

²² V. Elwin, *Nagaland*, pp. 73—79.

²³ См., например: J. M. Kaul, *Problems of national integration*, pp. 98—99.

²⁴ V. Elwin, *Nagaland*, p. 58.

сложить оружие²⁵. Эта же точка зрения была выражена премьер-министром Индии Дж. Неру во время встреч его с делегациями нага в сентябре 1956 г. в Дели и в октябре того же года в Шиллонге (Ассам). Премьер-министр обещал нага максимум автономии, но указывал, что они немедленно, до заключения какого-либо политического соглашения, должны прекратить военные действия²⁶. Эти встречи имели плодотворное влияние на решение проблемы Нагаленда: нага увидели, что правительство идет им навстречу и вовсе не собирается их «эксплуатировать» и «индианизировать».

С самого начала движение за создание Нагаленда не было единым: наряду с авантюристическим, сепаратистским течением, возглавляемым Физо, в нем существовало течение, отражавшее развитие национального самосознания у нага. После достижения Индией независимости у многих малых народностей и племен (в том числе и у горных народов Ассама) возникли организации, которые выступали за сохранение своего образа жизни, расширение своих прав, административную автономию (например, Национальный совет гаро, Федерация кхаси, Союз мизо и т. п.). Значительная часть нага понимала, что создание независимого государства Нагаленда нереально и вооруженная борьба против индийского правительства наносит огромный вред самим нага. Эта часть нага считала, что Нагаленд должен быть штатом в составе индийского государства.

В 1955 г. эта группа во главе с Шри Сакрие вышла из Национального совета и открыто выступила за прекращение насильственных действий. Вскоре после раскола Национального совета Шри Сакрие был схвачен ночью в своем доме сторонниками Физо, уведен в лес и там зверски убит. Жестокая расправа с Сакрие оттолкнула от Физо многих нага; в июне 1956 г. Национальный совет собрался в Кохиме и осудил деятельность Физо. Убийство Сакрие послужило толчком для перелома в движении нага, подготовленного всем ходом событий. С этого времени влияние Национального совета пошло на убыль, сторонники Физо не могли, как прежде, открыто вести вооруженную борьбу, все большее число нага стали выступать за мирное решение вопроса о Нагаленде.

В августе 1957 г. в Кохиме состоялась самая представительная конференция всех нага; на ней присутствовали 1750 делегатов и свыше 2 тыс. гостей. Конференция призвала мятежников отказаться от насильственных методов борьбы. Здесь же была создана новая организация — Народная конвенция нага, высказавшаяся за мирное урегулирование вопроса о Нагаленде.

В декабре 1957 г. индийское правительство в свою очередь приняло меры по урегулированию создавшегося положения: была создана автономная область нага (Горная область нага Туенсанг — Naga Hills Tuensang Area), подчинявшаяся через губернатора Ассама центральному правительству; объявлена амнистия мятежникам, «совершившим преступления против государства»; правительство организовало продовольственную и денежную помощь нага, пострадавшим от мятежа.

Отдельные отряды мятежников еще продолжали выступать за отделение Нагаленда от Индии, но в целом население перестало поддерживать Физо, и он эмигрировал в Лондон. В эмиграции он продолжал

²⁵ «Lok sabha debates», vol. VII, pt II, 1956, № 16—30.

²⁶ V. Elwin, *Nagaland*, p. 64.

апеллировать к различным силам, пытаюсь получить поддержку идее создания независимого Нагаленда²⁷.

В мае 1958 г. в селении Унгма собралась вторая конференция Народной конвенции нага. Мятежники угрожали населению Унгмы расправой, если оно допустит открытие конференции, но им не удалось добиться ее срыва. На конференции был создан так называемый Подготовительный комитет, разработавший меморандум из 16 пунктов²⁸, в основе которого лежало требование о создании в составе Индии штата Нагаленд.

В октябре 1959 г. третья конференция Народной конвенции, состоявшаяся в селении Мококчунг, подтвердила решение Подготовительного комитета обратиться к индийскому правительству с требованием об образовании штата Нагаленд.

После переговоров между центральным правительством и делегацией нага, возглавляемой лидером Народной конвенции д-ром Им-конглиба Ао, индийский парламент 1 августа 1960 г. принял решение о создании нового (шестнадцатого) штата Нагаленд²⁹. 8 февраля 1961 г. это решение было утверждено президентом Индии. Вся Индия, за исключением небольшой группы реакционеров и коммуналистов, приветствовала возникновение нового штата.

Нагаленд был создан в составе Горной области нага Туенсанг; он делился на три дистрикта — Кохиму, Мококчунг и Туенсанг. Устанавливался переходный период в три года, в течение которого должны были быть проведены конкретные мероприятия по предоставлению Нагаленду статуса самостоятельного штата, каким обладают другие штаты Республики Индии.

На время переходного периода Нагаленд подчинялся центральному правительству Индии через губернатора Ассама. Были сформированы местные административные органы: Временный совет (Interim body), Исполнительный совет (Executive council) и деревенские, районные и племенные советы. Временный совет комплектовался из 45 членов, избранных от всех народностей нага; он подчинялся губернатору Ассама и выполнял функции Законодательного собрания. Исполнительный совет состоял из 5 членов и выполнял функции кабинета министров. В Совете штатов и Народной палате Республики Нагаленд получал по одному месту в соответствии с численностью своего населения.

Решение о создании штата Нагаленд и конкретные мероприятия по осуществлению этого решения способствовали ослаблению напряженного положения в этой части Индии и ее культурному и экономическому развитию.

После достижения Индией независимости значительное внимание стало уделяться развитию отсталых районов. К 1947 г. на территории расселения нага было всего 12 больниц, 200 школ (включая частные миссионерские), 214 миль автодорог, совсем не было электричества³⁰.

За период выполнения первого пятилетнего плана были построены и восстановлены 24 больницы, 23 амбулатории, 467 начальных и средних школ, один колледж. Была сооружена 1 тыс. миль современных дорог, стало проводиться электричество. После того как среди нага начались волнения, совпавшие с периодом действия второго пятилетнего

²⁷ «Royal Central Asian journal», vol. 50, pt 1, January 1963, p. 35.

²⁸ Меморандум полностью приведен в кн.: V. Elwin, *Nagaland*, pp. 84—85.

²⁹ «The Hindustan times», 2.VIII.1960.

³⁰ V. Elwin, *Nagaland*, p. 91.

плана, развитие Нагаленда приостановилось; многие деревни, дороги, школы, больницы были разрушены.

В третье пятилетие в развитии Нагаленда произошли известные сдвиги. По третьему пятилетнему плану на его развитие выделено 71,5 млн. рупий (доходная часть бюджета штата составляет всего 500 тыс. рупий, главным образом за счет экспорта бамбука) против 37,8 млн. по второму пятилетнему плану³¹. Значительное внимание уделяется развитию земледелия, животноводства, ремесла. Прилагаются усилия для замены подсеčno-огневого земледелия более высоким террасным и для сохранения таким образом основного богатства Нагаленда — лесов. За 1957—1963 гг. израсходовано 20 млн. рупий на распределение в Нагаленде улучшенных сортов семян, строительство ирригационных каналов, расширение посевных площадей. Создано 75 центров для обучения земледельцев новым методам ведения сельского хозяйства. Власти помогают нага в приобретении сырья для развития ткачества; планируется открыть в Дели, Калькугге и Гаухати магазины, в которых продавались бы товары ремесленного производства, изготовленные нага (платки, шали, циновки и др.). Ставится задача всемерно развивать лесное хозяйство. Ведется борьба с бичом Нагаленда — малярией и туберкулезом; улучшается снабжение населения питьевой водой.

К концу 1963 г. в Нагаленде были сооружены 2 тыс. миль автодорог, построено 680 начальных и средних школ, 28 высших школ, 2 колледжа, 24 больницы, почти все крупные селения электрифицированы, в Кохиме основана радиостанция³².

О сдвигах, происходящих в Нагаленде в последние годы, свидетельствует изживание племенной вражды, взаимных набегов и охоты за черепами. Показателем роста связей между отдельными племенами служит возникновение нового языка (его в народе называют языком нага), представляющего собой смесь ассамского языка, хинди, бенгали и различных диалектов нага³³. Все большее число нага получают образование, поступают на государственную службу.

Что касается политического положения в Нагаленде в переходный период, то оно не было спокойным. Прежде всего среди самих нага не было достаточного единства. Продолжали действовать отдельные отряды мятежников, подстрекаемые из-за границы Физо. Мятежники по-прежнему с помощью демагогии использовали племенные связи, свободлюбивый дух нага, их фанатизм, их прошлую изоляцию от остальной Индии. В сентябре 1961 г. сепаратисты убили лидера Народной конвенции д-ра Ао³⁴. Но такие действия мятежников, как убийство и похищение людей, желающих мира и единения с Индией, разоблачали мятежников в глазах нага. В 1960—1963 гг. все более укреплялось влияние Народной конвенции и Временного совета. При поддержке народа Временный совет на своей сессии в апреле 1962 г. принял решение о более твердых мерах по борьбе с мятежниками³⁵.

Помимо распрей среди самих нага, в переходный период существовали трения между органами, учрежденными в Нагаленде, и администрацией Ассама. Нага недовольны тем, что им отказано иметь собст-

³¹ «Third five year plan», Delhi, 1961, pp. 748—749.

³² «Indian and foreign review», New Delhi, 15.II.1964.

³³ Ibid.

³⁴ «New age», New Delhi, 1.X.1961; 22.X.1961.

³⁵ «New age», 10.VI.1962.

венного губернатора и они вынуждены подчиняться губернатору Ассама. Решение же центра о том, чтобы во главе Ассама и Нагаленда стоял один и тот же губернатор, вызвано финансовыми соображениями и расценивается прогрессивной общественностью страны как целесообразное.

Временный совет и Исполнительный совет Нагаленда претендовали на большую самостоятельность и обвиняли администрацию Ассама в дискриминации органов власти нага. Со своей стороны некоторые члены Законодательного собрания Ассама, ссылаясь на нестабильное положение в Нагаленде, высказывались против окончательного предоставления Нагаленду статуса штата³⁶. Эти высказывания, естественно, вызвали недовольство нага.

По истечении переходного периода 1 декабря 1963 г. президент Индии С. Радхакришнан в торжественной обстановке провозгласил в Кохиме создание нового штата Индии — Нагаленда³⁷.

В январе 1964 г. нага впервые избрали свое Законодательное собрание. Одновременно с Законодательным собранием было сформировано правительство нового штата. Главным министром Нагаленда стал Шилу Ао (род. в 1916 г.) — представитель образованной верхушки племени ао, бывший член Временного совета³⁸. Шилу Ао принял присягу в День Республики Индии — 26 января 1964 г.

Однако и после создания Законодательного собрания и правительства положение в Нагаленде не отличается полной стабильностью. Сепаратистские группы не отказались от требования самостоятельного государства Нагаленд. Окончательное урегулирование положения в Нагаленде должно быть достигнуто в результате договоренности между представителями центрального индийского правительства и правительства Нагаленда, с одной стороны, и представителями сепаратистских групп — с другой.

Прогрессивная общественность Индии высказывает уверенность, что предоставление Нагаленду полного статуса штата и достижение согласия между самими нага будут способствовать стабилизации здесь политического положения, экономическому и культурному развитию этой части Индии.

* * *

Движения народов Индии (как больших, так и малых) в независимый период за административную автономию, за сплочение, за расширение своих прав имели свои специфические черты³⁹.

Свою специфику имело и движение нага. Если народы Южной Индии (телугу, каннара, маратхи и др.), добиваясь создания однородных в национальном отношении административных единиц, тем самым объективно (через демократизацию административного деления) выступали за укрепление единства Индии, то движение нага на определенном этапе было сепаратистским. Движения народов Южной Индии приняли организованный политический характер, движение же более отсталых нага вылилось в вооруженную борьбу против индийских властей. У раз-

³⁶ «New age», 19.VIII.1962.

³⁷ «Indian and foreign review», 15.II.1964.

³⁸ Ibid.

³⁹ Подробнее о характере национальных движений отдельных народов Индии см.: А. М. Дьяков, *Национальный вопрос в современной Индии*.

витых народов Индии борьба за реорганизацию штатов возглавлялась сначала национальной буржуазией, а затем более демократическими слоями; движение за создание Нагаленда возглавлялось немногочисленной образованной верхушкой и племенными вождями.

Борьба между отдельными вождями нага, их стремление выдвинуться на первый план в политической жизни северо-восточного района Индии играли немаловажную роль в развитии движения нага. Определенную заинтересованность в борьбе за образование Нагаленда проявляли иностранные государства — Англия и США.

Однако корни движения нага заключаются в тех социальных изменениях, которые переживали вся независимая Индия и ее отдельные районы. Развитие товарно-денежных отношений, рост обмена, усиление зависимости района нага от общеиндийского рынка⁴⁰, рост отходничества, усиление связи территории нага со всей Индией, распространение образования и другие процессы побудили нага к движению за создание самостоятельного штата.

Таким образом, несмотря на сложность, порою противоречивый характер, специфику движения каждого народа, в основе всех этих движений лежит усилившийся в независимой Индии процесс формирования наций и национальной консолидации у крупных народов, появление и развитие национального самосознания у малых народов, объективное стремление к равноправию всех народов.

⁴⁰ С каждым годом в Нагаленде расширяются площади под хлопчатником; значительная часть его идет на экспорт. На экспорт идет также лес.

С. Сангх Чима

КАМПАНИЯ ГРАЖДАНСКОГО НЕПОВИНОВЕНИЯ КРЕСТЬЯНСТВА ПЕНДЖАБА В 1959 г.

Подъем сельскохозяйственного производства в Пенджабе, как и в других районах Индии, невозможен без развития ирригационной системы. Поэтому уже в период колониального господства она получила значительное развитие в Пенджабе. Английские империалисты, расширяя ирригационную систему в стране, стремились не столько поднять сельскохозяйственное производство, сколько обеспечить значительную наживу. К 1943 г. они получили более 500 млн. рупий чистой прибыли на вложенный капитал¹.

Эта колоссальная сумма была добыта за счет взимания крайне высокого и обременительного для всего крестьянства водного налога — «абиана». Поэтому снижение «абианы» являлось одним из главных требований крестьянского движения в Пенджабе. Наиболее крупными были выступления в 1939 г. в Амритсаре, где крестьяне провели крупную демонстрацию под руководством «Кисан сабхи»², и в 1945 г., когда эта организация возглавила массовую кампанию сатьяграхи³, в результате которой 4 тыс. участников этой борьбы были брошены в тюрьмы.

После достижения независимости правящие круги Индии, принимая меры по развитию национальной экономики, намереваются расширить ирригационную сеть. Но вместо того чтобы обеспечить это главным образом за счет эксплуататорских классов, они пошли по пути повышения водного налога. Так, в 1949/50 г. его увеличили на 50%⁴. Когда встал вопрос о постройке на реке Сатледж плотины Бхакхра Нангал и о дополнительном орошении 5 млн. акров земли, правительство Пенджаба решило возложить расходы по сооружению этого гидроузла и оросительной системы на крестьянство. В 1952 г. Законодательное собрание штата приняло закон о взимании с землевладельцев, которые должны были пользоваться водами оросительной системы Бхакхра Нангал, дополнительного налога на предполагаемый доход за счет использования этой воды — «Betterment Levy». Правительство думало полу-

¹ «Kisan Sabha», Silver jubilee number, April 1959, p. 8.

² «Кисан сабха» — прогрессивная крестьянская организация.

³ С а т ь я г р а х — движение неповиновения органам власти.

⁴ «The Times of India», 22.X.1963.

чить таким образом свыше 1 млрд. рупий в течение 15 лет. Основная тяжесть налога падала на плечи крестьянства⁵.

Это решение правящих кругов штата вызвало недовольство крестьянства. В ходе развернувшейся по всему Пенджабу агитационной кампании, проходившей под руководством «Кисан сабхи», крестьяне потребовали отмены принятого закона. Филиал «Кисан сабхи» в Пенджабе опротестовал закон, заявив, что бремя по национальному развитию страны необходимо возложить не на крестьянство, а на эксплуататорские классы города и деревни.

Провинциальная «Кисан сабха» в течение ряда лет вела большую работу среди крестьянства, разъясняя ему несправедливый характер нового налога и призывая его готовиться к борьбе в случае его введения. В первом квартале 1958 г. повсеместно были проведены крестьянские демонстрации, включая и столицу штата Чандигарх, где 19 марта 1958 г. после демонстрации был созван митинг различных партий, принявших резолюцию протеста против данного налога⁶. В ряде округов возникли новые формы организации — комитеты борьбы против дополнительного налога. «Кисан сабха» вербовала волонтеров, создавала фонды.

В результате этого правительство штата в течение шести лет не решалось провести в жизнь закон о взимании налога. Лишь в 1958 г. крестьянам округов Хиссар, Карнала, Амбала, Лудхиана и Фирозпур разослали извещения о сроках выплаты нового налога. Крестьяне были особенно обеспокоены тем, что правительство обложило налогом население слишком большого района, подавляющая часть которого могла быть орошена только в далеком будущем. Так, в Пепсу намеченная для орошения площадь была равна 90 698 акрам. Однако один из руководителей «Кисан сабхи», ссылаясь на официальные данные, доказал, что примерно на трети площади Пенджаба (бывшей территории провинции Пепсу) до 1961 г. оросительной водой смогут быть обеспечены только 40 тыс. акров⁷. Следовательно, правительство намеревалось получать налог с крестьян за громадные площади земли, которые фактически не получали воду из государственных источников орошения.

«Кисан сабха» от имени крестьян объявила дополнительный налог крайне несправедливым и призвала крестьянские массы направлять правительству прошения с требованием пересмотра данного закона. Согласно положениям закона, правительство обязано было назначить Совет и дать ответ на поданные прошения. Только после этого правительство получало право рассылать крестьянам извещения об уплате налога. После рассылки извещений каждый крестьянин в отдельности в течение месяца мог направить апелляцию. Но правительство в течение года не давало никакого ответа на прошения «Кисан сабхи». В нарушение законности 5 февраля 1959 г. губернатор издал приказ о взимании налога⁸.

«Кисан сабха» вновь обратилась к правительству с предложением отсрочить выполнение приказа и тем временем обсудить вопрос о налоге с представителями крестьян. Правительство отклонило это предложение⁹.

⁵ «Кисан лехар», май 1958, стр. 7.

⁶ Там же, стр. 12.

⁷ «Кисан лехар», октябрь 1958, стр. 13.

⁸ «Кисан лехар», апрель 1959.

⁹ «Kisan Sabha», Silver jubilee number, April 1961, p. 79.

В ответ на это крестьянская организация начала борьбу. Было решено использовать ее традиционную форму — сатьяграху: непрерывно отправлять отряды добровольцев из различных районов штата к зданию налогового учреждения для выражения протеста. Кампания началась в округах Джаландхар, Лудхиана и Хиссар. Когда первый отряд из 25 человек во главе с Баба Бхаг Сингхом, ветераном партии «Гадр» (получившим прозвище «Канадец», так как он долго жил и работал в Канаде), направился к зданию окружного суда в Джаландхаре, где находился и отдел налогов, добровольцев сопровождали 20 тыс. демонстрантов.

Массовое движение охватило и другие районы. Оно продолжалось 49 дней — со 2 февраля по 22 марта. За это время в отрядах добровольцев приняли участие 18 тыс. человек, из которых 12 тыс. побывали в тюрьмах, а восемь человек были убиты¹⁰. Кроме того, в митинги и демонстрации, организованные «Кисан сабхой», были вовлечены сотни тысяч крестьян. Там, где не было объявлено сатьяграхи, крестьяне отказывались принимать повестки об уплате налога. В этой борьбе принимали участие все слои крестьянства независимо от их политических взглядов. Аджой К. Гхош назвал движение в Пенджабе против дополнительного налога самым крупным выступлением крестьян в независимой Индии после борьбы в Телингане.

Особенно важно подчеркнуть участие в сатьяграхе сельскохозяйственных рабочих, которые выступали вместе с крестьянами из чувства солидарности. В кампании активно боролись не только крестьяне-мужчины, но женщины и дети. В округе Джаландхар, например, был организован отряд из женщин.

Крестьянство вынуждено было сопротивляться в крайне сложных условиях. Правительство использовало все средства, для того чтобы ослабить это движение. Прежде всего оно обрушило на участников сатьяграхи репрессии: прибегало к арестам, конфисковывало собственность крестьян, отказавшихся платить налог, штрафовало их. Был арестован даже совершавший поездку по Пенджабу президент Всеиндийского крестьянского союза А. К. Гопалан. Репрессиям подверглись и прогрессивные органы печати. Так, вся редакция боевой газеты «Наваи замана», которая активно выступала в защиту крестьян, была брошена в тюрьму.

Кроме того, правительство Пенджаба, стремясь дискредитировать «Кисан сабху», заявляло, что она якобы использует крестьянское движение в политических интересах с целью захвата власти и поэтому будто бы готовится к вооруженному восстанию¹¹.

Сопротивление крестьян осложнялось также тем, что Крестьянский отдел Индийского национального конгресса («Кисан вибхаг») резко изменил свою позицию по вопросу о налоге: сначала он стоял за отсрочку взимания налога на два года, но затем, 16 февраля 1959 г., т. е. в самый разгар борьбы, изменил свою точку зрения и развернул агитацию, оправдывавшую приказ правительства о немедленном взимании дополнительного налога. Однако эта агитация благодаря активной борьбе «Кисан сабхи» не имела сколько-нибудь заметного успеха¹².

Участникам сатьяграхи и провинциальной «Кисан сабхе» пришлось

¹⁰ А. К. Гхош, *Статьи и речи*, М., 1962, стр. 239.

¹¹ «Кисан лехар», май 1959, стр. 5.

¹² «Кисан лехар», март 1959.

вести борьбу и против происков руководства религиозной сикхской партии «Акали дал». Лидер этой партии Тара Сингх, опасаясь изоляции, открыто не выступил против кампании гражданского неповиновения и даже обещал поддержку. Однако на деле он не хотел, чтобы крестьяне, находившиеся под влиянием партии «Акали дал», принимали участие в сатьяграхе. Заявив о том, что его последователи примкнут к движению после того как 15 марта 1959 г. будет проведена демонстрация «Акали дал» в г. Дели по вопросу «Панджаби суба»¹³, он тем самым пытался удержать крестьян, поддерживавших партию «Акали дал», от выступлений в течение полугода месяцев. Но несмотря на эти происки Тара Сингха, большое число крестьян — сторонников его партии — примкнуло к кампании¹⁴.

Во время наибольшего размаха борьбы правительство Пенджаба, стремясь расколоть ряды участников сатьяграхи, сообщило о своем намерении снизить общую сумму налога с 1010 млн. до 860 млн. рупий. Но когда стало ясно, что сопротивление крестьян не будет падать до полного удовлетворения их требований, правительство сообщило о новом снижении до 540 млн. рупий. По мере того как росло движение, правительство обещало дальнейшее снижение общей суммы налога. Лишь после того как главный министр Пенджаба в Законодательном собрании объявил официально о намерении правительства резко снизить налог, «Кисан сабха» призвала крестьян прекратить кампанию протеста.

Но и после прекращения сатьяграхи движение против взимания дополнительного налога продолжалось. Крестьяне считали, что даже сниженная сумма (420 млн. рупий) неоправданно высока. Правительство вынуждено было создать комитет для рассмотрения вопроса о дополнительном налоге. Комитет состоял из 25 человек, в том числе были два представителя «Кисан сабхи». В 1959 г. комитет предложил рекомендации правительству, которые долгое время держались в секрете и только под давлением крестьянских масс были опубликованы.

Одновременно с сатьяграхой крестьян против дополнительного налога в пенджабской деревне в связи с голодом развернулась борьба сельскохозяйственных рабочих за снабжение продовольствием деревенской бедноты по доступным ценам. Организация сельскохозяйственных рабочих «Дехати маздур сабха» с июня 1958 г. развернула большую агитационную кампанию. Ее главным лозунгом было: «Продовольствие — бедноте». «Дехати маздур сабха» направила правительству меморандум, требуя принятия срочных мер по разрешению продовольственной проблемы. Одновременно она усилила агитацию за снижение цен на пшеницу. Продовольственное положение в деревне продолжало ухудшаться. На одной из своих сессий, состоявшейся в сентябре 1958 г., эта организация потребовала конфискации всех запасов зерна у торговцев. В октябре 1958 г. она снова направила правительству требование разрешить продовольственную проблему. Движение «Дехати маздур сабхи» поддержала крестьянская организация Пенджаба.

Под влиянием развернувшейся борьбы правительство вынуждено было пойти на уступки и открыло в нескольких городах магазины для продажи продовольствия по доступным ценам. Однако в деревнях этого

¹³ «Панджаби суба» — требование партии «Акали дал» о переустройстве штата: Пенджаб на религиозных началах, а не на лингвистической основе, как призывают к этому прогрессивные круги.

¹⁴ «Кисан лехар», апрель 1959, стр. 19.

не было сделано. Поэтому бедное сельское население начало кампанию за открытие магазинов и в деревнях. Для этого был создан Народный продовольственный комитет, куда вошли представители различных политических партий. Комитет направил делегацию к губернатору штата, но последний отказался удовлетворить выдвинутое требование. Это послужило толчком для развертывания сатьяграхи сельской бедноты. Между тем цены на пшеницу поднялись с 12—13 до 22—23 рупий за маунд, а в Амритсаре — даже до 27 рупий¹⁵.

Сатьяграха деревенской бедноты была объявлена «Дехати маздур сабхой» через несколько дней после начала сатьяграхи за снижение водного налога. Эти две сатьяграхи слились в единое общее движение против экономической политики правящих классов.

Участники кампании гражданского неповиновения объявляли голодовки, устраивали голодные походы, пикетировали конторы местных чиновников. В январе и феврале 1959 г. было проведено более 300 демонстраций против повышения цен на пшеницу. Недовольство действиями правительства охватило самые широкие слои народа. Правительство зрело вынуждено было пойти на уступки и открыло 1400 магазинов. Центральное правительство направило штату 110 тыс. т зерна вместо обещанных 50 тыс. т. Таким образом, борьба деревенской бедноты увенчалась значительной победой.

Успешное завершение борьбы деревенской бедноты оказало большое влияние на развитие движения сельскохозяйственных рабочих Пенджаба. Сатьяграха против голода — это, пожалуй, первое массовое движение, в котором участвовали много неприкасаемых. «Дехати маздур сабха» резко увеличила число своих членов (с 38 тыс. в 1958 г. до 47 тыс. во время сатьяграхи в феврале 1959 г.). Весьма знаменательно, что в этой кампании совместно выступали и крестьяне и сельскохозяйственные рабочие. Среди участников сатьяграхи за продажу продовольствия по доступным ценам были 827 крестьян. В свою очередь 966 сельскохозяйственных рабочих примкнули к сатьяграхе против налога. Крестьяне помогали продовольствием голодающим сельскохозяйственным рабочим. Так, жители деревни Айгиана (район Лудхиана) выделили для этой цели 52 маунда пшеницы. В деревнях из представителей «Кисан сабхи» и «Дехати маздур сабхи» были созданы комитеты взаимопомощи. В районах Бхатинда и Фирозпура крестьяне отдельных деревень давали займы зерно деревенской бедноте¹⁶. Все эти факты являются ярким выражением растущей солидарности всех слоев крестьянства в борьбе против экономической политики правительства Пенджаба.

В результате этого движения «Кисан сабха» и «Дехати маздур сабха» укрепились организационно и расширили свое влияние среди крестьян и сельскохозяйственных рабочих.

ВЫВОДЫ

1. Сатьяграха 1959 г. против взимания дополнительного налога охватила все пенджабское крестьянство, так как введение нового налога затрагивало интересы всех его слоев.

¹⁵ «Кисан лехар», апрель 1959, стр. 4.

¹⁶ «Кисан лехар», май 1959.

2. По своим формам это движение отличалось большим разнообразием. Например, в тех местах, где крестьяне не объявляли сатьяграхи, они отказывались принимать повестки об уплате налога. Такая форма борьбы была особенно распространена в районе Хиссара.

3. Сатьяграха крестьян под руководством «Кисан сабхи» и сатьяграха сельскохозяйственных рабочих и бедноты в связи с голодом под руководством «Дехати маздур сабхи» слились воедино и образовали общее массовое движение. Этот поток временно отодвинул на задний план даже кастовые различия, которые еще сильны в Индии, и классовые интересы оказались преобладающими.

4. Организации «Кисан сабха» и «Дехати маздур сабха», руководители которых в основном являются коммунистами, показали свою политическую зрелость, что и обеспечило победу крестьянского движения в 1959 г.

Т. Ф. Девяткина

ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ПРИНЦИПЫ ПОСТРОЕНИЯ ПАРТИИ ИНДИЙСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ КОНГРЕСС

Индийский национальный конгресс в первые годы своей деятельности был аморфной организацией без четкой программы и устава, без постоянно функционирующих руководящих органов и стабильной структуры. Ежегодно проводимые в различных городах страны съезды Конгресса принимали резолюции, которыми руководствовались как программой многие провинциальные организации. В разное время и по разным причинам созданные, эти организации продолжали действовать независимо друг от друга и после присоединения к Национальному конгрессу. Но всех их объединяли национально-освободительные идеи, выдвигаемые в резолюциях Конгресса.

Несмотря на организационную слабость, Конгресс сразу же приобрел характер постоянно действующей общендийской организации благодаря систематически проводимым ежегодным сессиям. Для подготовки и проведения очередной сессии создавался Подготовительный комитет (*Reception committee*), который занимался всеми вопросами, связанными со сбором средств, подысканием места, обеспечением выборов, своевременным прибытием и размещением делегатов и т. д.

На третьей сессии в 1887 г. было решено создать Комитет по подготовке и рассмотрению резолюций и предложений (*Subjects committee*), назначаемый президентом Конгресса по принципу регионального представительства. На этой же сессии была образована комиссия по выработке устава партии, так называемой конституции Индийского национального конгресса¹. Однако ни к четвертой, ни к пятой сессии разработать устав не удалось. К тому времени провинциальные организации, составлявшие костяк Конгресса, активно действовали лишь в нескольких провинциях: в Бомбее, Бенгалии, Мадрасе, Пенджабе. В других они были очень слабыми или вовсе отсутствовали. Конгресс же считал себя общендийской организацией, охватывающей все районы страны.

Только на пятнадцатой сессии, в декабре 1899 г. в Лакхнау, была принята конституция Конгресса, в которой были сформулированы не только уставные, но и основные программные требования.

Целью Конгресса провозглашалось «содействовать росту благосостояния народа Индийской империи конституционными средствами»².

¹ Ramana Rao, *Development of the Congress constitution*, New Delhi, 1958, p. 1,

² *Ibid.*, p. 5.

Верховным органом Конгресса, согласно конституции, являлись ежегодные съезды. Для осуществления руководства деятельностью партии создавался Комитет Индийского конгресса, избиравшийся съездом по определенной схеме и состоявший из 45 человек. Из них 40 человек избирались в соответствии с рекомендациями провинциальных комитетов Конгресса, а при отсутствии таковых — комиссиями делегатов соответствующих провинций в следующем количестве: от Бенгалии и Ассамы — 8 человек; от Бомбея и Синда — 8; от Мадраса и Сикандерабада — 8; от Северо-Западных провинций и Ауда — 6; от Пенджаба — 4; от Берара — 3 и от Централных провинций — 3.

Комитет Конгресса должен был собираться не менее трех раз в год. Он имел право изменять дату и место проведения очередного съезда, определяемого каждой предшествующей сессией, созывать чрезвычайные сессии, если обстановка в стране требовала этого, назначать президента Конгресса, выработать проекты резолюций. Он же нес ответственность за исполнение решений, принятых на предыдущей сессии.

В целях систематического функционирования Комитета создавался секретариат, состоявший из почетного секретаря, осуществлявшего всю организационную работу, платного помощника и соответствующего штата, на содержание которого выделялось 5 тыс. рупий. Эту сумму оплачивали подготовительные комитеты текущей и следующей сессий Конгресса.

Делегаты очередных съездов избирались на массовых собраниях отделений Конгресса в провинциях, где они были или политическими ассоциациями или другими организациями, входившими в Конгресс. Президент Конгресса, он же и председатель Комитета, назначался каждый год.

Первая конституция Конгресса, несмотря на организационную неопределенность и слабость, была крупным шагом в построении политической партии. Создание более или менее представительного и регулярно функционирующего органа, каким был Комитет Индийского конгресса, и провинциальных комитетов делало Конгресс общендийской организацией, которая пыталась преодолеть многочисленные традиционные деления индийского общества по религиозному, кастовому, языковому и другим принципам. Это нашло отражение и в организационной структуре партии. Председателями Конгресса были индусы и мусульмане, подготовительные комитеты обычно формировались из представителей различных религиозных общин.

Вместе с тем необходимо обратить внимание на то, что Национальный конгресс охватывал только провинции Британской Индии. Княжества, расположенные в самых различных частях страны и занимавшие около 45% территории, не входили в сферу деятельности Конгресса в течение длительного времени, поскольку там у власти формально стояли индийские князья, находившиеся в особых договорных отношениях с Британской короной³.

Конституция не определяла условия членства партии, структуру провинциальных организаций. Финансовой базой служили средства эпизодических пожертвований индийских промышленников, торговцев и помещиков.

³ Подробно см.: Т. Ф. Девяткина, *Ликвидация индийских княжеств в современной Индии*, М., 1961.

Цель Конгресса после долгих лет обсуждений была сформулирована неясно. Задачи партии сводились к лояльной оппозиции английским властям в Индии, к требованию участия индийских представителей в органах управления. Между тем силы, которые привели к жизни Национальный конгресс, были значительно активнее, настроены резко антиимпериалистически и выдвигали более широкие лозунги. Напряженная борьба различных течений, группировок, становление буржуазно-националистического и демократического движения определяли систематические изменения в уставе Конгресса. Основа устава была сохранена, но почти на каждой сессии в него вносились многочисленные поправки, которые по мере накопления их изменяли и сам характер устава. На сессии в 1900 г. было изменено соотношение представительства от различных провинций в Комитете Индийского конгресса. Все бывшие президенты организации *ex officio* становились членами Комитета. Туда же были введены секретарь и его помощник из секретариата Комитета и руководитель Подготовительного комитета.

Борьба различных течений и направлений в Конгрессе велась с начала его образования, поскольку он включал в себя разнообразные слои индийской национальной буржуазии, капитализирующихся помещиков и в определенной мере представлял интересы всего индийского народа в его движении за национальную независимость. Огромную роль в деятельности партии играла индийская интеллигенция, имевшая специфические черты, отличающие ее от интеллигенции западных стран. Она выдвигала прогрессивные требования, отражавшие чаяния растущей индийской буржуазии, хотя сама в значительной своей части была связана родственными узами с феодальными слоями общества. Высшее образование в то время могли получить главным образом дети феодальной аристократии и находящихся у нее на службе высших чиновников. Только в начале XX в. стала появляться более или менее значительная прослойка интеллигентов — выходцев из буржуазной среды.

Следует отметить, что отдельные представители английской интеллигенции играли значительную роль в деятельности Национального конгресса. Почетным секретарем Комитета Конгресса в течение длительного времени был англичанин А. О. Хьюм, принимавший активное участие в создании партии⁴.

Подъем национально-освободительного движения 1906—1908 гг. выдвинул задачу изменения характера Конгресса, превращения его в более массовую организацию. Радикальное крыло его уже тогда ставило вопрос о достижении независимости. Но эта цель еще не была сформулирована в конституции Конгресса.

Несмотря на раскол в партии⁵, репрессии со стороны англо-индийских властей, Национальный конгресс продолжал расширять сферу своей деятельности. Организационно это выразилось в таком, казалось бы, незначительном факте, как преобразование Комитета Конгресса во Всеиндийский комитет Конгресса.

В 1915 г. на сессии в Бомбее под влиянием тилакистов, отколовшихся в 1907 г., было принято добавление к уставу, позволяющее избирать делегатов на съезд публичным собраниям, созданным любыми ассоциациями, если они существовали более двух лет к декабрю 1915 г.

⁴ См.: W. Wedderburn, *Allan Octavian Hume*, London, 1913; B. R. Nanda, *The Nehrus (Motilal and Javaharlal)*, London, 1962.

⁵ Подробнее см. сб.: «Национально-освободительное движение в Индии и деятельность Б. Г. Тилака», М., 1958, стр. 405—417.

Единственным условием для этих организаций было принятие в их программу задачи: «достижение самоуправления внутри Британской империи конституционными средствами»⁶.

Это добавление свидетельствовало о том, что деятельность Конгресса, который принимал все более всеиндийский характер, расширялась за счет других организаций при условии единства их основных целей. Была изменена и формулировка первого пункта Конституции. Основной задачей Конгресса теперь выдвигалась борьба за самоуправление конституционными методами.

В 1916 г. перед съездом в Лакхнау умеренные и крайние договорились о единстве действий, а на самом съезде было заключено соглашение между Конгрессом и Мусульманской лигой, предусматривавшее борьбу за предоставление Индии самоуправления в качестве «равноправного партнера в Британской империи наряду с самоуправляющимися доминионами».

Решительные изменения в уставе были произведены в условиях нового этапа национально-освободительной борьбы, развернувшегося в Индии в 1918—1922 гг. Конгресс возглавил широкое национально-освободительное движение. Он уже не мог сохранять характер верхушечной организации, если не хотел остаться в стороне от бурно развивающихся событий. Именно в этот период он начал превращаться в массовую политическую партию современного типа. На съезде в Нагпуре в 1920 г. был принят по существу новый устав. Создавалась новая организационная структура, основанная на конгрессовском делении страны в соответствии с национальным расселением индийских народов, а не на тогдашнем колониальном административном делении. Принятие административной структуры на национальной основе означало, что деятельность Конгресса хотя бы формально велась на всей территории Индии, включая княжества. Вместо семи провинций Британской Индии и огромного числа княжеств, которые продолжали функционировать как административные единицы, Конгресс образовал 21 провинцию и создал в них свои организации:

Провинция и основной язык	Центр комитета
Мадрас (тамили)	Мадрас
Андрха (телугу)	—
Карнатак (каннада)	Гадаг
Керала (малаяли)	Каликат
г. Бомбей (маратхи и гуджарати)	Бомбей
Махараштра (маратхи)	Пуна
Гуджарат (гуджарати)	Ахмадабад
Синд (синдхи)	—
Соединенные провинции (хиндустани)	Аллахабад
Пенджаб (панджаби)	Лахор
Северо-западная пограничная провинция (хиндустани)	Пешавар
Дели (хиндустани)	Дели
Аджмир-Мервара и Раджпутана (хиндустани)	Аджмир
Центральные провинции (хиндустани)	Джабальпур
Центральные провинции (маратхи)	Нагпур
Берар (маратхи)	Амраоти
Бихар (хиндустани)	Патна
Уттал (Орисса) (ория)	—
Бенгалия и Долина Сурми (бенгали)	Калькутта
Ассам (ассамский)	Гаухати
Бирма (бирманский)	Рангун

⁶ Ramana Rao, *A short history of the Indian national congress*, Delhi, p. 69.

Этот раздел устава был первым официальным документом, ставившим вопрос о полной реорганизации административного деления Индии. Он отражал требования сформировавшихся и формирующихся индийских национальностей. Впоследствии эта схема с небольшими изменениями была положена в основу реорганизации штатов уже независимой Индии в 1956 г.

В каждой конгрессовской провинции был создан Комитет Конгресса провинции (Прадеш Конгресс комитти), подчинявшийся Всеиндийскому комитету Конгресса. В качестве постоянно функционирующего органа был образован Рабочий комитет Конгресса, состоявший из 15 назначенных президентом человек, включая секретаря и казначея. Число членов Всеиндийского комитета Конгресса возросло до 350. Определялась процедура выборности президента; вводилось индивидуальное членство. Каждый член Конгресса был обязан признавать цели партии и платить 4 анны в год. Делегаты ежегодного съезда платили 10 рупий в год, а члены подготовительного комитета — 25 рупий и собирали средства для проведения очередного съезда⁷.

Вождем и идейным вдохновителем Конгресса к этому времени стал Ганди — признанный вождь индийской национальной буржуазии и национально-освободительного движения. В качестве задачи Конгресса было выдвинуто достижение «свараджа ненасильственными методами». Само слово «сварадж» понималось по-разному, но не означало полной независимости. И только на съезде в Мадрасе в 1927 г. по предложению Дж. Неру целью Конгресса было провозглашено достижение полной независимости. С 1924 г. по настоянию Ганди каждый член Конгресса обязан был заниматься прядением в знак протеста против ввоза в Индию иностранных тканей и носить одежду только из хлади.

После провозглашения независимости в 1947 г., когда цель Конгресса была достигнута, у части руководства Конгресса появилось мнение о роспуске партии, как исчерпавшей себя. В проекте предложений относительно новой структуры Конгресса, написанной Ганди за несколько часов до его трагической гибели, говорится: «Конгресс как парламентская машина и как средство политической пропаганды отжил свой век для использования его после достижения независимости»⁸. Ганди считал, что Конгресс не должен допускать «нездоровой конкуренции с политическими партиями и общинными организациями» и поэтому его необходимо превратить в широкую организацию типа «Лок севак сангх». Однако это мнение не нашло широкой поддержки, ибо пришедшая к власти национальная буржуазия нуждалась в такой партии, которая в течение десятилетий вела национально-освободительную борьбу и пользовалась огромным влиянием среди народных масс. К тому же к власти пришел блок различных групп индийской буржуазии, имевший на определенном этапе общие задачи кроме своих специфических.

В ноябре 1947 г. Всеиндийский комитет Конгресса принял резолюцию о целях Конгресса, где говорилось: «Наша цель состоит в развитии политической системы, которая сочетала бы эффективность административного управления с личной свободой и экономической структурой, дающей возможность выпускать максимум продукции без частных монополий и концентрации богатства в руках немногих, и которая создавала

⁷ Ramana Rao, *Development of the Congress constitution*, p. 38.

⁸ *Ibid.*, pp. 71—72.

бы определенный баланс между экономикой города и деревни. Такая социальная структура должна обеспечить альтернативу стяжательской экономике частного капитализма и организации тоталитарного государства»⁹.

В связи с этим первый параграф конституции Конгресса, определяющий задачи партии, был сформулирован следующим образом: «...улучшение благосостояния и прогрессивное развитие народа Индии и установление мирными и законными средствами кооперативного сотрудничества, основанного на равенстве возможностей, политических, экономических, а также социальных прав и стремящегося к миру и дружбе во всем мире»¹⁰.

В последующие годы в конституцию вносились изменения в соответствии с решениями ежегодных сессий. Изменения и дополнения касаются не только первого параграфа, но и других, связанных с организационной структурой. Таким образом, устав Конгресса систематически дополняется и изменяется. Он не остается постоянным даже в период между сессиями Конгресса, так как Всеиндийский комитет Конгресса может вносить в него изменения в течение всего года. Однако основной характер устава сохраняется. В среде конгрессистов все время ведутся споры о структуре и организации партии. Одни считают, что она должна быть более строгой и более централизованно управляемой, с четкими обязанностями и правами членов, другие хотят видеть в Конгрессе не политическую партию, а расплывчатую всеиндийскую организацию, объединяющую различные классы, разнообразные взгляды и идейные течения.

Особенно остро организационные вопросы встали после первых всеобщих выборов 1951/52 г., когда стало ясным, что авторитет партии начинает падать. Правящая партия не смогла выполнить многие свои обещания, и поэтому значительная часть индийского населения, особенно трудящиеся массы, начала разочаровываться в Конгрессе, поддерживать другие партии и прежде всего коммунистическую партию, которая на выборах вышла на второе после Конгресса место по числу депутатов в народной палате. Правда, разница в числе завоеванных этими партиями мест была огромной¹¹. Тем не менее руководство Конгресса было серьезно встревожено результатами голосования. Был принят ряд мер для укрепления влияния партии. Усилилась работа среди молодежи, был создан Конгресс молодежи — непартийная организация при Национальном конгрессе. Была укреплена женская организация Конгресса, приняты энергичные действия по активизации работы в Индийском конгрессе профсоюзов, находящемся под руководством Конгресса. В отчете генерального секретариата Конгресса за 1955 г. отмечалось, что необходимо «обратить внимание как на количественный рост партии, так и на качественный ее состав»¹². В этом же отчете сообщалось, что некоторые руководящие конгрессисты предлагают облегчить условия вступления в члены партии и ввести новые ступени членства: постоянные члены и сочувствующие.

Эти предложения были тогда отвергнуты. После вторых выборов

⁹ Ramana Rao, *A short history of the Indian national congress*, p. 120.

¹⁰ «Constitution of the Indian national congress», New Delhi, 1955, p. 1.

¹¹ Из 489 мест в народной палате Национальный конгресс получил 362 места, коммунистическая партия — 26.

¹² «Indian national congress. Report of the General secretaries (1/55—11/56)», Amritsar, 1956, p. 19.

в 1957 г. попытки «оздоровить» Конгресс стали еще более активными. В мае 1957 г., по предложению Л. Б. Шастри, была внесена поправка в устав, согласно которой одним из обязательных условий зачисления в активные члены должна быть деятельность в национальном строительстве.

Выдвигалось требование сделать первичные организации основным центром работы партии на местах (комитеты мандалов), сосредоточить работу вокруг общинных проектов (комьюнити проджектс).

Согласно конституции Конгресса с дополнениями и изменениями к 1961 г., все члены организации делятся на две категории: первичных, или рядовых, и активных.

Первичным членом может быть всякий достигший 18-летнего возраста, признающий первую статью конституции, при условии, что он не является членом другой политической партии и имеет постоянное местожительство. Он должен подать письменное заявление по соответствующей форме и платить ежегодно 4 анны. Первичные члены (по неофициальным данным 1962 г., их насчитывалось около 10 млн.) фактически никакой активной роли не играют. Они собираются, как правило, лишь для того, чтобы избрать несколько человек из числа активных членов в местные комитеты Конгресса.

Активные члены составляют костяк партии, несущий на себе все основные ее функции. Они должны отвечать следующим требованиям:

- 1) быть не моложе 21 года;
- 2) носить одежду из кхади;
- 3) быть трезвенниками;
- 4) не признавать неприкасаемости ни в какой форме;
- 5) верить в равенство возможностей и положения для всех независимо от расы, касты, вероисповедания и пола;
- 6) верить в единство людей разных верований и уважать веру других;
- 7) посвящать систематически часть своего времени какой-либо форме деятельности на благо нации или общественной службе, но не с целью получения личной выгоды, или выполнять работу по поручению Рабочего комитета; посылать периодические отчеты комитету Конгресса штата;
- 8) собрать 10 рупий в течение года и внести их в резервный фонд Конгресса.

По неофициальным данным 1964 г., активных членов было 135 тыс. Переход первичных членов партии в активные возможен, но не обязателен.

Высший орган партии — ежегодные и специальные съезды. Функцию исполнительного органа выполняет Рабочий комитет; ему подчиняются комитеты Конгресса штатов. Они в свою очередь руководят комитетами Конгресса дистриктов, мандалов или талуков и более мелких административных единиц. Комитеты Конгресса штатов пользуются большой автономией. Они решают многие внутренние вопросы самостоятельно, распоряжаются своими финансами, которые складываются не только из определенной части членских взносов, но и разнообразных пожертвований от состоятельных лиц данного штата, корпораций и т. д., имеют право разрабатывать собственный устав с условием, что он не будет противоречить уставу Конгресса¹³.

¹³ «Constitution of the Indian national congress», 1961, p. 10.

Срок полномочий комитетов Конгресса штатов, дистриктов и других более мелких подразделений и их должностных лиц установлен в два года, высшие органы партии избираются ежегодно.

После реорганизации административного деления 1956 г. конгрессовские штаты соответствуют официальному административному делению:

Штат	Центр	Штат	Центр
Анхра	Виджаявада	Махараштра	Пуна (Бомбей)
Ассам	Гаухати	Майсур	Бангалур
Бихар	Патна	Пенджаб	Чандigarх
Бомбей	Бомбей	Раджастхан	Джайпур
Дели	Дели	Тамилнад	Мадрас
Гуджарат	Ахмадабад	Уттал (Орисса)	Каттак
Химачал Прадеш	Симла	Уттар Прадеш	Лакнау
Керала	Шривандрум	Западная Бенгалия	Калькутта
Мадхья Прадеш	Бхопал		

Значительная часть деятельности Конгресса связана с проведением выборов. В уставе имеется несколько статей, посвященных этому вопросу. По уставу 1961 г., право избирать представителей в руководящие органы имели все конгрессисты, если они не меньше года состояли в партии и уплатили ежегодный взнос. Избранными могут быть только активные члены. Первичные члены избирают только в комитеты мандалов открытым голосованием. Выборы в последующие инстанции осуществляются только активными членами¹⁴. Весь штат делится на избирательные округа с населением 100 тыс., причем избирательный округ должен иметь не менее 500 первичных членов. Организация штата посылает на сессию Конгресса одного делегата от 100 тыс. населения. Исключение делается для штатов Бомбей и Дели. Они избирают одного делегата на каждые 100 тыс. населения, не считая числа делегатов экс-официо от этих штатов¹⁵.

Избранные и назначенные в каждом штате делегаты выделяют девятую часть своего числа в качестве представителей штатов во Всеиндийский комитет Конгресса, но число их должно быть не менее пяти. Всеиндийский комитет формируется на основе пропорционального представительства согласно системе «единого переходящего голоса». Кроме того, его членами экс-официо состоят бывшие президенты Конгресса и бывшие председатели комитетов штатов, если они пробыли на своем посту полный срок¹⁶.

Кроме значительного числа членов и делегатов на должности в руководящих органах партии существует институт так называемых членов-коллег (associate members), имеющих право голоса. Депутаты парламента, входящие в исполнительный орган парламентской фракции Конгресса, являются членами-коллегами Всеиндийского комитета Конгресса, а также комитетов штатов, дистриктов и других подчиненных им

¹⁴ До 1929 г. выборы делегатов на ежегодный съезд были прямыми (см. «Congress bulletin», March—June 1964, p. 236).

¹⁵ Большинство бывших председателей и других руководящих деятелей Конгресса занимают крупные партийные и государственные посты в этих городах.

¹⁶ В свою очередь каждый член комитета Конгресса штата является по должности членом комитета Конгресса дистрикта, где он живет, а также одного из комитетов, подчиненных партийной организации дистрикта.

комитетов, находящихся на территории избирательного округа, где они избраны¹⁷.

Члены Конгресса — депутаты Законодательных собраний штатов — входят в соответствующие руководящие органы конгрессовских организаций штатов, дистриктов, мандалов. Кроме перечисленных выше постоянных должностей в руководящих органах Конгресса Рабочий комитет имеет право назначить членами Всеиндийского комитета представителей организаций, созданных или признаваемых партией, а также специальных лиц по своему усмотрению в количестве, не превышающем 10% общего числа Всеиндийского комитета. При этом половина из них должна состоять из женщин. Подобные же назначения могут производить исполнительные комитеты Конгресса штатов, дистриктов и т. д.

Таким образом, руководящие органы Конгресса, несмотря на систематическую переизбираемость, имеют в своем составе более или менее постоянное ядро назначаемых членов, которые независимо от своих позиций, влияния среди рядовых членов партии и коллег могут в той или иной степени определять деятельность партии, воздействовать на ее политический курс. Так, из всего состава комитета Конгресса дистрикта только двух членов избирают нижестоящие организации, остальных или назначают, или им предоставляют пост *ex officio*.

Назначаемость значительного числа руководящих деятелей, осуществляемая Рабочим комитетом и исполнительными комитетами на местах, придает исключительное значение исполнительной власти.

Рабочий комитет — высшая исполнительная власть партии — призван осуществлять политику и программу, принятую Конгрессом. Он ответствен перед Всеиндийским комитетом Конгресса. Рабочий комитет состоит из 21 человека, включая президента Конгресса, который формирует Комитет, как правило, из числа членов Всеиндийского комитета¹⁸. Устав определяет кворум для проведения заседаний Рабочего комитета в количестве трети его состава, т. е. семи человек. Таким образом, для принятия решений необходимо простое большинство голосов. В последние годы все чаще поднимается вопрос о том, что Рабочий комитет действует, не считаясь с мнением Всеиндийского комитета, которому он подчинен.

Всеиндийский комитет Конгресса возглавляется президентом партии. Комитет устанавливает порядок осуществления программы организации, принимает меры при возникновении различных ситуаций в период срока, на который он создан.

Всеиндийский комитет имеет право определять правила, не противоречащие уставу, для регулирования вопросов, возникающих во всех подчиненных Конгрессу комитетах, он собирается Рабочим комитетом или по требованию не менее чем 50 своих членов.

70 человек, или пятая часть всех членов Комитета, представляют кворум его заседаний. Каждый член Комитета должен платить ежегодный взнос 10 рупий. Без своевременной уплаты денег он не допускается к участию в заседаниях.

Всеиндийский комитет Конгресса выполняет функцию комитета по подготовке резолюций в последние два дня перед съездом. Рабочий ко-

¹⁷ Имеются в виду избирательные округа по выборам не в партийные органы, а в парламент. См.: «Indian parliament», Allahabad, 1956, pp. 18—22.

¹⁸ В 1962 г. было принято решение, что треть Рабочего комитета должна избираться.

митет (а в случае избрания нового президента и отсутствия создаваемого им Рабочего комитета назначенный президентом Организационный комитет) представляет комитету по подготовке резолюций проекты последних, составленные Всеиндийским комитетом, комитетами штатов и отдельными членами Комитета. После одобрения проекты выносятся на обсуждение съезда.

Сложная процедура выборов президента Конгресса изложена в специальном параграфе устава¹⁹. Рабочий комитет назначает одного из генеральных секретарей Всеиндийского комитета в качестве уполномоченного для контроля за выборами (Retuning officer) президента. Затем любые десять делегатов на очередной съезд могут совместно предложить кандидатуру президента и сообщить об этом уполномоченному. Последний по истечении определенного срока должен объявить о всех предложенных кандидатурах. После самоотводов список направляется комитетам Конгресса штатов. Если после исключений остался только один кандидат, он объявляется избранным в качестве президента. Если остались два кандидата, члены Рабочего комитета должны проголосовать за одного из них; если несколько, то против каждой фамилии в избирательном бюллетене отметить очередность, в которой каждому из них хотелось бы голосовать за ту или другую кандидатуру. Если не проходит кандидатура, стоящая первоочередной, тогда голос данного члена Рабочего комитета отдается за вторую или последующую его кандидатуру.

Комитет Конгресса штата, где собирался Рабочий комитет, после голосования немедленно передает урны с бюллетенями во Всеиндийский комитет. Подсчет голосов ведет уполномоченный. Если один из кандидатов получает более 50% голосов, он считается избранным. Если никто не получил более 50% голосов в результате первого тура, кандидат, набравший меньшее число голосов, исключается из списка. Последовательное исключение продолжается до тех пор, пока один из кандидатов не наберет 50% голосов. На практике обычно таких многоступенчатых выборов не бывает. Предварительно кандидатура подбирается в Рабочем комитете и избирается единогласно или абсолютным большинством голосов. Так, в конце 1963 г. кандидатура Камараджа после согласования с Неру была предложена Атульей Гхошем, председателем Комитета Конгресса Бенгалии, и была единогласно принята членами Рабочего комитета, хотя задолго до этого шла напряженная борьба между различными группировками конгрессистов и отдельными политическими деятелями за этот пост.

За последнее десятилетие роль руководящих органов Конгресса несколько изменилась. После ухода Неру с поста президента Конгресса в 1954 г. в результате острых разногласий в Рабочем комитете этот пост стал играть менее важную роль в политической жизни страны в целом и в партии. Центр тяжести переместился в кабинет министров и в парламентскую организацию партии. Конгресс все больше превращается в партию парламентского типа, когда деятельность организации сосредоточивается вокруг выборов в парламент и в местные законодательные органы. В связи с этим возросла роль парламентской фракции правящей партии, ибо она в конечном итоге решает основные вопросы внутренней и внешней политики страны. Фракция по существу превратилась в самостоятельную парламентскую партию Конгресса.

¹⁹ «Constitution of the Indian national congress», 1961, pp. 16—18.

В официальных документах и прессе она так и называется. Борьба, ведущаяся между представителями различных направлений в Конгрессе, присуща и парламентской фракции. В последние годы жизни Дж. Неру правые группировки Конгресса упорно добивались фактического руководства парламентским бюро²⁰ путем введения поста заместителя этого бюро. Учитывая занятость Неру в кабинете министров, заместитель по парламентскому бюро мог бы фактически вершить дела в парламенте. Однако Неру в свое время воспротивился созданию этого поста.

Огромная популярность Дж. Неру среди индийского народа позволила правительству принимать важнейшие политические решения. В конце 1954 г. на сессии парламента была принята программа построения в Индии «общества социалистического образца», которая позднее была одобрена партийным органом — съездом Конгресса в Авади (начало 1955 г.). И только в 1957 г. был издан текст устава с поправкой в первом параграфе, где говорилось, что «цель Индийского национального конгресса — улучшение благосостояния и прогрессивное развитие народа Индии и установление мирными и законными средствами социалистического кооперативного содружества, основанного на равенстве возможностей политических, экономических, а также социальных прав, стремящегося к миру и дружбе во всем мире»²¹.

Принятие этой программы отражает сложный комплекс политических, экономических и идеологических противоречий индийского общества в целом и внутри Конгресса в особенности. Правящая партия стремилась сохранить за собой славу всенародной организации, борющейся за интересы всех слоев населения и прогрессивное развитие страны. Однако многие обещания партии и надежды, которые возлагал народ на нее, не оправдывались. Объективные законы развития буржуазного общества приходили в противоречие с некоторыми программными заявлениями. Вместе с тем были достигнуты и определенные успехи в развитии национальной экономики, в осуществлении ряда прогрессивных реформ. Рост влияния коммунистической партии и популярность социалистических идей в народе, растущая оппозиция правых сил, экономические и политические факторы внутри страны в обстановке неуклонного возрастания сил социализма на международной арене обусловили принятие программы построения «общества социалистического образца» Индийским конгрессом, что свидетельствовало о победе на этом этапе прогрессивных течений внутри партии. Вместе с тем это не остановило борьбы внутри Конгресса. Если противоречия в центральных учреждениях страны возникали между различными группировками в руководящих органах, то во многих штатах возникали острые конфликты между комитетами Конгресса штатов и правительствами этих штатов. Бюрократизм и коррупция, получившие невероятно широкое развитие в Индии, создавали благоприятную почву для компрометации политических противников. Борьба приняла особенно острые формы в связи с китайско-индийским пограничным конфликтом. Реакционные партии развязали широкую антикоммунистическую деятельность. Введение чрезвычайного положения позволило начать открытую кампанию против прогрессивных сил.

В этих условиях участились выпады правых против правительства

²⁰ В соответствии с конституцией Национального конгресса лидер парламентской партии является премьер-министром.

²¹ «Constitution of the Indian national congress», 1957, p. 1.

Неру, его внешней политики, курса на развитие государственного сектора в экономике, программы построения «общества социалистического образца». Правые элементы в руководстве партии и правительстве, поддерживаемые крупными монополистами, требовали предоставления полной свободы частному предпринимательству. Однако уже в первой половине 1963 г., когда китайско-индийский пограничный конфликт перешел в хроническую стадию, а экономическое наступление на трудящиеся массы под сенью чрезвычайного положения продолжалось (росли налоги, дороговизна, спекуляция предметами первой необходимости, на которой наживались дельцы), демократическое движение оживилось.

В этих условиях был выдвинут так называемый план Камараджа²², целью которого было разрядить обстановку, с одной стороны, и укрепить позиции Конгресса — с другой. Он предусматривал отставку значительной части министров в центре и штатах и переключение их на работу в аппарат партии. В августе 1963 г. этот план был осуществлен. Шесть министров центрального правительства и шесть главных министров штатов получили отставку. Среди них два крупных деятеля Конгресса правого направления: бывший министр финансов М. Десай и бывший министр сельского хозяйства и продовольствия С. К. Патиль; несколько главных министров штатов, в том числе К. Камарадж, бывший главный министр штата Мадрас. После напряженной борьбы он был единогласно избран на пост президента Конгресса.

Осуществление плана Камараджа предполагало усиление роли и значения партийных органов, поэтому борьба за формирование нового Рабочего комитета на Бхубанешварском съезде Национального конгресса была очень напряженной. Согласно принятому решению, первые треть Рабочего комитета была избрана: Л. Б. Шастри, Яшвант, Чаван, Индира Ганди, Садик Али, Раджагопалан, Рам Сабхаг Сингх, Б. Патнаик, М. Сукхадия²³. Назначение в Комитет (спустя некоторое время после съезда) получили М. Десай, С. К. Патиль, Д. Рам, А. Гхош и др.

На съезде в Бхубанешваре была принята резолюция «Демократия и социализм», приведшая к изменению формулировки первого параграфа устава. Теперь целью Конгресса стало «построение в Индии мирными и конституционными средствами Социалистического государства, основанного на парламентской демократии, где существует равенство возможностей, а также экономических и социальных прав, и которое стремится к всеобщему миру и сотрудничеству». Съезд в Бхубанешваре свидетельствовал, что борьба между различными группировками не прекратилась. В целом Конгресс остался на прежних позициях, что по существу обеспечило победу центристской линии, которой придерживался Неру в последние годы, стараясь сохранить единство партии, ее популярность и былую славу. Группировка левых во главе с К. Д. Малавия и К. Меном на съезде в организационном отношении действовала нерешительно, хотя ее во многих вопросах поддерживали рядовые конгрессисты. Проявилось это, в частности, и при избрании трети членов Рабочего комитета. Странники левых не имели общей договоренности среди делегатов многих штатов, и их голоса раскололись. Болезнь и отсутствие Неру несомненно наложили отпечаток на проведение съезда. Активность правых лидеров не встречала достаточно действен-

²² «Congress bulletin», July—August 1964, pp. 11—13.

²³ «Congress bulletin», December 1963 — January—February 1964, pp. 114—115.

ного сопротивления членов Рабочего и подготовительного комитетов, но получала серьезное противодействие со стороны рядовых делегатов и присутствующих на съезде гостей. Проект резолюции, предложенный С. К. Патилом, об изменениях в уставе партии, в частности предложение о лишении (и без того ограниченного) права выборов первичных членов, вызвал бурю негодования, и предложение не прошло. Некоторые другие поправки, принятые съездом, вели к численному росту первичных членов и незначительному повышению требований к активным членам. По новым правилам, каждый активный член обязан ежегодно платить 12 рупий вместо 10 и вербовать 50 первичных членов без права замены последнего обязательства другими видами деятельности, как это было раньше.

После смерти Дж. Неру, последовавшей 27 мая 1964 г., остро встали вопросы о руководстве в партии и в правительстве. По свидетельству прогрессивных газет, лидеры Конгресса во главе с Камараджем оказались определяющей силой в сложной обстановке борьбы при формировании нового правительства. Камарадж и его ближайшие советники в первые месяцы после смерти Неру пользовались поддержкой большинства Рабочего комитета, Всеиндийского комитета, главных министров и председателей комитетов Конгресса штатов Андхра, Майсур, Мадрас, Махараштра, Раджастхан. Кроме того, к ним примыкали министерские группировки в штатах Уттар Прадеш, Гуджарат, Мадхья Прадеш и в др.

Камарадж как президент партии сразу же после избрания начал предпринимать некоторые меры, направленные на организационное усиление партии, укрепление дисциплины во всех ее звеньях, сохранение влияния в массах, ликвидацию острых разногласий в ее рядах.

Вопросы организационной структуры Индийского национального конгресса продолжают горячо обсуждаться в руководстве партии и в низовых организациях.

А. Г. Бельский

О СОЦИАЛЬНОЙ БАЗЕ СОВРЕМЕННОГО ИНДУССКОГО КОММУНАЛИЗМА

В последние годы в Индии происходит непрерывный процесс активизации сил крайней реакции, одним из основных отрядов которой являются партии и организации современного индусского коммунизма, возглавляемые партией «Бхаратья джан сангх». «В той степени, в какой наш народ проявляет безразличие к быстрым экономическим переменам, — отмечает журнал „Линк“, — он оказывается под влиянием различных направлений феодальной мысли. Эта феодальная идеология гноится в порах нашего общества в облике коммуналистских партий»¹.

Имея в виду именно партию «Джан сангх» и родственные ей группы, Дж. Неру в своей книге «Индия в изменяющемся мире» (1963 г.) писал: «Голос правых в Индии, делающих упор в своей деятельности на крайне экстремистскую форму национализма, стал раздаваться все громче и громче»².

Партия «Джан сангх» была создана в 1951 г. руководителями откровенно религиозно-шовинистической организации «Раштрия свайям севак сангх» (РСС), что в переводе с хинди означает «Союз слуг нации». Как известно, РСС существует в Индии с 1925 г. Характеризуя роль, которую играет в Индии «Раштрия свайям севак сангх», корреспондент американского агентства ЮПИ М. Т. Маллой писал: «Это ассоциация национального масштаба. Она является индийской копией гитлеровских штурмовиков, существовавших в Германии 30-х годов. РСС представляет собой секретную армию воинствующих индусов-националистов... Она наиболее активна в тех районах страны, где низка грамотность и велика политическая отсталость. Ее твердыня — штаты Се-

¹ Помимо «Бхаратья джан сангх», к индуским религиозно-общинным партиям, действующим в Индии, относятся «Хинду махасабха» (создана в 1908 г.) и «Рам раджья паришад» (возникла в 1956 г.).

Общая характеристика такого своеобразного социального явления, как «коммунизм» (термин произошел от слова «соттипе» — община), дана в работах: А. М. Дьяков, *Национальный вопрос в современной Индии*, М., 1963; Л. Р. Гордон-Полонская, *Мусульманские течения в общественной мысли Индии и Пакистана*, М., 1963. Различные стороны идеологии и политики партии «Джан сангх» рассматриваются в кн.: П. В. Куцобин, *Современная Индия*, М., 1963, и в ст.: А. У. Ахмедзянов и А. А. Дьяков, *Политическая идеология индуских религиозно-общинных партий*, — сб. «Общественно-политическая и философская мысль Индии», М., 1962, стр. 200—216.

² Цит. по газ.: «Times of India», 31.III.1963.

верной Индии, где говорят на хинди и идеалы ортодоксального индуизма крепко сидят в головах людей».

История возникновения партии «Джан сангх» несложна. После того как 30 января 1948 г. Натурам Годзе, на протяжении многих лет бывший одним из главных советников основателя РСС Кешава Хедгера, выстрелом из пистолета убил «отца индийской нации» — М. К. Ганди, деятельность РСС была запрещена, а многие ее руководители, включая и фюрера Голвалкера, посажены в тюрьму. Добиваясь снятия запрета с деятельности организации, лидеры РСС направили индийскому правительству специальный меморандум, в котором утверждали, будто бы их партия «свободна от политических амбиций» и «будет держаться в стороне от всякой политической деятельности»³.

Давая свои обещания, лидеры РСС рассматривали их как тактический маневр. В действительности они вовсе не собирались отказываться от вмешательства в политическую жизнь страны и начали лихорадочно изыскивать пути и формы возобновления политической активности РСС. Воспользовавшись приближением первых индийских всеобщих выборов, эти лидеры на одном из своих секретных совещаний приняли решение о создании так называемого «политического крыла» РСС — партии «Бхаратья джан сангх»⁴.

На первых всеобщих выборах в 1952 г. «Джан сангх» как общенациональная политическая партия дебютировала успешно — за нее голосовали 3 276 288 избирателей, или 3,1% общего числа участвовавших в голосовании. Сразу же после выборов партия приступила к созданию своих организаций в различных штатах страны. За один только год число ее членов возросло с 215 370 до 274 907, а число местных отделений партии увеличилось за этот же период с 2551 до 4313⁵.

С течением времени влияние «Джан сангх» в массах продолжало расти, а ее политические позиции в ряде штатов усиливались. Надо отметить, что некоторые исследователи индийской политической жизни не заметили этого процесса. «Какая бы оппозиционная партия ни достигла успеха на выборах, — писал накануне вторых всеобщих выборов С. В. Рай Чаудхури в журнале „Политикал куотерли“, — ею, очевидно, не будет „Джан сангх“. Нет сомнения, что партия, которая отождествляет социализм с тоталитаризмом и возражает против законов о разводе как проявления антииндуизма в законодательстве, не способна произвести большого впечатления на избирателей в период возрастающих социальных перемен. „Джан сангх“ с ее враждебностью к вмешательству государства в экономическую и социальную жизнь не является пригодной во времена все более распространяющегося коллективизма. Во всяком случае, эта партия еще не оправилась, по видимому, от того удара, который был ей нанесен смертью ее основателя Ш. П. Мукхерджи в 1953 г.»⁶.

³ «Organizer», 23.X.1948, p. 11.

⁴ «Джан сангх» возникла из слияния двух организаций. Одна из них была создана в Пенджабе в начале 1951 г. несколькими молодыми людьми, которые «хотели внести в индийскую политику истинную жизнь и идеалы Бхарата», а вторая — «Народная партия Индии» — основана немного ранее в Калькутте д-ром Шьяма Прасад Мукхерджи, незадолго до этого покинувшим ряды партии Национальный конгресс ввиду своего несогласия с проводимой им политикой. Учредительная конференция партии «Джан сангх» состоялась в Дели 21 октября 1951 г. Президентом партии был избран д-р Ш. П. Мукхерджи (см. «Organizer», 26.I.1962, p. 19).

⁵ «Report on 9th annual session of the Bharatiya Jana Sangh», Lucknow, 1960. p. 1.

⁶ «Political quarterly», July—September 1957, p. 351.

Результаты последующих всеобщих выборов показали, однако, сколь ошибочны были такого рода прогнозы. Как известно, на выборах в 1957 г. «Джан сангх» сумела получить 7 149 824 голоса (5,93%), а на третьих всеобщих выборах за нее отдали свои голоса уже 7 363 772 человека, или 7,47% общего числа избирателей. В итоге последних всеобщих выборов, состоявшихся в 1962 г., «Джан сангх» получила 14 депутатских мест в индийском парламенте (до этого она имела 4) и провела 116 своих представителей в законодательные собрания штатов (вместо прежних 46). «Джан сангх» стала главной оппозиционной партией в штатах Уттар Прадеш и Мадхья Прадеш (49 и 41 место соответственно).

Какова же социальная база партии «Джан сангх»? В чем секрет ее растущего влияния среди масс? Чтобы ответить на эти вопросы, следует разобраться не только в том, интересы каких социальных слоев индийского общества она выражает, но и в том, на какие круги населения страны распространяется ее идейное и политическое влияние, кого удается лидерам партии увлечь за собой, одурманив шовинистическими лозунгами и религиозными призывами.

Анализ этих двух связанных между собой вопросов даст возможность выяснить специфику взаимоотношений между различными классами и социальными слоями в современной Индии, а также понять, какую роль играет «Джан сангх» в политической жизни страны, определить ее место среди других политических партий.

По образному выражению одного английского писателя, для того чтобы понять участвующие в индийской политической жизни силы и результаты их действий — часто столь удивительные для остального мира, иностранец должен быть знаком с тремя принципами: современной западной политикой, феодализмом и религиозностью. «В этих словах, — отмечает журнал „Линк“ — имеется большая доля истины, хотя использованные выражения, возможно, и неудачны»⁷.

Действительно, насколько в экономике современной Индии еще сильны различные остатки докапиталистических производственных отношений, настолько же в социально-политической и идеологической сферах живучи такие явления, как религия, кастовая система и другие пережитки феодализма. «На протяжении многих веков, — пишет журнал „Социалист конгрессмен“, — в условиях отсталой аграрной экономики и при отсутствии модернизирующих общество тенденций и движений в нашей стране пышным цветом расцвели такие явления, как ортодоксия, консерватизм, кастовая система и сепаратистские тенденции. Этот консерватизм и отсталость глубоко проникли во все поры нашего общества. Умноженные силой привычки и практикой обычаев, которых придерживается наш народ, живущий в десятках тысяч деревень, разбросанных по всей стране, они постоянно и сознательно использовались в корыстных интересах эксплуататорскими элементами индийского общества»⁸.

Следует иметь в виду, что сфера действия этих «корыстных интересов» довольно широка и разнообразна. Они объединяют и лишенных былой власти крупных лендлоуэров, и бывших раджей и магараджей индийских княжеств, и махантов из богатых индусских храмов и многих других из прежде привилегированных социальных слоев. Не

⁷ «Link», 17.XI.1963, p. 5.

⁸ «Socialist congressmen», 17.X.1961, p. 5.

смирившиеся с тем, что конгрессистская администрация лишила их в независимой Индии прежних прав и бесконтрольной власти, эти феодальные элементы постоянно изыскивают способы восстановить свое былое господство. «Оживление спустя пятнадцать лет после независимости феодальных элементов в Уттар Прадеше, — писала газета „Нью эйдж“, — привлекает внимание к тому факту, что политика аграрных реформ правящей партии вместо поощрения сельскохозяйственных рабочих и крестьян помогла феодальным элементам сохранить неповрежденными их экономические и социальные тиски. Более того, крестьянское движение в этих районах слишком слабо, чтобы смело сопротивляться феодальному влиянию и террору»⁹. Надо отметить, что в основном эти представители феодальной реакции оказывают поддержку таким партиям и организациям индусского коммунизма, как «Хинду махасабха» и «Рам раджья паришад». Несомненно, однако, что какая-то часть из них поддерживает и партию «Джан сангх».

Однако было бы неправильным думать, будто политическая программа «Джан сангх» отражает интересы довольно узких кругов феодальных князей и помещиков, торгашей с черного рынка и капиталистов, опирающихся на связи с иностранным капиталом, т. е. тех социальных прослоек, которые преуспевали в прошлом и ныне тоскуют по утерянным благам и привилегиям. В таком случае осталось бы невыясненным различие, существующее между «Джан сангх» и другими партиями индусского коммунизма, и было бы трудно объяснить, почему численность «Джан сангх» неуклонно растет и ее влияние на массы из года в год усиливается, в то время как число сторонников «Хинду махасабха» и «Рам раджья паришад» неуклонно снижается, их массовая база непрерывно сужается, а политическое влияние падает¹⁰.

Идеология индусского коммунизма возникла еще в период господства в Индии феодальных производственных отношений. Однако это вовсе не означает, что в рамках коммунистической идеологии движется только мышление бывших феодалов, крупных лендлордов и помещиков-абсентеистов. Религиозно-общинной идеологии, зародившейся в недрах старого феодального общества, придерживаются ныне самые различные и довольно многочисленные слои индийского общества.

«Параллельно с возрождением старых традиций, — пишет в журнале „Форин афферс“ американский журналист Зелиг Гаррисон, — в жизни общества потихоньку возрождается и самый грубый национализм, который совершенно откровенно и даже вызывающе черпает свое вдохновение в индуизме. Об этом свидетельствует не только рост влияния партии „Джан сангх“, но также и перемены, происходящие в самом Конгрессе».

Одна из причин такого положения заключается в том, что довольно значительные группы населения Индии в своем социально-экономическом бытии связаны главным образом с пережиточными формами докапиталистических производственных отношений, до

⁹ «New age», 22.IV.1962, p. 9.

¹⁰ Достаточно сказать, что в результате третьих всеобщих выборов «Рам раджья паришад» получила в законодательных собраниях штатов только 13 мест (10 в Мадхья Прадеше и 3 в Раджастане), а «Хинду махасабха» — 8 (2 в Уттар Прадеше и 6 в Мадхья Прадеше).

сих спор все еще сильно распространенными в экономике современной Индии¹¹.

Другой причиной распространенности религиозно-общинной идеологии является то, что религиозные верования и обычаи, уходящие своими корнями в далекое прошлое, во многом еще определяют образ жизни и психологию известной части индийцев. Этому в значительной мере способствовало вековое господство колонизаторов, которое привело к сохранению в стране устаревших социально-экономических порядков, к консервации многих отживших свой век общественных форм и идеологических явлений.

К сказанному следует добавить и то, что на всем протяжении борьбы индийского народа против английских колонизаторов пропаганда и агитация в рамках национально-освободительного движения в значительной степени велась под знаком идей, связанных с индуистской религией¹². Существование в национально-освободительном движении такой тенденции, которая взывала к религии индуизма и строила свою программу на базе идеализированной старой индийской цивилизации, несомненно, вело к созданию благоприятной почвы для деятельности коммуналистских организаций, способствовало распространению их теорий и взглядов среди довольно широких масс народа.

«Несмотря на возвышение руководства в последнее время в лице Неру и Ганди, преданных идее светского национализма,— писал уже упоминавшийся нами З. Гаррисон,— традиции ранних сторонников возрождения индуизма по-прежнему существовали, находя мощный отклик в агрессивном мистическом национализме Субхаса Чандра Боса...»

Изучение идеологии и политических воззрений «Джан сангх», ее экономических программ и практических действий убедительно показывает, что эта партия выражает интересы главным образом промежуточных социальных слоев, или, как их иногда называют, «средних классов» индийского общества.

«Основы народной поддержки „Джан сангх“ те же, что и у нацистов,— пишет в газете „Телеграф“ профессор Джозеф Фейерберн, преподающий историю Индии в Национальном университете Австралии.— Это мелкие и средние лавочники, беженцы из Пакистана, которых преследует одна мысль — пересмотреть границы (поход против Пакистана), фанатики, презирующие меньшинства (в особенности мусульман), крестьяне, недовольные политикой „большого города“, которая, по-видимому, игнорирует деревню, безработные юноши и интеллигенты с незаконченным образованием, опустившиеся на социальное дно...»

Промежуточные слои — это, как известно, группы населения, занимающие в капиталистическом обществе среднее положение между буржуазией и пролетариатом. К ним прежде всего относятся мелкие производители — собственники города и деревни: ремесленники, кустари, торговцы, ростовщики и другие предприниматели. В средние слои входят, кроме того, интеллигенция, чиновничество, часть служащих.

¹¹ Эта проблема подробно освещена в литературе, характеризующей социально-экономические последствия развития капитализма в Индии. См., в частности, кн.: А. И. Левковский, *Особенности развития капитализма в Индии*, М., 1963; В. Г. Расяников, М. А. Максимов, *Развитие капитализма в сельском хозяйстве современной Индии*, М., 1965.

¹² См. А. Гхош, *Статьи и речи*, М., 1961, стр. 294.

студенты и лица так называемых свободных профессий¹³. Это многочисленная и чрезвычайно неоднородная часть капиталистического общества, различающаяся по своему общественному положению и по своим непосредственным интересам. Существование средних слоев при капитализме обусловлено тем, что этот способ производства, с одной стороны, не уничтожает до конца старые экономические уклады и связанные с ними социальные группы, а с другой стороны, в своем функционировании и развитии постоянно и непрерывно порождает все новые и новые промежуточные группы.

Значительную часть средних слоев в Индии составляет городская мелкая буржуазия. Рост ее численности в городах особенно ускорился после завоевания независимости, когда в стране возникли благоприятные условия для развития местного национального капитала¹⁴. Согласно данным, опубликованным в газете «Пэтриот», в 1963 г. было официально зарегистрировано 36 457 мелких предприятий, на которых трудились 1337 тыс. рабочих, т. е. 36% всех занятых в промышленности. Число же незарегистрированных мелких предприятий составляло 64 тыс.¹⁵

Следует учитывать, что, помимо большого удельного веса в экономике мелкого производства, в результате особенностей развития индийского капитализма здесь особенно велик слой таких мелкобуржуазных элементов, как многочисленные посредники в торговых операциях, лавочники, ростовщики и пр.

В результате проведенных правительством аграрных реформ в деревне заметно усилилась дифференциация крестьянства, возникли предпосылки для быстрого развития кулачества, что создало благоприятную почву для проникновения коммуналистских партий и организаций в деревню. «„Джан сангх“ находит свою поддержку среди среднего крестьянства и торговцев, — писал корреспондент газеты „Таймс оф Индия“. — В Уттар Прадеше... мелкие талукдары и другие элементы, лишившиеся крупной земельной собственности, сплачиваются именно вокруг партии „Джан сангх“»¹⁶.

Описывая социальное расслоение в индийской деревне, бывший министр нефти и газа К. Д. Малавия, в частности, писал: «Находящиеся на дне неимущие жители деревень очень многочисленны. Они состоят из мелких землевладельцев и неорганизованных безземельных батраков. Их лидерами выступают разоренные мелкие заминдары и крестьяне, имеющие небольшие земельные наделы. По нынешним временам их можно отнести к состоятельным. Такие же крупные арендаторы, какими являются, например, курмисы, проявляют тенденцию отделиться от этого основного слоя и поддерживают партию „Джан сангх“»¹⁷.

Индийскую мелкую буржуазию города и деревни отличает прежде всего то, что поле ее хозяйственной деятельности, как это легко

¹³ Согласно данным, сообщенным бывшим генсеком РСС П. Б. Дани, среди 10 065 членов РСС, арестованных в штате Бомбей после убийства Ганди, были 4 тыс. студентов, 1 тыс. дельцов и 1049 государственных служащих (см. «Link», 22.X.1961, p. 10).

¹⁴ Следует отметить, что в 1960 г. мелкие зарегистрированные предприятия, располагающие всего 17% фиксированного капитала всех зарегистрированных промышленных предприятий, произвели 33% валового продукта страны («Patriot», 15.XII.1963, p. 2).

¹⁵ См. «Patriot», 7.X.1963, p. 4.

¹⁶ «Times of India», 14.III.1962, p. 5.

¹⁷ «Socialist congressmen», 17.X.1962, p. 11.

и верно подметил французский исследователь Шарль Беттельхейм, лежит за пределами современной капиталистической экономики, где все большую роль играет крупный монополистический капитал. Доминирующее положение в рядах мелкой буржуазии занимает торговец-ростовщик, живущий эксплуатацией сельского труженика или городского ремесленника. «Эта часть мелкой буржуазии... — пишет Ш. Беттельхейм, — по существу своему консервативна. Ее интересы часто требуют сохранения традиционного строя, с которым она связана. Ее интересы часто требуют также сохранения нищеты крестьянских масс, особенно выгодной именно ей, потому что эта нищета создает благоприятные условия для господства ростовщического капитала... Кроме того, крайне ограниченный в силу их социального положения кругозор этих слоев мешает им освободиться от архаической и консервативной идеологии. Иными словами, большая часть индийской мелкой буржуазии старается поддерживать консервативную и даже реакционную социальную политику»¹⁸. Являясь по своему социальному составу, экономическим интересам, политическим устремлениям и идейным взглядам консервативной силой, мелкая буржуазия все чаще и чаще используется в качестве орудия внешней и внутренней реакции.

Именно в этом кроется объяснение того обстоятельства, почему с самого первого дня возникновения партии «Джан сангх» ее лидеры ведут яростное наступление против всех главных основ, на которых зиждется внутренняя и внешняя политика индийского правительства. «Джан сангх» выступает против принципа светского характера государства, требуя, чтобы «ведущей силой национальной политики стал индуизм». Она несогласна с реорганизацией индийских штатов по языковому принципу и ратует за создание унитарного государства¹⁹. С упорством, достойным лучшего применения, лидеры «Джан сангх» борются против таких прогрессивных мероприятий индийского правительства в области экономики, как создание государственного сектора и проведение курса на индустриализацию страны, введение планового начала в развитие народного хозяйства и осуществление назревших преобразований в области сельского хозяйства. Эти лидеры заявляют, что подобные меры якобы несовместимы с «древней культурой и традициями страны». С особенным ожесточением коммуналисты из «Джан сангх» стали обрушиваться на политику индийского правительства после провозглашения им лозунга о построении в Индии «общества социалистического образца».

Разбирая объективное содержание философских, экономических и политических концепций партии «Джан сангх», необходимо учитывать особенности идеологии и социальной психологии мелкой буржуазии. Мелкий буржуа — в одно и то же время собственник и труженик. Он надеется правдой и неправдой выбиться в ряды крупной буржуазии и в то же время боится быть низвергнутым в ряды пролетариата. Из-за своего двойственного социально-экономического положения мелкий буржуа и психологически раздвоен. Как труженик он сочувствует рабочему классу, как собственник — он завидует положению буржуа.

¹⁸ Ш. Беттельхейм, *Независимая Индия*, М., 1964, стр. 143.

¹⁹ «Не является ли создание языковых штатов началом конца нашей только что родившейся свободы? — вопрошал редактор «Организера» и продолжал, — Единственный способ исправить недосмотр с языковыми штатами — это отменить провинциальную автономию» («Organizer», 9.XI.1949, p. 1). В 1962 г. «Джан сангх» выступила против образования в Индии нового штата — Нагаленд.

«Мелкий буржуа...» — писал К. Маркс, — составлен из „с одной стороны” и „с другой стороны”. Таков он в своих экономических интересах, а *потому* и в своей политике, в своих религиозных, научных и художественных воззрениях. Таков он в своей морали, таков он во всем. Он — воплощенное противоречие»²⁰.

Обратимся к рассмотрению экономической программы «Джан сангх».

«Наша партия, — заявил Ш. П. Мукхерджи в своей речи на Учредительной конференции „Джан сангх” в 1951 г., — выступает против сосредоточения экономической власти в руках небольших групп людей и картелей. Необходимо соблюдать святость частной собственности и предоставить полный простор частному предпринимательству, подчинив его задаче укрепления национального благосостояния... Социальную и экономическую эксплуатацию следует ограничить, распределение сделать справедливым и равным, а общую деловую атмосферу в стране создать такую, чтобы все могли совместно трудиться ради увеличения производства»²¹.

Прочитируем еще один документ. «„Бхаратия джан сангх” создает, — говорилось в резолюции „Об экономическом положении”, принятой на восьмой сессии „Джан сангх” в январе 1960 г. в Нагпуре, — что для упрочения экономики страны и ее успешного развития правительство должно осуществить радикальные изменения в своей экономической политике. Нужно отбросить доктринерский подход, ведущий к непрерывно увеличивающемуся вмешательству государства в сферу экономики и создать благоприятные возможности для того, чтобы индивидуумы и добровольные объединения могли делать свой вклад в развитие национальной экономики... Мелкая механизированная промышленность должна стать базой индустриального развития страны. Между ее сферой и сферой крупной индустрии необходимо провести четкое разграничение, чтобы избежать ненужной конкуренции между ними»²².

Из приведенных цитат, число которых можно было бы значительно умножить, видно, что в каждом пункте экономической программы «Джан сангх», как в капле воды, отражается двойственное экономическое положение мелкой буржуазии, ее противоречивая социальная сущность. С одной стороны, лидеры партии выступают за сохранение частной собственности, рыночных отношений и других основ товарного производства. С другой стороны, они требуют ограничения власти крупного капитала, настаивают на создании таких условий, при которых мелкое производство не вытеснялось бы из основных отраслей промышленности в результате конкуренции. Недовольный таким способом распределения богатств, какой существует в капиталистических странах, мелкий буржуа мечтает об обществе, где не было бы ни слишком богатых, ни слишком бедных, о том идеальном мире, где мелкие предприятия могли бы выдержать конкуренцию с крупными капиталистическими магнатами. Желая поддержки мелкого производителя государством, деятели «Джан сангх» вместе с тем выступают против слишком значительного вмешательства государства в экономи-

²⁰ К. Маркс, Ф. Энгельс, Избранные письма, М., 1953, стр. 158.

²¹ «Why Bharatiya Jana Sangh?», Delhi, 1951, p. 5.

²² «Resolutions of the 8th annual session of the Bharatiya Jana Sangh», Nagpur, 1960, p. 6.

ку, против строгого контроля с его стороны за хозяйственной деятельностью частных предпринимателей.

Выражая экономические интересы городских слоев мелкой буржуазии, эта партия осуждает строительство в Индии крупных промышленных объектов, порицает курс на индустриализацию страны, настаивает на развитии мелкой и сельской промышленности. Партия «Джан сангх» требует, чтобы именно эта промышленность «производила большую часть потребительских товаров», считает необходимым увеличить кредитование мелких предприятий, улучшить снабжение их сырьем и т. д.

«„Джан сангх“ существенно изменит планирование», — провозгласилось в манифесте партии, опубликованном в 1962 г. накануне третьих всеобщих выборов. Это изменение, согласно точке зрения ее лидеров, должно включать, во-первых, упор в общественном секторе на его «консолидацию» и отказ от его дальнейшего расширения «на доктринерской основе», во-вторых, отмену всех различий между общественным и частным секторами, в-третьих, развитие в широком масштабе мелкой промышленности и предприятий по производству потребительских товаров и, наконец, признание приоритета за сельским хозяйством, чтобы страна «смогла обеспечить себя продовольствием и сырьем для промышленности».

«Вряд ли из всех этих положений, — отмечал видный деятель Национального конгресса Садик Али, — можно извлечь что-либо понятное, кроме одного вывода, оставшегося невысказанным, а именно — общей тенденцией против развития экономики в направлении к социализму. Партия „Джан сангх“ хотела бы до минимума ограничить вмешательство государства в экономические дела, с тем чтобы классы, располагающие средствами, могли действовать без оглядки на желания и чаяния основной массы нашего народа»²³.

Наивные иллюзии и вопиющая непоследовательность, столь характерные для экономических концепций «Джан сангх», — это идеологическое выражение реального жизненного противоречия, присущего социально-экономическому бытию мелкого буржуа в капиталистическом обществе. В условиях капитализма мелкий производитель находится в финансовой и прочей зависимости от крупного предпринимателя, его трудовой день, как правило, длиннее, чем у рабочего, а доходы основной массы мелких хозяйчиков не выше, а нередко даже ниже заработной платы рабочих крупных предприятий. И все же несмотря на неустойчивость положения, нужду и всякие лишения, мелкий предприниматель держится за свое предприятие, ибо в условиях капиталистического общества, где трудящихся жестоко эксплуатируют владельцы земель и капиталов, где над ними висит постоянная угроза безработицы, он тешит себя иллюзией личной самостоятельности и материальной обеспеченности.

Каковы основные пункты программы «Джан сангх» в области аграрной политики?

Говоря об отмене «системы заминдари», проведенной правительством в качестве первого шага аграрной реформы, бывший президент «Джан сангх» Дева Прасад Гхош заявлял, что «при режиме заминдаров имелся по крайней мере элемент человечности в отношениях между помещиком и арендатором, а при государственном заминдар-

²³ «AICC economic review», 15.XI.1962, p. 7.

стве даже этот элемент исчез, ибо государство... не имеет души»²⁴.

В самом деле, положение индийского крестьянина нелегкое. «Почему жизнь крестьянина, несмотря на прогрессивные меры, которые были проведены: земельную реформу, создание кооперативных банков, проектов общинного развития и панчаятов, продолжает быть хуже, чем жизнь его буйвола? — ставит вопрос бомбейский еженедельник „Блитц” и сам же отвечает: — Потому, что крестьянин подвергается ныне тройному гнету — кулака, ростовщика и правительства».

Лидеры партии «Джан сангх» пытаются выдать себя за защитников экономических интересов индийского крестьянина. В действительности же они стоят на страже интересов только богатых крестьян, зажиточных земельных собственников, кулаков, ничуть не заботясь о судьбе огромного числа безземельных крестьян и сельскохозяйственных батраков. «„Джан сангх” не выступает против установления потолка в размерах земельных владений. — говорил А. Рама Рао на 9-й сессии партии в 1960 г., — но я должен отметить, что способы, при помощи которых правительства штатов предполагают ввести эти потолки, вызвали громадное замешательство в стране и повредили развитию сельского хозяйства... Вместо того чтобы вкладывать избыточный капитал в сельскохозяйственное производство, его начали затрачивать на строительство кинотеатров в городах и расходовать на другого рода непроизводительные предприятия»²⁵.

Отстаивая интересы зажиточного крестьянства и кулачества, лидеры «Джан сангх» заявляют, что вопрос о земельной реформе — это «практический вопрос, не допускающий доктринерского подхода». Они настаивают на «всесторонней и интегрированной программе реформ, направленной на отмену посредников», требуют установления «продолжительного срока владения землей, строго фиксированной арендной платы, консолидации земельных владений и предотвращения их дробления, создания экономических земледельческих хозяйств, улучшения методов обработки почвы, мелиорации заболоченных участков и равного распределения земли при фиксированном максимуме земельного владения в 30 акров хорошо орошаемой земли или равном этому эквиваленте, способном давать доход в 6—10 тыс. рупий ежегодно»²⁶.

Если мы вспомним о чудовищном малоземелье индийского крестьянства, о том, что по подсчетам, относящимся к 1959 г., около половины всех крестьянских хозяйств владели участками земли, размеры которых не превышали пяти акров²⁷, то станет совершенно очевидным, что «Джан сангх» выступает рупором лишь богатых слоев деревни.

Особенно рьяно эта партия борется против курса правительства Индии на внедрение кооперации в сельское хозяйство. При этом говорится, что кооперирование не только «лишит фермера его земли», «оставит миллионы сельскохозяйственных рабочих без работы», но и «сократит производство сельскохозяйственной продукции в стране». Лидеры «Джан сангх» утверждают, будто бы кооперирование «разрушит крестьянское чувство собственности», создаст психологию, «не-

²⁴ «Report on the 5th annual session of the Bharatiya Jana Sangh», New Delhi, 1956, p. 7.

²⁵ «Report on the 9th annual session of the Bharatiya Jana Sangh», p. 17.

²⁶ «Resolutions of the 7th annual session of the Bharatiya Jana Sangh», Bangalore, pp. 19—20.

²⁷ См. «New age», 29.XI.1959, p. 9.

благоприятную для развития сельского хозяйства», убьет «инициативу фермеров» и т. д. В пылу полемики они заявляют даже, что кооперация будто бы вообще так же плоха для сельского хозяйства, как «полигамия для семьи».

Было бы неверно предположить, что «Джан сангх» выступает против любого вида кооперации. Напротив, она хотела бы, чтобы «оказывалась еще большая поддержка снабженческим и бытовым кооперативам (service cooperatives)», которые, как известно, используются деревенскими мироедами в целях их дальнейшего обогащения. «Джан сангх» настаивает на улучшении кредитования кулацких хозяйств, на создании условий, благоприятных для «дешевого, достаточного и своевременного снабжения фермеров хорошими семенами, навозом и удобрениями, сельскохозяйственным инвентарем и тягловыми быками».

Лидеры «Джан сангх» в последнее время все более настойчиво стремятся усилить свое влияние в сельских районах, создают под своей эгидой крестьянские организации. Пытаясь захватить руководство борьбой крестьян за свои права, они ведут активную демагогическую кампанию против прогрессивных мероприятий правительства в области аграрной политики. «От наблюдателей, знакомых с неуклонным ростом силы и влияния „Джан сангх“ в этом штате, — писал „Органайзер“ в связи с 8-й конференцией этой партии в штате Раджастан, — не ускользнет тот факт, что центр тяжести ее деятельности перемещается теперь из города в деревню. Классовый состав делегатов и обсуждаемые вопросы свидетельствуют о преимуществе сельскохозяйственных районов»²⁸.

Критикуя стороны капиталистической действительности, затрудняющие мелкому производителю путь к обогащению или же прямо ведущие к его разорению, лидеры «Джан сангх» с особой ненавистью обрушиваются на социализм. В своих программных документах, статьях и устных выступлениях они всячески чернят и третируют социалистические идеи и практику строительства социализма в СССР и других странах. «Социалистическая экономика, которая неизбежно приводит к огромной концентрации власти в руках государства, — говорится в одной из резолюций Генсовета „Джан сангх“, — несовместима с демократическими идеалами»²⁹. «Индия убеждена в высоком достоинстве человеческой души, в святости личной свободы, в важности индивидуальной инициативы», — заявлял президент «Джан сангх» Дева Прасад Гхош. При социализме же, по его мнению, «индивидуум теряет свое значение и становится просто винтиком в государственной машине»³⁰.

Что это — непонимание истинной сути социализма или сознательная клевета на новый общественный строй? Во всяком случае очевидно, что отношение лидеров «Джан сангх» к социализму — не просто выражение ненависти мелкого собственника к обществу, где на смену частной собственности приходит общественная собственность и ликвидируется эксплуатация человека человеком, где создается подлинная политическая свобода и возникают условия для всестороннего развития человеческой личности. Двойственность социально-экономического

²⁸ «Organizer», 15.IX.1963, p. 5.

²⁹ «Presidential address of D. Ghosh», Poona, 1959, p. 6.

³⁰ «Resolutions of the 7th annual session of the Bharatlya Jana Sangh», p. 17.

положения мелкого буржуа порождает, как известно, противоречивый характер его психологии, идеологии и всей политической линии. Тяжко страдая от пороков, присущих современному капитализму, он не хочет, однако, коренного изменения существующих при капитализме общественных порядков, а лишь мечтает об «усовершенствовании капитализма», занят поисками так называемого «третьего пути».

«Что действительно нужно Индии, — провозглашает один из лидеров „Джан сангх“ проф. Балрадж Мадхок, — так это не социализм, не коммунизм и не капитализм. Единственный „изм“, который ей необходим, это — реализм... Если мы должны иметь какие-нибудь лозунги, то не может быть ничего лучшего для нашей экономической жизни, чем реализм... Реализм — для экономического прогресса страны, национализм — для национального единства и обороны, наконец, демократия — для сохранения и укрепления свободы и достоинства индивидуума. Таковы три главных лозунга, три руководящих принципа нашей национальной политики»³¹.

На 12-м съезде, состоявшемся в январе 1965 г. в Виджаяваде, партия «Джан сангх» выдвинула понятие «интегрального гуманизма»; его содержание в корне противоположно социалистическому общественному идеалу.

Мелкий буржуа хотел бы стоять одной ногой в социализме, а другой — в капитализме, дабы перешагивать туда и обратно, смотря по обстоятельствам. Это и есть как раз то, что В. И. Ленин называл «средней линией», когда характеризовал противоречивую суть классовой позиции и непоследовательность политических стремлений мелких собственников. Мелкая буржуазия в силу своего социального положения действительно верит в «чистую демократию», т. е. в возможность равного отношения ко всем классам и группам в условиях капиталистического общества. При этом за «чистую демократию» она нередко принимает формальное равенство перед законом, всеобщее голосование и другие внешние признаки парламентской буржуазной демократии. «...В обществе ожесточенной классовой борьбы между буржуазией и пролетариатом... — писал В. И. Ленин, — не может быть „средней“ линии. А вся суть классовой позиции и стремлений мелкой буржуазии состоит в том, чтобы хотеть невозможного, стремиться к невозможному, т. е. как раз к такой „средней линии“»³².

Касаясь рассуждений мелкобуржуазных идеологов партии «Джан сангх» относительно некоего «третьего пути», следует особо оговориться, что их позиция не имеет ничего общего с позицией левого крыла правящей партии Национальный конгресс, провозгласившей целью своей политики построение в Индии «общества социалистического образца» и пытающейся проложить к нему путь по рельсам «смешанной экономики», «демократического социализма» и т. п.

Говоря о грядущей социалистической революции в Европе, В. И. Ленин указывал, что она «не может быть ничем иным, как взрывом массовой борьбы всех и всяческих угнетенных и недовольных. Части мелкой буржуазии и отсталых рабочих неизбежно будут участвовать в ней — без такого участия не возможна массовая борьба, не возможна никакая революция — и столь же неизбежно будут вно-

³¹ «Organizer», 9.IV.1962, p. 3.

³² В. И. Ленин, *Из какого классового источника приходят и «придут» каменьяки?*, — Полное собрание сочинений, т. 32, стр. 344.

силь в движение свои предрассудки, свои реакционные фантазии, свои слабости и ошибки. Но *объективно* они будут нападать на *капитал*»³³.

Из истории известно, что мелкобуржуазные слои порождают самые различные политические и идейные течения. Из этой среды вышли, например, те фашистские молодчики, которые маршировали под знаменами Гитлера и Муссолини, стремясь завоевать мировое господство для магнатов крупного капитала. Ей же, как своей «социальной родине», обязан существованием анархизм всех родов и мастей. Вместе с тем в определенных условиях из рядов мелкой буржуазии выходят и представители радикально настроенной революционной демократии, способные в союзе с рабочим классом и трудовым крестьянством многое сделать для общественного прогресса. Вот почему столь важно для истинных революционеров правильно учитывать двойственность социально-экономического положения мелкой буржуазии, делать все необходимое, чтобы вырвать ее из-под влияния крупной реакционной буржуазии, вовремя и умело пресекать ее колебания, объединять и направлять ее на союз с рабочим классом, последовательно борющимся за ниспровержение капитала и победу социализма.

В идеологии и программных установках партии «Джан сангх» нашли отражение не только интересы мелких производителей, торговцев, ростовщиков и нарождающегося кулачества, но и нужды и чаяния мелкобуржуазной интеллигенции, которая в современной Индии очень многолика. «„Джан сангх“, опирающаяся в городах Уттар Прадеша в основном на торговцев и промышленников, — отмечала газета „Нью эйдж“, — в последнее время проникла в средние классы (клерки, учителя, адвокаты, студенты, чиновники пражданской администрации и полицейских служб и т. д.), отравляя их ядом коммунизма»³⁴. Этот же момент подчеркивается и другими индийскими источниками. «„Джан сангх“ перестала быть только партией сетхов, шахукаров и лендлордов, — отмечала, например, гуджаратская газета „Сандеш“. — Адвокаты, доктора, профессора и судьи в отставке начали появляться в ее рядах... „Джан сангх“ начала поговаривать о рабочих и крестьянских союзах и местном социализме».

Влияние «Джан сангх» среди интеллигенции объясняется рядом обстоятельств. В период колониального господства в Индии выросла в основном не техническая интеллигенция, а многочисленный слой представителей таких интеллигентских профессий, которые в сегодняшней индийской действительности нередко не могут найти практического применения своим силам и знаниям.

«Юристы из маленьких городов, доктора, являющиеся представителями аурведического направления в медицине, учителя, лавочники и земледельцы со значительным достатком — все эти группы, — отмечает группа американских ученых в исследовании, посвященном Индии, — имеют среднее школьное образование или окончили маленькие провинциальные колледжи. Они говорят на народном диалекте и обычно настроены очень религиозно. В Северной Индии этот элемент играет активную роль, он требует использовать язык хинди в качестве государственного, отстаивает запрет на убой коров, поддерживает запрещение употребления спиртных напитков и вообще всячески подчер-

³³ В. И. Ленин, *Итоги дискуссии о самоопределении*, — Полное собрание сочинений, т. 30, стр. 54—55.

³⁴ «New age», 18.II.1962, стр. 9.

кивает важность старых традиций. Некоторые из партий индусского коммунизма черпают свои силы в этом классе...»³⁵.

Кроме того, в независимой Индии в результате расширения системы образования, разбухания государственного аппарата и т. д. число интеллигенции значительно возросло. В стране увеличилась непроизводительная часть населения городов. Очень часто эти люди не могут найти себе работу и оказываются в рядах люмпен-пролетариата, склонного легко подвергаться влиянию реакционной идеологии, одурманиваться шовинистическими идеями и принимать участие в различных политических авантюрах.

Интеллигенцию, служащих, студентов, чиновников лидеры «Джан сангх» стараются привлечь на свою сторону при помощи тонкой спекуляции на их особенно обостренных националистических чувствах, разглагольствований о необходимости восстановления древнего «духовного наследства», возрождения «позитивной и конструктивной бхаратской культуры», «внедрения в политическую жизнь Индии ее души и врожденных стремлений», «возвышения характера индивидуумов».

«С приобретением практического опыта „Джан сангх“ становится умнее, — отмечала газета „Нью эйдж“. — Она больше не говорит о религиозном ревайвализме индусов в прежних — грубых и устаревших — выражениях. Теперь она льет свое старое вино в новые бутылки»³⁶. Тогдашний президент «Джан сангх» А. Рам Рао настаивал на упрочении основной концепции — «одна страна, одна культура и одна нация» — для достижения правящими партиями «истинной национальной интеграции». Что подразумевается под этим лозунгом, станет ясным, как только мы вспомним о событиях, происшедших накануне заявления А. Рам Рао.

Выступая в Бомбее по поводу антимусульманских погромов, вспыхнувших в штате Уттар Прадеш, бывший тогда министром внутренних дел Индии Лал Бахадур Шастри поставил вопрос следующим образом. «Мы должны решить: имеют ли религиозные меньшинства право на существование в Индии или нет?» Именно это заявление Л. Б. Шастри вызвало возмущение президента «Джан сангх», который поспешил назвать его «безответственным». Тем самым один из деятелей «Джан сангх» лишний раз подтвердил тот факт, что эта партия — религиозно-общинная, проповедующая ненависть ко всем неиндусам, особенно мусульманам.

Лидеры «Джан сангх» придают большое значение распространению своего влияния среди широких масс индийского населения, стараясь привлечь к себе наиболее неграмотную и политически отсталую часть жителей. Но главное внимание они обращают на работу среди молодежи, особенно студенчества. Их расчет строится на том, что молодежь легче всего отравить ядом религиозно-шовинистической идеологии, вовлечь в межобщинную борьбу, сделать слепым орудием в руках реакционных сил. Как показывает жизнь, эти расчеты отнюдь не беспочвенны. Когда коммуналистской реакции удастся в каком-либо индийском штате спровоцировать религиозно-общинные столкновения, организовать антиправительственные харталы или демонстрации, в них принимают участие многие молодые люди, оказавшиеся в плену реакционных коммуналистских идей.

³⁵ «The politics of developing areas», p. 181.

³⁶ «New age», 19.XI.1961, p. 2.

«В период, предшествовавший получению независимости, — отмечает деятель прогрессивного крыла индийского молодежного движения С. Митра, — молодежь вдохновляли идеалы свободы и независимости, после же получения независимости... образовался своеобразный идеологический вакуум. Это создает большую опасность. Последние события, например, показали, что мелкобуржуазные тенденции начинают овладевать умами известных слоев нашей молодежи. В некоторых штатах прошли крупные бунты, инициаторами которых явились коммуналистские и религиозные силы. В этих бунтах приняли участие тысячи молодых людей»³⁷.

Надо сказать, что руководители «Джан сангх» не ограничиваются разнузданной пропагандой против религиозных меньшинств в Индии. Они являются вдохновителями и организаторами индусско-мусульманских столкновений, которые за последние годы чрезвычайно участились и в которые вовлекаются все более широкие круги населения.

«Индусские фанатики из РСС, — пишет Х. Тинкер, долгое время изучавший политическую жизнь Индии, — придерживались в прошлом культа насилия, однако после убийства Ганди они были подавлены и оказались вынуждены в последующие годы действовать осторожно. Приблизительно с 1960 г. индусские изуверы снова обратились к насилию и созданию массовой истерии, чтобы завоевать власть, которой они не могут достичь простой апелляцией к разуму и вере».

Под эгидой «Джан сангх» на религиозно-общинной основе создана особая молодежная организация, функционирующая во всеиндийском масштабе, — «Видьяртхи паришад», ее возглавляет проф. В. Натараджан. Эта организация активно действует во всех штатах и насчитывает в своих рядах довольно значительное число членов.

Какие же приемы используют коммуналистские лидеры для идеологической обработки умов индийской молодежи?

Прежде всего они стараются представить себя защитниками и носителями «древней бхаратской культуры». Выступая на сессии пенджабского отделения «Видьяртхи паришад» в городе Лудхиана, профессор Аллахабадского университета Раджендра Сингх утверждал, в частности, что эта организация — «единственная всеиндийская студенческая ассоциация, базирующаяся на возвышенных идеалах индийской культуры»³⁸. В приветственной речи на 6-й сессии «Видьяртхи паришад» в штате Раджастхан д-р Шарма высказался против тенденции «высмеивать все то, что имеет отношение к славному прошлому Бхарата», и заявил о необходимости «перестроить нацию на основах огромного культурного богатства и великого наследия»³⁹.

Чтобы яснее представить себе, о каком «культурном наследии» ведут речь индусские коммуналисты, достаточно обратиться к выступлениям генерального секретаря партии «Джан сангх» — Диндайяла Упадхайи. «По существу только индуизм, — провозглашает он, — объединяет четырехсотмиллионный народ Индии. Все различия превратятся в ничто, как только эти миллионы осознают, что все они — индусы. Если имеется какая-то история, которая может воодушевить нас и укрепить связывающие нас узы, то это — история индусов. Если имеется какая-то культура, которая в состоянии дать реальность и

³⁷ «Проблемы мира и социализма», 1962, № 1, стр. 77.

³⁸ «Organizer», 12.I.1959, p. 11.

³⁹ «Organizer», 29.XII.1958, p. 10.

единство всем нашим кажущимся различиям, то это — индусская культура. Если имеется какая-либо жизнь, которая может быть названа национальной, то это — жизнь индусов»⁴⁰. Исходя из этих положений, Д. Упадхайя требует «перевоспитать, реформировать и национализировать» мусульман.

«„Бхаратья джан сангх“», — говорится в предвыборном манифесте партии, вышедшем в 1962 г., — выступает против тенденции, находящейся в противоречии с нашим идеалом секуляристского государства, пытающейся вовлечь религию в политику и требующей на этой основе специальных привилегий... „Джан сангх“ считает ошибочным делить чарод Бхарата на большинство и меньшинство, основываясь на религиозной принадлежности»⁴¹.

Из приведенной цитаты видно, как в устах лидеров «Джан сангх» слова меняют свой истинный смысл. Прибегая к софистическим приемам, эти лидеры объявляют «коммуналистами» тех, кто признает право на существование в Индии различных равноправных религиозных меньшинств, а тех, кто отрицает за другими религиозными общинами право на проживание в Индии, кто провозглашает, что «только индусы являются нацией в Бхарате», они объявляют «истинными националистами».

Таким образом, идеальное «секуляристское государство», о котором говорится в манифесте «Джан сангх», оборачивается на деле старым лозунгом индусских коммуналистов — «Хинду Раштра», т. е. государство индусов, а за разговорами о том, чтобы держать религию «вне политики», прорывается скрытый призыв религиозных фанатиков и шовинистов «раздавить» неиндусские меньшинства.

«Коммунизм снова становится основной проблемой, — отмечалось в одной из реакционных статей „Нью эйдж“. — Игнорировать эту угрозу было бы самоубийством для нации»⁴². Особое беспокойство прогрессивных сил Индии вызывает то обстоятельство, что вирус коммунизма начинает проникать и в среду рабочего класса⁴³. Об этом свидетельствуют, например, события в штатах Западная Бенгалия, Бихар и Уттар Прадеш. В связи с прибытием в эти штаты поездов с индусами-беженцами из Восточного Пакистана реакционным силам удалось спровоцировать здесь религиозно-общинные столкновения, закончившиеся резней мусульман, проживающих в Индии. Религиозно-общинные беспорядки распространились и на такие города, как Джемшедпур и Роуркела, являющиеся центрами сосредоточения пролетариата.

Лидеры партии «Джан сангх» уже давно стремятся проникнуть в пролетарскую среду. Еще в 1956 г. по их инициативе был создан особый союз тред-юнионов для рабочих-индусов — «Бхаратья маздур сангх», во главе которого стоит один из выучеников РСС — Д. П. Тенгади. В 1961 г. этот союз насчитывал в своих рядах 10 тыс. членов, имел отделения в 13 штатах страны и в него входило 226 различных профсоюзных организаций, охватывающих 23 отрасли промышленно-

⁴⁰ «Organizer», 30.I.1961, p. 3.

⁴¹ Цит. по: «New age», 4.II.1962, p. 12.

⁴² «New age», 26.IV.1964, p. 7.

⁴³ Описывая свою встречу с Дж. Неру, главный редактор бомбейского еженедельника «Блиц» Каранджа писал: «Его главной заботой в данный момент являются коммуналистские беспорядки и особенно тот факт, что периодически вспыхивающая чума начинает раздвигать рабочий фронт страны» («Blitz», 28.III.1964, p. 1).

сти. С тех пор число членов союза значительно возросло. Выступая на второй ежегодной сессии Делийского отделения «Бхаратъя маздур сангх», генеральный секретарь этого отделения Рагувир Део заявил, что за один только год к союзу присоединилось 19 профсоюзных организаций, где насчитывается 12 тыс. членов⁴⁴.

«Рабочее крыло» партии «Джан сангх» осуществляет раскольническую деятельность в индийском профсоюзном движении. «„Джан сангх” и РСС в Нагпуре и всей провинции Видарбха, — сообщал журнал „Линк”, — начали кампанию по расколу и захвату профсоюзов правительственных и банковских служащих... „Бхаратъя маздур сангх” распространяет свои щупальца также на текстильщиков и другие отряды рабочего класса»⁴⁵.

Говоря о характере деятельности коммуналистских организаций в рядах пролетариата, этот журнал писал, что «распространение влияния тред-юнионов, созданных „Джан сангх”, преимущественно ограничивается небольшими промышленными центрами и охватывает в основном первоначальные формы объединений рабочих (plant unions), которые повсеместно рассматриваются профсоюзами как переходная ступень к более высоким формам объединений (company unions)... Нередко интересы рабочих приходят в противоречие с коммуналистски трактуемыми национальными интересами. Тем не менее для коммуналистов не представляет труда привлечь на свою сторону тех, кто трудится на предприятиях, имеющих небольшое число квалифицированных или полуквалифицированных рабочих. Нередко сами владельцы этих мелких предприятий заинтересованы в том, чтобы рабочие вступали в объединения, пользующиеся их доверием, дабы оградить свои фабрики от влияния истинных тред-юнионов»⁴⁶.

Руководители «Джан сангх» используют свои профсоюзные организации не только для проповеди религиозно-общинных идей, но и для активной защиты интересов предпринимателей. На страницах издаваемых ими газет усиленно пролагандируются идеи «классового мира», «содружества труда и капитала» и т. п.

«„Джан сангх” считает идеи классовой борьбы и классовой ненависти неправильными и вредными, — говорится в программе партии. — Труд и капитал — не антагонисты, а взаимно дополняют друг друга»⁴⁷. Мелкобуржуазным идеологам, как видим, свойственна попытка «примирить» классовые противоречия, постараться поставить интересы «нации» над интересами отдельных классов. Нередко за этим скрывается стремление оградить эксплуататоров от революционного натиска трудящихся масс. «Пора перестать быть жертвами коммунистической измены, которая, поднимая лозунг интернационализма, стремится уничтожить наше чувство патриотизма», — провозглашает Тенгади.

Стремясь разрушить пролетарскую сплоченность и солидарность, коммуналистские лидеры выдвинули предложение считать «Национальным днем рабочих Индии» не Первое Мая, а День Вишвакармы. Вишвакарма, по их словам, был «первым основателем индийских профсоюзов на основе бесклассовости и в течение тысячелетий служил идеалом для индийских рабочих». При этом обращает на себя внимание тот факт, что некоторые индийские капиталисты, прекрасно понимая,

⁴⁴ «Organizer», 23.VII.1962, p. 12.

⁴⁵ «Link», 22.IX.1963, p. 17.

⁴⁶ «Link», 14.VI.1961, p. 14.

⁴⁷ «Manifest and programme of the Bharatiya Jana Sangh...», Delhi, 1958, p. 11.

на чью мельницу льют воду лидеры «Бхаратья маздур сангх», согласились выплачивать рабочим за праздничный День Вишвакармы плату как за обычный день работы⁴⁸. Пролетарский праздник Первого Мая не нравится коммуналистским деятелям, потому что он «символизирует — по их же признанию — классовую концепцию, конфликт классов и все прочие пороки, вытекающие из промышленной цивилизации». А классовая точка зрения совершенно чужда и неприемлема для мелкобуржуазных идеологов. Они предпочитают мечтать о «третьей силе», рассуждают о «вреде ненависти», о необходимости «изменить сердца людей, чтобы добиваться перемен в рамках закона», и тому подобном.

Еще совсем недавно промежуточные слои в Индии в силу своего экономического положения и исторических условий нередко выступали оплотом крупной индийской буржуазии. Сейчас же между ними и монополистами все более углубляются противоречия, происходит сужение социальной базы индийских монополий. В этих условиях внимание крупных воротил индийского делового мира все чаще направляется в сторону партии «Джан сангх» и стоящих за ее спиной отрядов РСС.

Чем же привлекают взор индийских монополий организации современного индусского коммунизма, ведущие активную религиозно-шовинистическую пропаганду и умело использующие методы социальной демагогии и обмана народных масс? Крупная буржуазия усматривает в них то политическое орудие, при помощи которого можно было бы в обстановке углубляющихся социальных противоречий и обострения классовых антагонизмов попытаться удержать под своим влиянием мелкую буржуазию и другие промежуточные слои общества.

История свидетельствует, что, устанавливая свою открытую террористическую диктатуру, капиталистические монополии используют реакционные тенденции мелкой буржуазии и находят массовую базу фашистского движения именно в промежуточных слоях капиталистического общества.

«Превосходя своим цинизмом и лживостью все другие разновидности буржуазной реакции, — говорил Георгий Димитров на VII Всемирном конгрессе Коминтерна, — фашизм приспособляет свою демагогию к национальным особенностям каждой страны и даже к особенностям различных социальных слоев в одной и той же стране. И представители мелкой буржуазии, даже часть рабочих, доведенные до отчаяния нуждой, безработицей и необеспеченностью своего существования, становятся жертвой социальной и шовинистической демагогии фашизма»⁴⁹.

В лице «Джан сангх» монополистический капитал, по-видимому, усматривает один из тех возможных козырей, к которому он сможет прибегнуть, если парламентские формы господства буржуазии изживут себя и монополии решат стать на путь ликвидации демократических свобод и установления режима открытой фашистской диктатуры.

Возникновение у крупного капитала на определенной стадии его развития профашистских тенденций разъясняет, почему в последнее время индийские монополии все чаще и чаще обращают свои взоры

⁴⁸ «Organizer», 16.I.1961, p. 15.

⁴⁹ Г. Димитров, Доклад на VII Всемирном конгрессе Коммунистического Интернационала, М., 1958, стр. 10.

на партию «Джан сангх», увеличивают свою финансовую поддержку ей, проявляют все больше заботы об укреплении ее политического престижа. По-видимому, индийская монополистическая буржуазия вынашивает планы использования партии «Джан сангх» в своих интересах. Действительно, такая партия, имеющая большой опыт в деле направления народного недовольства в русло религиозно-общинной вражды, раздувания шовинистического угара и ловкого обмана масс социальной демагогией, может при случае хорошо сослужить крупной буржуазии.

В свою очередь лидеры партии «Джан сангх» все чаще поднимают свой голос в защиту интересов «большого бизнеса», начинают выступать в качестве откровенных апологетов капиталистических монополий — как индийских, так и иностранных. В своих политических документах они, учитывая антикапиталистические устремления промежуточных слоев индийского общества, выдвигают требования об ограничении экономической власти крупного капитала, настаивают на защите мелкой собственности и т. д. Однако в своей практической деятельности, в устных выступлениях в местных органах власти и в парламенте лидеры «Джан сангх» не стесняются откровенно защищать узкоклассовые интересы монополий. Неоднократно в парламенте Индии они выступали против введения налога на сверхприбыль, а в муниципалитете города Дели требовали отказаться от увеличения налога на владельцев домов и земельных участков. На сессиях партии были приняты специальные резолюции, которые требуют установления «экономной цены» за газ, поступающий с государственных нефтяных разработок на промышленные предприятия капиталистов в штате Гуджарат, настаивают на передаче городского транспорта в ряде городов страны в руки частных владельцев и т. д.

На 11-й ежегодной сессии «Джан сангх», состоявшейся в конце 1963 г. в Ахмадабаде, ее руководители выступили с предложением отбросить «доктринерское различие между государственным и частным сектором», предоставить последнему «дополнительные возможности» в тех областях, где первый якобы «потерпел неудачу». Таким образом, в своем отношении к государственному сектору они полностью солидаризировались с представителями индийских монополий. Последние, как известно, давно стремятся ограничить государственный сектор теми сферами производства, функционирование в которых частному капиталу пока невыгодно. Они хотят, чтобы основной функцией этого сектора стало обслуживание частнокапиталистического предпринимательства, чтобы государственный сектор, говоря словами Бирлы, «выступал в роли генератора» — ускорителя развития страны в направлении капитализма.

В настоящее время индийские монополисты все настойчивее выдвигают требование «шире открыть двери для частного капитала», создать «благоприятный климат для иностранных инвестиций». Они начинают подумывать уже о проникновении в те отрасли промышленности, куда, согласно Промышленной резолюции 1956 г., прежде доступ им был закрыт.

Играя на руку индийским и иностранным монополиям, лидеры «Джан сангх» требуют изменения внешнеполитического курса страны, торпедируют политику позитивного нейтралитета и неприсоединения к военным блокам. Именно партии «Джан сангх» принадлежит приоритет в выдвигании требования милитаризовать индийскую эконо-

мику и предложения как можно быстрее наладить в Индии производство собственного ядерного оружия,

Внешнеполитическая программа «Джан сангх», проникнутая духом крайнего шовинизма, играет на руку империалистическим державам Запада, стремящимся усилить напряженность в Юго-Восточной Азии, противопоставить одни народы другим, использовать противоречия в своих интересах, остановить дальнейшее развитие национально-освободительного движения.

«В Индии должна существовать политическая партия, — писал „Органайзер“, — которая своей главной целью выставит создание Акханд Бхарата (Единой Индии). Так же как Конгресс отважился когда-то записать в своей программе пункт о ликвидации английского господства, точно так же необходима политическая партия, которая отважится сейчас выставить своей главной целью аннулирование раздела Индии»⁵⁰. Оголтелая шовинистическая пропаганда помогает лидерам «Джан сангх» увлекать за собой наиболее отсталые в политическом отношении и националистически настроенные слои индийского общества.

Идеологи «Джан сангх» изображают деятельность профсоюзов, а также социальное законодательство и другие прогрессивные мероприятия индийского правительства как главные причины бюджетного дефицита, роста цен и т. п. Чтобы придать этой критике больше убедительности, ее сопровождают нападками на деятельность государственного аппарата, крикливыми выпадами против бюрократии, коррупции и вторжения буржуазного государства в экономическую жизнь. Единственным эффективным оружием в борьбе против всех недостатков в экономической и политической жизни современной Индии лидеры «Джан сангх» объявляют установление «сильной власти», замену парламентской системы авторитарным режимом. Они вновь и вновь провозглашают лозунг: «Одна страна, одна партия, один лидер!». «Если Конгресс полностью распадётся, страну охватит анархия и не будет никого, кто смог бы справиться с создавшимся положением, — заявил Голвалкер в беседе с корреспондентами еще в 1949 г., — то при таких обстоятельствах я пожертвую частью своей духовной сущности и приму ответственность за руководство народом»⁵¹. В этой связи особенно актуально звучат слова Дж. Неру, который охарактеризовал партию «Джан сангх» как «индийскую разновидность фашизма»⁵².

Патриоты и демократы Индии все глубже понимают всю серьезность растущей коммуналистской опасности, несущей большую угрозу единству страны, достижениям индийского народа и дальнейшему социально-экономическому и политическому развитию страны. Все громче раздаются призывы усилить борьбу с коммуналистской идеологией, своевременно и решительно пресекать попытки реакционных сил провозгласить религиозно-общинные столкновения, запретить существование коммуналистских партий и организаций.

⁵⁰ «Organizer», 10.VII.1963, p. 7.

⁵¹ «Organizer», 7.X.1949, p. 3.

⁵² «Link», 25.III.1962. Нужно отметить, что лидеры «Джан сангх» отнюдь не пытаются скрывать свои фашистские убеждения. «Органайзер», например, дошел до утверждения, что Муссолини, Гитлер, Франко — «гордые патриоты» и что «фашизм был отчаянной попыткой итальянских, немецких и испанских националистов удалить с корнем раковую опухоль коммунизма и пресечь подрывную деятельность Советского Союза» (цит. по: «New age», 1.X.1961).

«Чтобы бороться с коммуналистами, выступающими все более организованным фронтом, — писал центральный орган Коммунистической партии Индии газета „Нью эйдж“, — недостаточно и в дальнейшем лишь произносить абстрактные проповеди и призывать к единству между религиозными общинами. Секуляристские силы — силы, готовые сокрушить коммунизм, — должны объединиться и создать общую платформу в борьбе за единство между религиозными общинами. При этом нельзя ограничиваться пошлыми призывами к гармонии. Необходимо разоблачить заговор империалистов и врагов независимости Индии, которые стоят за коммуналистскими партиями и организациями, необходимо разоблачить преступную „философию“ и аргументацию коммуналистов»⁵³.

⁵³ «New age», 26.IV. p. 4.

В. М. Николаев

**ПОЛИТИКА ПАКИСТАНСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА
В ОБЛАСТИ ТРУДА
(1958—1962)**

Новое правительство, пришедшее к власти в октябре 1958 г., в течение всего рассматриваемого периода уделяло серьезное внимание рабочей проблеме. Пакистанский пролетариат в предшествующие годы показал, что он, несмотря на свою относительную ко всему населению страны малочисленность, представляет внушительную силу, а его борьба является одним из серьезнейших факторов, определяющих политическую обстановку в государстве. Поэтому новый режим с самого начала поставил перед собой задачу: добиться «мира в промышленности», что должно было повести к спаду рабочего движения и укреплению позиций господствующих классов¹.

Теоретическим обоснованием политики правительства в рабочем вопросе стало положение о надклассовом характере государственной власти в стране. «В Пакистане, — писала одна из официозных газет, — преследуется цель создания государства всеобщего равноправия, основанного на социальной справедливости и равном распределении богатства. Эта цель — руководящий принцип рабочей политики»². Данная политика должна была, таким образом, также носить надклассовый характер и удовлетворять интересы «обеих составных частей производства — труда и капитала», т. е. рабочих и предпринимателей. Подчеркивалось даже, что из этих двух компонентов первый более нуждается в помощи и что власти будут учитывать это обстоятельство. «Политика правительства в области труда, — сообщал орган деловых кругов, — направлена на формирование у рабочих убеждения, что их интересы защищаются нынешним режимом»³.

¹ В ноябре 1958 г. военный администратор Восточного Пакистана генерал-майор М. Умрао-хан указал, что интересы государства, а равно и интересы рабочих и предпринимателей требуют «мира в промышленности», прекращения стачек и локаутов («The Pakistan times», Lahore, 29.XI.1958). «Ошибка будет считать, что существуют постоянные противоречия между трудом и капиталом», — заявил М. Айюб-хан 19 декабря того же года на конференции, посвященной вопросам сотрудничества рабочих и предпринимателей («Towards a new Pakistan. Quotations from field marshal Mohammad Ayub Khan». Karachi, 1961, p. 43).

² «The Pakistan times», 14.VII.1962.

³ «Karachi commerce», 14.III.1959, p. 1.

Разработка основных мероприятий правительства в указанном вопросе заняла несколько месяцев. В начале марта 1959 г. министр труда, социального обеспечения и здравоохранения генерал-лейтенант В. А. Бурки официально объявил, что принципиальные основы политики в рабочем вопросе выработаны; вскоре они были воплощены в нескольких законодательных актах. Важнейшие из них: «О конфликтах в промышленности» (1959), «Об условиях работы в промышленных и торговых предприятиях» (1960), «О профсоюзах» (1960).

В основу всех этих актов положен тезис о том, что в слаборазвитых странах, подобных Пакистану, в отличие от высокоразвитых держав интересы отдельных классов не противоречат друг другу, поскольку все они в равной мере заинтересованы в одном — в росте производства. Но для увеличения производства необходимо прежде всего мир в промышленности, без которого невозможен экономический прогресс страны. «Рост производства, — заявил В. А. Бурки на конференции по вопросам труда 4 мая 1959 г., — не может быть достигнут без хороших отношений между предпринимателями и рабочими»⁴. Та же мысль проведена и во многих официальных правительственных изданиях. В одном из них, озаглавленном «Наша рабочая политика», сказано: «Промышленный мир жизненно важен для экономического прогресса. Прочные и здоровые отношения между хозяевами и рабочими — предварительное и основное условие производства»⁵. Напротив, конфликты в промышленности представлялись как невыгодные всем членам общества, так как они ведут к нарушению производственных процессов, потере рабочего времени, уменьшению выхода готовой продукции и ее удорожанию. На многочисленных конференциях и семинарах, где участвовали представители правительства, предпринимателей и рабочих, наряду с утверждением о единстве и гармонии труда и капитала настойчиво повторялась идея, что рабочие прежде всего обязаны исходить из интересов государства. На одной из таких конференций в феврале 1962 г. В. А. Бурки подчеркнул, что «рабочее движение должно иметь в виду не просто благосостояние рабочих, но и положение всей страны. Поэтому рабочие обязаны подчинять свои интересы интересам нации»⁶. На основании того, что забастовки якобы «порождают анархию, ухудшают производственный процесс» и противоречат тем самым интересам не только предпринимателей, но и всего общества, т. е. и самих рабочих⁷, были резко ограничены права пакистанского пролетариата на проведение стачек. Одним из доводов в пользу этого явилось утверждение, что только в условиях мира в промышленности возможен широкий приток иностранного капитала, столь необходимого для экономического развития Пакистана⁸.

Следует заметить, что в первые месяцы после октября 1958 г. в стране были запрещены все забастовки, однако вскоре это положение было пересмотрено, и в мае 1959 г. власти объявили о запрещении только «незаконных стачек». Предоставленное пролетариату право на стачечную борьбу было весьма ограниченным, тем не менее в пакистанской печати развернулась длительная кампания с целью убедить рабочих не пользоваться этим правом, поскольку это невыгодно

⁴ «The Pakistan times», 5.V.1959.

⁵ «Our labour policy», Karachi, [S. a.], p. 2.

⁶ «Progress of the month», Karachi, February 1962, p. 21.

⁷ См. журн.: «Economic observer», Karachi, March 1959, pp. 4, 7.

⁸ «The Pakistan review», vol. VIII, Karachi, 1960, № 3, p. 5.

ни им, ни всему обществу. «Трудовые усилия, а не забастовки — вот что должно стать лозунгом рабочего»⁹, — убеждали различные официальные и полуофициальные органы. В случае же возникновения конфликта между предпринимателями и рабочими они настойчиво советовали последним «искать удовлетворения по каналам, установленным законами»¹⁰. Какие же это каналы?

В соответствии с указом «О конфликтах в промышленности»¹¹ механизм решения всех конфликтов между рабочими и хозяевами предусматривал следующие три стадии — переговоры, примирение и принудительный арбитраж. Если переговоры между рабочими и предпринимателями ни к чему не приводили, то вопрос передавался на рассмотрение специального чиновника, назначенного властями, который должен был примирить обе стороны. В случае неудачи и на этой стадии дело шло в специальный промышленный суд; его решение было окончательным и не подлежало пересмотру в какой-либо другой инстанции. Промышленные суды состояли из председателя и двух членов. Один из них представлял рабочих, другой — предпринимателей. Состав этих судов формировался правительством и им же увольнялся и замещался. Председатель назначался из членов высшего или окружного суда. Для осуществления первой стадии решения конфликтов на предприятиях были созданы консультативные органы из представителей рабочих и предпринимателей. В их обязанность входило не только «доброжелательное урегулирование споров, но и их предупреждение»¹².

Общей политикой правительства в области труда определялся и его курс по отношению к профсоюзам. Его главной целью было объявлено развитие «здорового тредьюнионизма», способного обеспечить «стабильность и гармонию интересов в производстве»¹³. Для превращения профсоюзов в средство достижения «мира в промышленности» и «изгнания» из их деятельности «духа политики» они были поставлены под контроль государства. Все организации рабочих должны были быть зарегистрированы властями. Профсоюзы обязывались регулярно представлять им информацию о своей деятельности и о финансах¹⁴. Лишь после консультации с властями и с их одобрения мог быть избран секретарь профсоюза, который являлся освобожденным работником, вел всю текущую работу и представлял профсоюз перед хозяевами. Деятельность профсоюзов «во имя общей цели — увеличения производства» ограничивалась и направлялась главным образом на достижение «полного сотрудничества» рабочих с предпринимателями. Профессиональные союзы должны были прежде всего воспитывать рабочих в «духе соблюдения их обязательств перед хозяевами и государством»¹⁵.

Подобная политика по отношению к профессиональным организациям пакистанского пролетариата создавала благоприятные условия

⁹ См. «Dawn», Karachi, 23.III.1962.

¹⁰ «Towards a new Pakistan...», p. 43.

¹¹ «The Pakistan times», 22.X.1959.

¹² «Pakistan 1961—1962», Karachi, 1962, p. 48.

¹³ «Рост здорового тредьюнионизма необходим для устойчивой социальной системы, означающей промышленный и социальный мир, растущее производство и равное распределение богатства» («Our labour policy», p. 1).

¹⁴ По обвинению в нарушении этого положения осенью 1959 г. в Карачи было запершено 15 профсоюзных организаций («The Pakistan times», 4.X.1959).

¹⁵ «Economic observer», March 1959, p. 7.

для деятельности реформистских профсоюзов. Что касается деятельности боевых профсоюзов, то она была крайне затруднена¹⁶, а таким признанным профсоюзным лидерам, как Ибрагим Мирза, было запрещено участвовать в работе профсоюзов.

В 1958—1962 гг. правительство предприняло ряд мер, направленных на известное улучшение условий жизни и труда рабочих. К их числу относятся распоряжения об открытии на территории крупных предприятий лавок по продаже риса и пшеницы по твердым ценам, предписание владельцам фабрик с числом рабочих более 1 тыс. строить общежития для рабочих и иметь в штате специалиста по технике безопасности, запрещение локаутов¹⁷, а также некоторые законодательные акты в области социального обеспечения. Прекрасно понимая, что невероятно тяжелые условия жизни¹⁸ заставляют рабочих вести стачечную борьбу, руководители государства обращались с призывами к недальновидным и корыстным пакистанским буржуа пойти в их же собственных интересах на определенные уступки и уделить часть получаемых ими огромных прибылей на улучшение материального положения рабочих. «Предприниматели должны осознать свою социальную ответственность,— подчеркивал на пресс-конференции в декабре 1958 г. министр промышленности А. Касем-хан. — Они должны быть заинтересованы в том, чтобы рабочие жили лучше»¹⁹.

Однако пакистанские дельцы и бизнесмены оставались глухими к этим призывам. Они не только не шли на какие-либо уступки рабочим, но, пользуясь любой возможностью (главным образом попустительством местных властей), уклонялись от выполнения правительственных распоряжений. Незаконные увольнения, удлинение рабочего дня, переносы выходных, сокращение заработной платы и прочие нарушения установленных положений широко практиковались хозяевами предприятий²⁰. Особенно часто нарушалась установка правительства о том, что зарегистрированные профсоюзы должны быть признаны предпринимателями²¹. Поэтому пакистанским рабочим в упорной борьбе приходилось добиваться претворения в жизнь провозглашенных законов.

Решения правительства по социальному обеспечению явились наиболее важными среди мероприятий, направленных на улучшение условий жизни и труда рабочих. В течение всего времени самостоятельного существования Пакистана состояние социального обеспечения рабочих, мало чем отличавшееся от периода колониального режима, было крайне неудовлетворительным. Отсутствие гарантийного миниму-

¹⁶ По данным печати, многие из них были запрещены, так как совершали «неблагоприятные действия»: прежде всего участвовали в «незаконных забастовках» и «не принимали необходимых мер против своих членов, участвовавших в незаконных забастовках» («The Pakistan times», 26.IV.1960).

¹⁷ «West Pakistan year book. 1960», Lahore, 1960, pp. 106—107; «The Pakistant times», 9.VII.1959.

¹⁸ Подробнее об этом см.: Л. Р. Гордон-Полонская, *Положение рабочего класса Пакистана (1947—1957)*, — «Пакистан. История и экономика», М., 1959, стр. 46—86; Т. Рузнев, *Положение рабочего класса и рабочее движение в Западном Пакистане (1947—1957)*, — «Краткие сообщения Института народов Азии АН СССР», М., 1961, XLII, стр. 84—99.

¹⁹ «Economic observer», December 1958, p. 9.

²⁰ В ноябре 1959 г., например, хозяева крупнейшей текстильной фабрики в Лахоре объявили локаут («Dawn», 10.XI.1959).

²¹ Это обстоятельство было отмечено в одном из выступлений В. А. Бурки в апреле 1960 г. («The Pakistan times», 26.IV.1960).

ма заработной платы, пенсий по возрасту и в случае потери трудоспособности, бесплатного медицинского обслуживания и пр. в условиях пакистанской действительности, ничем не ограниченного произвола владельцев предприятий, огромного производственного травматизма, массовых заболеваний и высокой смертности крайне отрицательно сказывалось на положении рабочих и вызывало с их стороны большое недовольство. Эти вопросы уже давно стояли в повестке дня политической жизни страны, их неоднократно обсуждали в законодательных органах; с каждым годом они приобретали все большую остроту, и игнорировать их становилось уже просто невозможно.

1 октября 1961 г. был опубликован указ президента о гарантийном минимуме заработной платы²². В соответствии с этим указом в каждой провинции создавались комитеты по определению минимума заработной платы, деятельностью которых руководил совет, учреждаемый при центральном правительстве. Каждый провинциальный комитет состоял из председателя, так называемого независимого члена и двух лиц, представляющих уже предпринимателей и рабочих. В случае когда комитет занимался конкретно делами какого-либо предприятия или отрасли промышленности, в его состав могли быть дополнительно введены по одному представителю от хозяев и рабочих данного предприятия. Все члены комитета назначались правительством. Председатель и «независимый член» должны были быть «людьми, хорошо знающими промышленность, отношение между трудом и капиталом, экономические условия провинции, и в то же время не связанными с предпринимательством и ни с одной организацией рабочих и предпринимателей»²³. Центральный совет по вопросам гарантийного минимума заработной платы включает обоих председателей провинциальных комитетов и четырех членов (по два от провинций), назначенных провинциальными правительствами и представляющих соответственно рабочих и предпринимателей Западного и Восточного Пакистана. Председатель совета назначается центральным правительством. В сферу действия президентского указа попадали все категории рабочих и служащих частных предприятий, магазинов, фирм, банков и др., кроме горняков²⁴, сельскохозяйственных рабочих и служащих государственных учреждений. Вопрос о том, для каких именно групп рабочих и служащих необходим минимум заработной платы, решается провинциальным правительством. Оно же после рассмотрения соответствующих рекомендаций комитетов устанавливает и размер этого минимума. Решение правительства является окончательным и не подлежит пересмотру в судебных инстанциях²⁵.

14 мая 1962 г. были объявлены основные положения закона о социальном страховании рабочих. Согласно этому закону, правительство должно было вводить систему социального страхования постепенно. Те, кто попадает под ее действие, получают право на пособие в случае производственных травм, по беременности, а также на медицинскую помощь. Во всех перечисленных случаях размеры ежедневного пособия варьируются между 50 и 75% дневного заработка данного рабочего. Оплата по беременности не должна быть меньше

²² «Dawn», 1.X.1961.

²³ «Dawn», 4.X.1961.

²⁴ Минимум заработной платы горнякам в размере 90 рупий в месяц был установлен в январе 1961 г.

²⁵ «Dawn», 1.X.1961; 4.X.1961.

1,12 рупии в день. При производственной травме, например, устанавливается пособие из расчета 60% ежедневного заработка. В случае смерти рабочего из-за несчастного случая на производстве членам его семьи выплачивается пенсия: жене — в размере $\frac{3}{5}$ пособия, предоставляемого при производственном травматизме, и детям (до 16 лет) — в размере $\frac{1}{5}$ этого пособия. Если же смерть наступила в результате болезни или каких-либо других причин, не связанных непосредственно с производством, семье дается единовременное пособие в размере ежедневного пособия по травматизму, помноженного на 30, но не меньше 50 рупий. Протяженность оплачиваемого отпуска по беременности устанавливалась в 12 недель (6 недель до родов и столько же после); бюллетень по болезни должен оплачиваться не более 91 дня. Закон запрещал хозяевам увольнять, переводить на хуже оплачиваемую должность или как-нибудь иначе ущемлять рабочего во время его болезни.

Для осуществления провозглашенной системы социального страхования предусматривалось создание на предприятиях специальных фондов, образуемых путем взносов хозяев и рабочих при соотношении этих взносов 2 : 1²⁶.

Решения правительства об установлении минимума заработной платы и о социальном страховании рабочих бесспорно имеют определенное положительное значение и в какой-то мере улучшают положение некоторых групп рабочих (для сравнения укажем на прежнее положение о пособиях и пенсиях, когда в случае производственного травматизма и потери трудоспособности потерпевшему выдавали лишь единовременное пособие, а в случае смерти рабочего в результате несчастного случая на производстве члены его семьи пенсией не обеспечивались). Однако ряд весьма существенных моментов снижает значимость обоих этих решений.

Возьмем указ о минимуме заработной платы. Серьезный недостаток этого закона — его положение, что установление гарантийного минимума для тех или иных категорий рабочих производится правительством «по мере надобности». Как заявил В. А. Бурки 30 сентября 1961 г., правительство вводит минимальный уровень заработной платы там, где, «по его мнению, заработная плата рабочих неудовлетворительна и они испытывают трудности»²⁷. Другими словами, введение этого закона означало не *обязательное* и *повсеместное* установление твердого гарантийного минимума, а лишь *возможность* такого установления на отдельных предприятиях. Вот почему за несколько лет, прошедших с момента опубликования указа, минимум заработной платы был введен только для части рабочих и служащих²⁸. Далее закон о твердом минимуме заработной платы не распространяется на сельскохозяйственных рабочих, на этот многочисленный отряд пакистанского пролетариата, условия труда которого вообще никак не регулируются (у них нет ни установленной заработной платы, ни фиксированной рабочей недели). Правительство, по свидетельству В. А. Бурки, в марте 1962 г. лишь «рассматривало вопрос о проведении исследования для

²⁶ «The Pakistan times», 14.VIII.1962; «Progress of the month», May 1962, pp. 5—6; «Handbook of workmen's compensation legislation», [S. I.], 1962.

²⁷ «Dawn», 1.X.1961.

²⁸ «Dawn», 21.V.1964.

выяснения, что можно сделать для улучшения положения сельскохозяйственных рабочих»²⁹.

Вводимая минимальная заработная плата низка, она не может обеспечить существование рабочего, не говоря уже о его семье (зачастую вводимые ставки оказывались меньше, чем это предлагал комитет по определению минимума оплаты труда рабочих). Так, в спичечной промышленности минимальная ежемесячная заработная плата была установлена в следующих размерах: для неквалифицированных рабочих — 32,5 рупии, для полуквалифицированных — 41 и для квалифицированных — 52 рупии. Для рабочих хлопчатобумажной промышленности минимальные ставки были зафиксированы соответственно в 50, 65 и 75 рупий, а для рабочих джутовых предприятий — 60, 64 и 72 рупии³⁰. (По данным комиссии, проводившей обследование положения различных категорий трудящихся в 1957 г., для семьи промышленного рабочего необходимый минимум — 155 рупий в месяц³¹. Следует иметь в виду, что в условиях массовой безработицы в пакистанской семье работает обычно один человек. Заметим также, что за прошедшие после 1957 г. несколько лет стоимость жизни в Пакистане значительно возросла). Эффективность установления гарантированного минимума заработной платы намного была ослаблена для рабочих также и тем, что определением квалификации по установленным категориям занимались сами предприниматели, постаравшиеся как можно большее число рабочих, прежде считавшихся квалифицированными, отнести к разряду полуквалифицированных и даже неквалифицированных. И, наконец, в виде минимальных ставок заработной платы предприниматели получили тот базисный уровень, которого они были обязаны достичь, но отнюдь не превысить. Поэтому, несмотря на призывы правительства к владельцам предприятий не рассматривать минимум заработной платы как ее единственную форму, хозяева начали снижать заработную плату рабочих, подгоняя ее под минимальную³².

Что касается мер по социальному страхованию, то прежде всего надо отметить, что они распространяются лишь на рабочих ценовой промышленности; мелкие и кустарные предприятия под действие этого закона не попадают. Между тем положение именно этих многочисленных категорий рабочих является особенно тяжелым. Осуществление провозглашенной правительством схемы социального страхования, как отмечалось выше, производится частично за счет самих же рабочих³³. Устранение государства от финансового обеспечения системы социального страхования означает, что ее проведение в жизнь практически поручается владельцам предприятий. А это дает им большие возможности, для того чтобы уклоняться от выполнения решений правительства. Они или попросту игнорируют эти решения, или же предприни-

²⁹ «Dawn», 23.III.1962.

³⁰ «The Pakistan times», 5.VIII.1963; Али Ахмед, *Рабочий класс Восточного Пакистана*, — «Народы Азии и Африки», М., 1964, № 2, стр. 35; М. А. Раза, *The industrial relations system of Pakistan*, Karachi, 1963, p. 108.

³¹ «Statistical bulletin», Karachi, January—February 1958, pp. 71—72.

³² М. А. Раза, *The industrial relations system of Pakistan*, p. 109.

³³ Еще в январе 1959 г. М. Айюб-хан заявил, что социальное обеспечение — это «такого рода деятельность, которая лучше всего осуществляется посредством „самопомощи“» («The President speaks. Extracts from the Speeches made by general Muhammad Ayub Khan», Lahore, 1959, p. 26).

мают кое-какие шаги, чтобы создать видимость их выполнения³⁴.

Все эти моменты значительно снижают эффективность законов по социальному страхованию рабочих. Даже официальный орган, газета «Пакистан таймс», вынужден был расценить эти законы как недостаточные³⁵. Кроме того, мероприятия правительства в области социального обеспечения рабочих и служащих затрагивают лишь очень ограниченную сферу условий труда в целом, не говоря уже о том, что по-прежнему вне всякого регулирования остаются условия труда некоторых наиболее эксплуатируемых и притесняемых групп пакистанских трудящихся — сельскохозяйственных рабочих, поденщиков, работающих по контракту и др. Также не были приняты такие жизненно важные для рабочих меры, как установление пенсий по возрасту и пособий по безработице, сокращение рабочего дня в жаркие месяцы, введение бесплатного технического обучения. Фактически неизменной сохранилась и система посредничества при наборе рабочей силы. Не было установлено никаких гарантий в отношении занятости рабочих.

Таким образом, характер политики правительства М. Айюб-хана в области труда говорит о большом внимании, уделяемом правящими кругами Пакистана рабочей проблеме в 1958—1962 гг. Об этом свидетельствуют помимо рассмотренных выше мероприятий также и введение специального обучения всех государственных чиновников вопросам, связанным с рабочей проблемой, и создание государственных институтов по «изучению и улучшению отношений в промышленности»³⁶.

В целом в рассматриваемый период политика правительства в области труда была направлена на защиту интересов пакистанской буржуазии как класса, на укрепление и упрочение ее позиций, хотя некоторые аспекты этой политики и вызывали недовольство отдельных прослоек деловых кругов. Достижение данной стратегической цели осуществлялось более гибкими и разнообразными средствами, чем прежде. В этом смысле решения правительства по социальному обеспечению следует рассматривать не столько как уступку, непосредственно вызванную борьбой рабочего класса, сколько как меру по предотвращению подъема классовой борьбы пролетариата. Кроме того, решения, принятые правительством, уже давно были поставлены в повестку дня политической жизни страны и нуждами развивающейся экономики, требующей более квалифицированного, более грамотного рабочего.

Следует иметь также в виду, что действия правительства, направленные на некоторое улучшение материального положения рабочих, сопровождалось ограничением их политических прав.

Рабочий вопрос остается одним из самых острых вопросов внутренней жизни страны, тесно связанных с общими проблемами экономического и политического развития Пакистана.

³⁴ Во исполнение постановлений правительства об оказании рабочим медицинской помощи, строительстве детских садов и яслей, общежитий и т. д. было объявлено, что на джутовых фабриках Адамджи (Восточный Пакистан) открыты поликлиника со стационарным больничным отделением, ясли, детский сад. Все дело лишь в том, что больница рассчитана на 20 коек, а детский сад — на 50 детей, в то время как на фабриках Адамджи трудятся несколько десятков тысяч человек. Жильем здесь обеспечены всего 12—15% рабочих («Азия и Африка сегодня», М., 1963, № 6, стр. 35).

³⁵ «The Pakistan times», 14.VIII.1962.

³⁶ «Pakistan, 1961—1962», p. 50.

С. С. Баранов

**НЕКОТОРЫЕ ТЕХНИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ
ПРОБЛЕМЫ МЕХАНИЗАЦИИ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА
ВОСТОЧНОГО ПАКИСТАНА**

(Комилльский эксперимент)

В центре экономической и политической жизни современного Пакистана стоит задача обеспечения самостоятельного экономического развития страны. В связи с этим особое значение приобретает вопрос о резком увеличении сельскохозяйственного производства, без чего невозможно ни решение все еще весьма острой продовольственной проблемы, ни изыскания внутренних ресурсов для индустриализации страны.

Наряду с нерешенностью основного вопроса о наделении непосредственного производителя земель серьезным препятствием на пути увеличения сельскохозяйственного производства остается его крайне низкая техническая база. Поэтому на первый план все больше выдвигается проблема механизации сельского хозяйства Пакистана.

Настоящая статья не претендует на всесторонний анализ этой сложной проблемы. Здесь лишь делается первая в нашей литературе попытка осветить те точки зрения по вопросу механизации крестьянского хозяйства, которые существуют в самом Пакистане, а также ввести в наш научный оборот материалы, собранные иностранными экспертами и пакистанскими государственными учреждениями и научными центрами по вопросам механизации сельского хозяйства Восточного Пакистана.

В течение многих лет решение проблемы механизации сельскохозяйственного производства Восточного Пакистана практически замыкалось в рамках отдельных дискуссий о возможности и необходимости такой механизации и тех последствиях, которые она вызовет. Доводы о нецелесообразности применения машин, как правило, брали верх в силу того, что их введение якобы увеличит число незанятых людей в деревне, что применение машин затруднено из-за малых размеров земельных участков, что в провинции не создана база технического обслуживания машин и т. д. Эти дискуссии отражали существование в стране различных классовых точек зрения о путях и формах развития земледельческого производства.

Большинство авторов экономических обзоров о положении сельского хозяйства Пакистана приходят к выводу об отсутствии условий для ме-

ханизации сельскохозяйственных работ в Восточном Пакистане¹. Внедрение машин в сельское хозяйство провинции, по их мнению, возможно только после консолидации земельных участков, создания разветвленной сети машинно-тракторных станций, подготовки необходимого числа специалистов, а также развития промышленности, которая поглотит излишек рабочей силы, порождаемый внедрением машин в сельском хозяйстве.

Однако в последнее время в Пакистане появилось немало противников этой точки зрения.

В Восточном Пакистане были сделаны (по имеющимся у нас данным) две попытки предварительного научного обобщения данных, связанных с применением сельскохозяйственных машин и тракторов: одна — иностранными экспертами, другая — специалистами, работающими в государственной Сельскохозяйственной академии в Комилле.

Доклад, представленный правительству Восточного Пакистана в 1958 г. одним из специалистов ФАО, в течение ряда лет работавшего в различных сельскохозяйственных учреждениях страны², и материалы обзоров о возможности применения тракторов в сельском хозяйстве провинции, подготовленных в Сельскохозяйственной академии в Комилле³, являются практически единственными публикациями, данные которых могут быть использованы для анализа проблемы экономической целесообразности использования машинной техники при обработке земельных участков в Восточном Пакистане.

Судя по официальным данным, внимание правительства к проблемам механизации сельского хозяйства за последние годы заметно усилилось. Благодаря созданию государственных кредитных и кооперативных ассоциаций, опытных хозяйств и прокатных тракторных станций (пока еще единичных) применение тракторов в сельском хозяйстве заметно расширилось (табл. 1). Однако механизация остается на таком уровне, что она не может еще коренным образом изменить техническую базу сельского хозяйства в целом.

Таблица 1

Объем работ, выполненных при помощи тракторов и насосов, находящихся в ведении государственных организаций *

Год	Число тракторов	Площадь, обработанная при помощи тракторов (акры)	Число насосов	Площадь, орошаемая в результате использования насосов (акры)
1955/56	25	1595	40	2 650
1956/57	30	3000	135	10 000
1957/58	32	3200	541	29 000
1958/59	55	5700	848	32 790
1959/60	66	7300	1345	47 370

* «Mechanized cultivation and power pump irrigation in East Pakistan», Dacca, January 1962, p. 3.

¹ «Pakistan economic journal», August 1954, vol. IV, № 2, pp. 297—298; M. Sh. Gill, *Economics of farm mechanization*, — «The 3rd annual conference of agricultural economic society of Pakistan», Lyallpur, December 1961, pp. 2—3; «A new rural co-operative system for Comilla thana» (Second annual report, 1962), Comilla, 1962, p. 56.

² P. J. Venable, *Report to the Government of East Pakistan on agricultural mechanization in East Pakistan*, F.A.O. Report 950, Rome, 1958, pp. 11—12.

³ «Introduction of tractors in a subsistence farm economy», Comilla, 1962.

В докладе специалиста ФАО правительству Восточного Пакистана, который мы упоминали выше, содержится характеристика практики использования тракторов в сельском хозяйстве Восточного Пакистана.

В ведении Управления сельского хозяйства Восточного Пакистана в 1958 г. находилось 124 трактора⁴, из которых 35 использовались на государственных фермах, а остальные — для обработки частных земельных владений на условиях временной аренды-проката⁵. Из 124 тракторов только 25 по мощности и системе хода отвечали требованиям, необходимым в условиях Восточного Пакистана, имели нужные приспособления для навесных орудий и гидравлический контроль механизмами. Основная же масса тракторов практически была непригодна к условиям эксплуатации из-за несоответствия мощностей и типов навесных орудий, а также из-за необходимости использования особого качества горючего, дефицитного в Восточном Пакистане.

При отсутствии необходимых технических специалистов, какой-либо ремонтной базы, устойчивой сети снабжения горючим и т. д. практика применения тракторов была скорее «печальным опытом преодоления трудностей, которые создавались самым фактом наличия непригодных в условиях Восточного Пакистана машин»⁶.

Изменилось ли положение в Восточном Пакистане за последние годы?

Корпорация сельскохозяйственного развития Восточного Пакистана приняла в 1961 г. проект использования тракторов на 1960—1965 гг. (табл. 2), который в известной степени отражал влияние распространенной идеи о спорности экономической целесообразности широкой механизации сельскохозяйственных работ в провинции из-за существующего огромного избытка дешевой рабочей силы в деревне.

Стоимость осуществления указанного проекта определялась в 57,9 млн. рупий. Планировалось, что в течение последующих пяти лет первоначальные затраты Корпорации будут возмещены за счет прибылей государственных ферм, где предполагалось использовать технику,

Таблица 2

Планируемый объем механизированных работ*

Год	Число тракторов	Площадь, намеченная к обработке при помощи тракторов (акры)	Число насосов	Площадь возможной ирригации (акры)
1960/61	140	18 200	1924	104 000
1961/62	160	20 800	2825	174 530
1962/63	160	20 800	3755	254 630
1963/64	160	20 800	4855	347 130
1964/65	166	21 000	5855	417 130

* «One year of E.P.A.D.C.», Дакка, 1962, р. 21; «Mechanized cultivation and power pump irrigation...», pp. 5, 8.

⁴ По данным доклада, общее число используемых в Восточном Пакистане тракторов значительно больше, чем указывается в других источниках. Такое завышение объясняется, вероятно, включением в это число тракторов, находившихся в распоряжении Лесного департамента Управления сельского хозяйства.

⁵ P. J. Venable, *Report to the Government of East Pakistan...*, pp. 11—12.

⁶ Ibid.

и за счет сдачи в аренду тракторов и насосов сельскохозяйственным кооперативам и отдельным землевладельцам⁷.

По данным итогов выполнения первых трех лет пятилетнего плана Пакистана, число тракторов, находившихся в ведении государственных организаций Восточного Пакистана, составило в 1960/61 г.— 92, в 1961/62 г.— 125 и в 1962/63 г.— 157. Площадь же обработанных при помощи тракторов земель составила соответственно 9 тыс., 8100 и 18 328 акров⁸. Несмотря на несомненные сдвиги (увеличение площади обрабатываемых тракторами земель в два раза), коренного перелома в пользу усиления темпов механизации сельскохозяйственных работ в Восточном Пакистане не произошло.

Материалы, собранные Сельскохозяйственной академией в Комилле, касаются перспектив механизации сельского хозяйства в Пакистане, ее целесообразности и необходимости.

Сельскохозяйственная академия в Комилле была основана как государственная организация в 1959 г. и в конце того же года начала осуществление экспериментального проекта создания кооперативного центра. При академии была создана Центральная кооперативная ассоциация и Учебный центр.

Основной задачей деятельности академии и созданных на ее базе организаций была перестройка сельскохозяйственного производства на основе кооперирования и использования техники. Кредитование созданных усилиями академии сельскохозяйственных кооперативов происходило через Центральную кооперативную ассоциацию, под валютно-финансовый контроль которой позднее было передано и использование принадлежащих академии тракторов.

Комилльский эксперимент имеет общенациональное значение, так как по решению центрального правительства опыт и положительные результаты этого эксперимента должны быть распространены по всей провинции.

Проведенный силами академии в Комилле обзор развития системы землевладения и землепользования в деревне Дханишвар рисует типичную для Восточного Пакистана картину жизни простых людей этой провинции⁹:

Год	Число семей	Число жителей	Число домов	Обрабатываемая земля (акры)	Плуги	Рабочие быки	Коровы и вербачье быки	Число людей на 1 акр	Количество скота на 1 акр
1894	26	130—180	68	116	26	45	19	1,3	0,5
1960	77	426	163	151	41	80	108	2,8	1,2

Иными словами, в 1960 г. каждый акр земли должен был не только обеспечить занятость и прожиточный минимум для вдвое большего числа людей, чем в 1894 г., но и принять на себя вдвое большее количество домашних животных.

⁷ «Mechanized cultivation and power pump irrigation in East Pakistan», Дacca, January 1962, pp. 5, 8.

⁸ «Mid-plan review of progress in 1960/61—1961/62 under the Second five-year plan», Karachi, October 1962, p. 22; «Economic survey of East Pakistan, 1963—64», Dacca, 1964, p. 12.

⁹ «Introduction of tractors...», pp. 2—3.

Положение в деревне Дханишвар не является исключением. Плотность населения в целом по району Комилла составляла, по данным на 1961 г., 1680 человек на 1 кв. милю¹⁰.

По утверждению авторов обзора, если в большинстве стран увеличение поголовья скота на единицу площади обрабатываемой земли считается показателем развития сельского хозяйства, то в условиях Восточного Пакистана такое увеличение — показатель растущей «конкуренции» между крестьянами и домашними животными. В Восточном Пакистане нет пастбищ для выпаса скота. Обрабатываемая земля должна одновременно обеспечивать продуктами питания крестьянина и его семью и кормами домашних животных. Производства кормов для свободной реализации на рынках в провинции нет. Ежегодное увеличение «нагрузки» на землю в Восточном Пакистане происходит в условиях сохранения орудий и средств производства, которые существовали и 30 и 50 лет назад.

У экономистов самых различных направлений нет сомнений, что существующие в провинции мощности сельскохозяйственного производства не могут обеспечить прожиточный минимум ее населения.

Ежегодный зерновой дефицит в 300—500 тыс. т стал хроническим явлением в экономике Восточного Пакистана. При существующих технике и уровне развития производительных сил в сельском хозяйстве и на базе практикуемой агрикультуры земледелия невозможно какое-либо радикальное увеличение производства. Не может облегчить тяжелого положения и увеличение общего числа занятых сельскохозяйственных рабочих.

Обработка 1 акра земли под рисом требует затраты определенного количества ручного труда. Увеличение количества затраченного ручного труда свыше оптимально «необходимого» будет означать снижение производительности труда и последующую нерентабельность ведения самого хозяйства. Поэтому существующие в Восточном Пакистане возможности увеличения числа занятых сельскохозяйственных рабочих и соответственно ручного труда не могут дать пропорционального увеличения количества производимой продукции. Скорее наоборот, каждое такое увеличение ведет к падению производительности труда в сельском хозяйстве и увеличению имеющихся трудностей.

Частичное улучшение агрикультуры земледелия и, в частности, увеличение количества используемых удобрений, улучшенных сортов семян, несомненно, может повысить урожайность полей и снизить остроту зернового дефицита в провинции. Однако эти мероприятия не могут решить всего комплекса противоречий развития производительных сил в сельском хозяйстве Восточного Пакистана.

По данным материалов эксперимента в Комилле, проблема внедрения тракторов в сельское хозяйство обостряется в связи с тем, что условия для расширения поголовья рабочего скота крайне ограничены. В одном из экономических обзоров, подготовленных в академии, говорится: «Экономика сельского хозяйства достигла такого критического уровня развития, когда тягловой силой в сельском хозяйстве вместо быков должен стать человек, ибо земля уже не в состоянии содержать рабочий скот»¹¹.

¹⁰ Ibid., p. 7.

¹¹ «A new rural co-operative system for Comilla thana» (Second annual report, 1962), p. 56.

Следовательно, внедрение тракторов и других машин в сельскохозяйственное производство провинции — объективно закономерный процесс развития производительных сил в деревне, процесс, который не может быть отвергнут объяснениями об особых, специфических условиях, существующих в бенгальской деревне. Как отмечалось в одном из экономических докладов, «тракторы должны быть внедрены так быстро, как это позволяют экономические и человеческие ресурсы»¹².

Совершенно очевидно, что механизация основных сельскохозяйственных работ может не только улучшить техническую базу сельского хозяйства, но и будет способствовать изменению характера существующих в Восточном Пакистане форм землевладения. Использование машин в сельском хозяйстве провинции требует хотя бы временного (на период обработки) объединения мелких земельных участков. Это признается и авторами докладов.

Необходимость улучшения производства сельского хозяйства Восточного Пакистана и признание факта, что в провинции практически нет хозяйств, которые могли бы быстро перерасти в крупные механизированные капиталистические фермы, побуждают правительство или идти на создание полугосударственных прокатных станций, немногочисленный тракторный парк которых обрабатывает на условиях аренды поля членов пока еще очень малочисленных сельскохозяйственных кооперативов, или использовать тракторы и другую технику на опытных фермах, находящихся в ведении Корпорации сельскохозяйственного развития.

Приводимые в докладах сотрудников академии в Комилле материалы неопровержимо доказывают, что без механизации улучшение сельскохозяйственного производства невозможно. Особый интерес представляют в этом отношении данные, характеризующие существующие в сельском хозяйстве провинции орудия труда и тяговую силу (вариант 1), в их сравнении с перспективами использования машин, и прежде всего трактора (вариант 2).

Около 80% всей обрабатываемой земли заняты под посевами риса. Поэтому проблема механизации сельскохозяйственных работ в провинции — это в основном проблема возможности использования машин в производстве указанной культуры. Производство риса включает следующие основные процессы: 1) первоначальная пахота участка; 2) подготовка почвы к посеву (включая культивацию); 3) посев или трансплантация; 4) уборка урожая; 5) обмолот.

Вариант 1. Обработка рисовых полей с использованием рабочих быков и плугов

По имеющимся данным, стоимость одного рабочего быка в провинции составляет 300—400 рупий, плуга — 24 рупии, содержание одного быка в год определяется примерно в 400—410 рупий, стоимость аренды одного быка в день составляет 6 рупий, а наем рабочей силы (один человек) на рабочую смену — 1,5 рупии¹³.

Пара быков, которая тянет деревянный (с металлическим покрытием) плуг, может обработать (3 пропашки) 0,5 акра в день, работая в две смены, причем при существующей, падающей из года в год, тяговой

¹² Ibid., p. 57.

¹³ «Introduction of tractors...», pp. 6, 55, 61.

силе быка, определяемой в 0,4 л. с.¹⁴, это достигается с большим трудом. Через два часа работы с таким плугом быки резко снижают темп и через четыре часа выходят из строя.

Стоимость обработки 0,5 акра будет определяться в 15 рупий (наем двух человек и двух быков) и, следовательно, 1 акра (три стадии) — в 30 рупий. Одна вспашка или боронование обходится в 10 рупий. По имеющимся данным, для обработки поля под рис при помощи плуга и быков необходимо четыре, а иногда и пять заходов. Таким образом, стоимость полной годовой обработки 1 акра при помощи быков и деревянного плуга может быть определена в 40—50 рупий¹⁵.

Не следует, однако, думать, что в условиях Пакистана каждое крестьянское хозяйство обеспечено рабочим скотом и плугами. По данным одного из обзоров условий занятости в сельском хозяйстве Восточного Пакистана, в одной из типичных деревень провинции (взятой в качестве базы для научного исследования) на 129 семей имелось 107 голов скота, в том числе всего 27 быков; 109 семей из 129 не имели быков в своем хозяйстве. Только у 5% семей были собственные плуги, у остальных — в лучшем случае один плуг на два хозяйства¹⁶.

Аналогичная картина и по всей провинции в целом: 2100 тыс. хозяйств (примерно 35% общего числа) не имели рабочих быков. В хозяйствах с участками до 2,5 акра, составляющих 51% общего числа хозяйств провинции, 59% землевладений не имело рабочего скота. Для средних землевладений (размеры участков — от 2,5 до 12,5 акра) этот процент снижается до 10¹⁷. Само по себе содержание быка не под силу хозяйствам, имеющим менее 3—4 акров земли¹⁸.

По данным одного из экономических обследований, проведенных в Индии еще до раздела, в условиях Бенгалии парой средних быков можно обработать 3,3 акра земли¹⁹ (10 биггов), не снижая качества пахоты и не повышая оптимальной интенсивности труда животных. Если принять эти данные за основу расчетов, то можно предположить, что имеющиеся в Восточном Пакистане 6 675 430 рабочих быков²⁰ могут условно обработать лишь 11 млн. из имеющихся 18,8 млн. акров посевных площадей.

Не лучше положение и с наличием плугов в Восточном Пакистане.

По данным сельскохозяйственной переписи 1960 г., на 6 464 400 хозяйств в провинции имеется лишь 5 171 750 плугов (в абсолютном большинстве — деревянные). В среднем на один плуг приходится 3,7 акра земли. В группе хозяйств размером до 2,5 акра, составляющих 51% общего числа, на каждые пять хозяйств имеется лишь два плуга²¹.

Следовательно, большинство хозяйств провинции вынуждено арендовать пару быков и (в большинстве случаев) плуг.

Таким образом, в Восточном Пакистане при введении машинной обработки полей в действительности не возникает проблемы «вытеснения» быков из хозяйств и их замены машинами. Существует лишь проблема

¹⁴ Ibid., p. 5; «Some aspect of rural capital formation in East Pakistan», Dacca, 1963, p. 44.

¹⁵ «The pattern of agricultural unemployment», Dacca, 1962, p. 12.

¹⁶ «Introduction of tractors...», pp. 2—3.

¹⁷ «The Dacca times», 3.V.1963.

¹⁸ «Introduction of tractors...», p. 8.

¹⁹ См. «Some aspect of rural capital formation...», p. 45.

²⁰ «1960 Census of agriculture, All Pakistan», vol. III, Report 1, Karachi, 1964, p. 52, table 39.

²¹ Ibid., p. 43, table 20.

необходимости внедрения более производительной и рентабельной тягловой силы. Тот факт, что для большинства крестьянских хозяйств аренда быков (как единственный путь решения проблемы обработки полей) неизбежна, сам по себе усиливает аргументы в пользу более широкого внедрения машин.

Данные эксперимента в Комилле, обобщенные в материалах «варианта 1», убедительно опровергают доводы противников механизации сельского хозяйства. Они доказывают, что решение задачи увеличения сельскохозяйственного производства наталкивается на необеспеченность хозяйств тягловой силой. Возможность же для расширения поголовья рабочего скота крайне ограничена. В этих условиях применение сельскохозяйственных машин становится единственным выходом для обеспечения сельскохозяйственного производства тягловой силой.

Вариант 2. Обработка рисовых полей с использованием тракторов

Проведенные в провинции эксперименты и некоторый накопленный опыт показывают, что трактор целесообразно использовать для первоначальной пахоты сразу же после снятия осеннего урожая (аман). В течение многих десятилетий крестьянин после снятия осеннего урожая оставлял участок пустовать. Этот период длился, как правило, с декабря по апрель и определялся двумя обстоятельствами. Во-первых, в это время земля относительно сухая и пахота с помощью быков затруднена. Крестьянин начинает обработку поля с началом сезона дождей, когда влажную почву легче обрабатывать. Во-вторых, крестьянин занят обмолотом собранного риса. Поэтому использование трактора для пахоты сразу же после осеннего урожая не только сохраняет непрерывность процесса обработки и способствует улучшению структуры почвы, но и (главное!) практически не «вытесняет» рабочих рук из сферы сельскохозяйственного производства, о чем высказывается так много опасений, ибо в это время крестьянин полностью занят обмолотом.

В условиях Восточного Пакистана один трактор может обработать 6—8 акров земли в день²². Применение трактора сокращает время, затрачиваемое на обработку земли, а более ранние посевы дают выигрыш во времени и в условиях ирригации позволяют снимать три урожая в год.

Эксперименты, проведенные в Восточном Пакистане, показывают, что пахота с использованием трактора в 2—3 раза качественнее по сравнению с обработкой земли быками и деревянным плугом. При механизации сельскохозяйственных работ урожайность полей повышается не менее чем на 20%. Затраты ручного труда при прополке поля, вспаханного трактором, сокращаются почти вдвое²³.

Итак, следует признать, что использование трактора при обработке рисового поля может содействовать решению основной проблемы — повышению урожайности и в конечном итоге увеличению производства риса в провинции.

Но законна постановка вопроса: окупит ли прирост урожайности затраты в случае применения трактора и являются ли эти затраты большими, чем при использовании быков?

²² «Introduction of tractors...», p. 47.

²³ Ibid., p. 48.

Рассмотрим указанную проблему на основе данных, имеющихся в нашем распоряжении.

Проведенные Сельскохозяйственной академией в Комилле эксперименты показывают, что для производства риса необходимы две пропашки трактором с одновременной обработкой отвальными дисками и одна пропашка с помощью быков в сезон дождей вместо обычных пяти вспашек и боронования с помощью быков.

Академия в Комилле предоставляла тракторы для обработки полей близлежащих деревень на условиях аренды за 50 рупий в день. Эта стоимость аренды трактора включала в себя покрытие расходов по амортизации, стоимость горючего, обслуживание, оплату работы тракториста и другие издержки. Таким образом, стоимость обработки акра земли трактором должна была составить 8,34 рупии (при условии обработки 6 акров земли в день). Однако в среднем крестьянин платил за вспашку и боронование 1 акра при помощи трактора 12,5 рупии²⁴.

Исходя из этого, стоимость полной годовой обработки 1 акра посева должна определяться: две обработки при помощи трактора — 25 рупий и одна обработка плугом с помощью быков — 10 рупий, т. е. всего 35 рупий. Следовательно, в случае использования вместо быков трактора крестьянин может иметь при обработке акра земли экономию 15 рупий при пяти заходах и 5 рупий — при четырех.

За счет повышения урожайности при механизации сельскохозяйственных работ можно иметь дополнительно 3—4 маунда риса с акра, и «прибыль» крестьянина возрастет до 50—70 рупий²⁵.

Экономические выгоды крестьянских хозяйств, арендующих тракторы, находятся в прямой зависимости от стоимости аренды тракторов, которая в свою очередь определяется расходами по их содержанию. Величина этих расходов составляет примерно 25% стоимости трактора²⁶ (10% — амортизация из расчета «жизни» трактора в 10 лет, 6% — процент на капитал, 5% — ремонт и технический уход, 4% — другие издержки, включая налоги, хранение и т. д.) и равна 3500 рупий в год (при стоимости трактора в Восточном Пакистане 14 тыс. рупий). Если трактор будет использоваться 50 дней в году, то его аренда должна приносить не менее чем 70 рупий в день; при 100 днях работы — 35 рупий и при 175 днях (желательное число рабочих дней) — 20 рупий в день.

Если стоимость горючего и работы тракториста в течение одного дня определяется примерно от 15 до 20 рупий, то в этом случае «рентабельная сдача в аренду» трактора будет определяться суммами: при 50 рабочих днях — 90 рупий, при 100 рабочих днях — 55 и при 175 рабочих днях — 40 рупий в день.

По имеющимся данным, находящиеся в распоряжении академии в Комилле тракторы использовались в среднем только около 40 дней²⁷.

Если стоимость аренды трактора в день, установленная в академии, определялась в 50 рупий (включая стоимость горючего и работу водителя), то можно считать, что расходы по содержанию тракторов академии были несколько выше вырученных сумм. Согласно публикуемым академией данным, тракторы должны работать не менее 60 рабочих

²⁴ Ibid., pp. 47, 55, 57.

²⁵ P. J. Venable, *Report to the Government of East Pakistan...*

²⁶ «A new rural co-operative system for Comilla thana» (Second annual report, 1962), p. 61.

²⁷ Ibid., p. 63.

дней в году, чтобы гарантировать самоокупаемость их использования²⁸.

При этом следует учесть тот факт, что отдельные тракторы в самой академии были заняты до 100 рабочих дней и что небольшой тракторный парк работал в условиях отсутствия необходимой ремонтной базы и специалистов. Чем шире будут применяться тракторы в хозяйстве крестьян, тем дешевле будет обходиться содержание тракторов опытными хозяйствам и прокатным станциям.

Эксперименты, проводимые в Комилле, могут рассматриваться не только как пример образцово-показательного хозяйства, существующего при дотации государства, но и как экономически оправданное и рентабельное начинание в области механизации сельского хозяйства провинции в целом. Опыт использования тракторов на базе Сельскохозяйственной академии в Комилле в 1962—1963 гг. еще раз подтвердил существующую объективную необходимость механизации сельскохозяйственных работ в провинции.

Надо отметить, что сельскохозяйственные кооперативы, объединяемые государственной Кооперативной ассоциацией в Комилле, охотно используют предоставляемые им в аренду тракторы. Так, 35 членов кооператива Камаланпур Даика в сезон 1961 г. обработали тракторами 72 акра из 87,3 акра земельной площади, приходящейся на всех членов кооператива, т. е. здесь практически пользовались тракторами не только те, кто не имеет быков и плугов, но и имеющие их²⁹. Этот факт подчеркивает понимание крестьянами экономических выгод механизации.

По данным наблюдений в академии, владельцы участков до 2—2,5 акра являются самыми активными сторонниками системы аренды тракторов.

Практика использования тракторов отдельными крестьянами или группой крестьян — членов сельскохозяйственных кооперативов, объединяемых Кооперативной ассоциацией в Комилле, не только решает вопросы чистой экономики, но и затрагивает проблемы психологии мелкого производителя и вынуждает последнего, несмотря на устойчивость сложившихся десятилетиями форм ведения мелкотоварного хозяйства, постепенно принимать новые формы организации труда и сельскохозяйственного производства.

Наряду с трудностями, связанными с временным объединением мелких землевладений на период обработки поля трактором, возникает еще одно противоречие. Многие мелкие землевладельцы при первом же улучшении своего экономического положения, достигнутого именно в результате использования арендуемых тракторов, стремятся немедленно приобрести пару рабочих быков, видя в этом улучшение своего экономического статуса. Став хозяином одного или пары быков, крестьянин, как правило, отказывается от последующей аренды трактора и тем самым вновь лишается преимуществ механизированного рентабельного хозяйства. Этот факт еще раз подчеркивает настоятельную необходимость проведения в Восточном Пакистане более глубоких социальных изменений и ликвидации тех условий, при которых возможна консервация тяжелого экономического наследия прошлого.

В последнем обзоре деятельности Кооперативной ассоциации Сельскохозяйственной академии в Комилле имеется ссылка на существую-

²⁸ «A new rural co-operative system for Comilla thana» (Third annual report, 1963), 1963, p. 25.

²⁹ «A new rural co-operative system for Comilla thana» (First annual report, 1961), 1961, pp. 43, 53.

шие планы в будущем отказаться от организации централизованной машинно-тракторной станции, предоставляющей технику в аренду, и продавать тракторы непосредственно сельскохозяйственным кооперативам, сохраняя в своем ведении техническую станцию по ремонту и обслуживанию машин. Однако имеющиеся в распоряжении Кооперативной ассоциации и Сельскохозяйственной академии 20 тракторов не решают проблем механизации сельскохозяйственного производства в провинции независимо от того, где эти машины будут находиться — на центральной станции в академии или же во владении кооперативов.

Проблема механизации сельского хозяйства неразрывно связана с решением аграрного вопроса в целом. Только на основе его решения в пользу основных масс крестьян и создания максимально благоприятных условий кооперирования крестьянских хозяйств может быть решена и проблема механизации.

Следует в то же время признать, что те первые шаги, которые делают правительство Пакистана и различные государственные организации и научные центры по изучению путей механизации и применению сельскохозяйственных машин на практике, несомненно заслуживают внимания. Эксперимент в Комилле со всей убедительностью доказал рентабельность применения машин в крестьянском хозяйстве, а также тот факт, что механизация не только не противоречит, но, напротив, способствует решению проблемы свободных рабочих рук в деревне и наделения крестьянских хозяйств рабочим скотом и инвентарем. Этот эксперимент привлек также внимание к вопросам кооперирования сельского хозяйства, показав, что кооперация предоставляет наиболее эффективные условия для механизации.

Механизация сельского хозяйства непосредственно связана с промышленным развитием страны, внешней торговлей и финансами (мобилизация средств для создания прокатных станций и показательных хозяйств, закупка тракторов в других странах на наиболее приемлемых для Пакистана условиях, наконец, создание собственной тракторной промышленности).

Таким образом, проблема механизации составляет неотъемлемую часть коренной перестройки экономики страны в целом.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>О. В. Маев.</i> Индийский монополистический капитал и некоторые аспекты промышленной политики	3
<i>Р. Н. Долныкова, Г. К. Широков.</i> Концерн Таты	23
<i>И. И. Егоров.</i> Развитие экономики современной Индии и платежный баланс	34
<i>Л. К. Орлеанская.</i> Борьба вокруг проблемы производственного кооперирования индийской деревни	46
<i>М. А. Сидоров.</i> Роль торгово-ростовщической эксплуатации в обезземеливании крестьянства и социально-экономической эволюции помещичьего класса (заминдарские районы Индии)	63
<i>А. М. Мельников.</i> Крестьянское движение в Индии после первой мировой войны (1917—1922)	82
<i>Ю. В. Ганковский.</i> Некоторые особенности бенгальского национального движения в колониальную эпоху	100
<i>В. И. Казаков.</i> Борьба народа каннара за создание национального штата	124
<i>Л. И. Юревич.</i> Нагаленд (к истории создания нового штата Индии)	137
<i>С. Сингх Чима.</i> Кампания гражданского неповиновения крестьянства Пенджаба в 1959 г.	149
<i>Т. Ф. Девяткина.</i> Организационные принципы построения партии Индийский национальный конгресс	155
<i>А. Г. Бельский.</i> О социальной базе современного индусского коммунизма	168
<i>В. М. Николаев.</i> Политика пакистанского правительства в области труда (1958—1962)	189
<i>С. С. Барачов.</i> Некоторые технико-экономические аспекты проблемы механизации сельского хозяйства Восточного Пакистана (Комилльский эксперимент)	197

Коллектив авторов

ЭКОНОМИКА И ИСТОРИЯ ИНДИИ И ПАКИСТАНА

Утверждено к печати Ученым советом Института народов Азии Академии наук СССР

Редактор *И. С. Лесных*
Технический редактор *Э. Ш. Язловская*

Корректоры *Г. В. Афонина, М. Ю. Каждан*
и *Г. А. Невлева*

Сдано в набор 6/X 1965 г.	Подписано к печати 8/XII 1965 г.	А-14654	Формат 70×108 ^{1/16}
Печ. л. 13.	Усл. печ. л. 18,2.	Уч.-изд. л. 16,58.	Тираж 2000 экз.
	Зак. № 1558.	Индекс $\frac{1-11-4}{4-БЗ-39-65}$	Цена 1 руб.

Главная редакция восточной литературы издательства «Наука». Москва, Центр, Армянский пер., 2

3-я типография издательства «Наука». Москва К-45, Б. Кисельный пер., 4

1 руб.